

ЧЕЛОВЕК ВО ВЛАСТИ ЦИФРЫ: МЫШЛЕНИЕ, ЗНАНИЕ, СОЗНАНИЕ

Материалы Всероссийской научной конференции

**XVIII Таврические философские чтения
«Анахарсис»**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского
Российский государственный гуманитарный университет

XVIII Таврические
философские чтения «Анахарсис»

Человек во власти цифры:
мышление, знание, сознание

Материалы
Всероссийской научной конференции

Москва 2022

УДК 101.1:316(063)

ББК 60.0я431

ЧЗ9

Под общей редакцией
В.Ю. Ефанова

Рецензенты

А.В. Миронов, доктор философских наук, профессор, СевГУ

А.П. Романова, доктор философских наук, профессор, АстГУ

ЧЗ9

Человек во власти цифры: мышление, знание, сознание [Электронное издание]:

Материалы Всероссийской научной конференции: XVIII Таврические философские чтения «Анахарсис» / Под общ. ред. В.Ю. Ефанова. М.: РГГУ, 2022. 197 с.

ISBN 978-5-7281-3222-6

В сборнике публикуются материалы XVIII Таврических философских чтений «Анахарсис» (14–16 сентября 2022, Республика Крым, г. Судак, пос. Новый Свет).

Человек все сильнее ощущает на себе форматирование со стороны IT-сферы: цифровые технологии подгоняют человека под себя, осуществляя социокультурную разметку, при которой непопадание в формат может поместить человека в «слепую» зону и оставить его один на один с собой. Можно ли утверждать, что дигитальное одерживает верх над человеческим? История человечества – это история приложения усилий по преодолению сопротивления природы в процессе создания артефактов, свидетельствующих о творческих силах человека. Цифровые технологии заметно облегчают его жизнь, освобождают от рутинного труда, предоставляют широкие креативные возможности. Можно ли утверждать, что дигитальное стоит на службе у человеческого? Что делает IT-сфера и Цифра вообще с человеком?

Для исследователей, интересующихся разработками в области социальной философии, философии сознания, истории философии, эпистемологии, философии науки, когнитивистики и искусственного интеллекта.

УДК 101.1:316(063)

ББК 60.0я431

ISBN 978-5-7281-3222-6

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2022

Содержание

Вместо приветственного слова

Алексей Д. Шоркин

IT: безупречный код и уязвимые нарративы

6

Дилеммы цифровизации

Зарапин Олег В. Философский диалог как аутодиалог: особенность
человеко-машинной коммуникации

10

Катречко Сергей Л. Возможен ли «платоновский жест» в философии
(Бадью vs. Кант)?

13

Крышитоп Людмила Э. Философское и математическое как две стороны
рациональности: применимо ли кантовское решение сегодня?

16

Майленова Фариды Г. Дигитосексуальность: девиация, мода или наше
грядущее будущее?

20

Пигалев Александр И. Взаимосвязь аналогового и цифрового типов мышления
в философии

23

Тихонова Софья В., Сергеева Ольга В. ЗОЖ в эпоху "цифры":
между квантификацией и геймификацией

26

Философия сознания: проблема начала

Антипов Георгий А. Культурологическое пространство как бытие смыслов

29

Бургете Аяла Марина Р. Свое «другое» сознание» & Следы и последствия.
Исторический опыт трансляции знаний

32

Вечерина Ольга П. Проблема сознания в «Тирумантираме» Тирумалара

35

Головин Николай А. От бихевиористского проекта к логико-смысловому анализу
культуры в социологии П.А. Сорокина: методологический аспект

38

Ковель Анастасия Н. Философские идеи Густава Шпета с точки зрения
современной философии сознания

41

Маслова Анастасия В. Роль интуиции в прогностической деятельности
и видении будущего: к вопросу о связанности времени и сознания

43

Рыскельдиева Лора Т. Осознание и осмысление: размышления неспециалиста

45

Серкова Вера А. Антиреалистическая установка в феноменологии
и в аналитической философии

48

Сивакова Диана В. Актуальность ключевых понятий философской системы
М. Фуко

50

Спирин Тихон В. Религиозное сознание в условиях меняющегося мира

52

Шиян Анна А. Реалистическая установка и трансцендентальное сознание
в феноменологии Э. Гуссерля

54

Шульга Елена Н. Философия сознания: истоки и концептуальные основания

58

<i>Данилова Надежда Н., Данилов Алексей Н.</i> Цифровизация как глобальный мегатренд	62
<i>Дыдров Артур А.</i> Социально-гуманитарная экспертиза цифровых технологий.	64
<i>Жалдак Николай Н.</i> Социальные силы и информационная война цифровыми средствами.	67
<i>Копанева Валерия А.</i> Признание как условие власти в цифровом обществе.	69
<i>Маленко Сергей А.</i> Цифровая деволюция власти в постапокалиптическом проекте «Матрицы».	71
<i>Миляева Екатерина Г.</i> Цифровизация философских научных мероприятий: опыт и перспективы.	74
<i>Некита Андрей Г.</i> Голливудский постапокалипсис роботов: человеческие иллюзии в паутине цифровых протоколов.	77
<i>Очеретяный Константин А.</i> Тигмотаксис: цифровой аспект	80
<i>Пеннер Регина В.</i> К вопросу о цифровой философии.	82
<i>Перов Вадим Ю.</i> Экспериментальная нейроэтика: автономия vs патернализм.	85
<i>Прошкин Александр С.</i> Информационные технологии как фактор становления постиндустриального тоталитаризма.	88
<i>Смирнов Григорий С.</i> Цифра во власти человека: семиотический взгляд на природу цифровизации сознания.	91
<i>Смирнов Дмитрий Г.</i> Цифровое измерение ноосферной истории: опыт когнитивно-семиотического анализа.	94
<i>Торопова Анастасия А.</i> Отчужденная телесность в эпоху современной экотехники.	97
<i>Тупиленко Анастасия Б.</i> Роль деятеля в цифровом универсуме.	100
<i>Чеботарева Елена Э.</i> Лайфлог в контексте Digital Humanities: стратегии цифровизации памяти	103
<i>Шиповалова Лада В.</i> Наука и техника как идеология в эпоху цифровых технологий.	105

История философии в проекциях

<i>Батыр Татьяна Б.</i> Свет Алетейи Темного Гераклита	108
<i>Валуев Дмитрий Г.</i> Философия как диалог: от собеседника к пустоте.	111
<i>Волков Александр Г.</i> Сущностное пространство в философии М. Хайдеггера.	115
<i>Демин Илья В.</i> Советский проект в интерпретации евразийцев и Ивана Ильина: два вектора российского консерватизма.	118
<i>Калимбет Наталья С.</i> Проблематика культурного Другого в межкультурной философии.	121
<i>Лобастова Вера А.</i> Встреча человека и мира в проекциях языка	123
<i>Малинов Алексей В.</i> Биографика петербургской философии.	126
<i>Пешперова Изольда Ю.</i> Русская философия в информационном пространстве	128

<i>Псху Рузана В., Парибок Андрей В., Роман Лилия Г.</i> Цифровая Индология	130
<i>Шкорубская Елена Г.</i> Эссе как практика созерцания в культуре Модерна	135
<i>Янпольская Яна Г.</i> Биографема и big data: как возможна «интеллектуальная биография»?	138

Логическое знание в цифровую эпоху

<i>Васюков Владимир Л.</i> Логицизм и антилогицизм	140
<i>Лисанюк Елена Н.</i> К вопросу о решениях спора о действиях и оценке делиберативных аргументов (на примере рассуждения князя Владимира о принятии православия).	143
<i>Мануйлов Виктор Т.</i> Диалогическая логика «Немецкого конструктивизма».	147
<i>Титов Андрей В.</i> Нефинитные методы в метаматематике и развитие форм логического исчисления.	151
<i>Шалак Владимир И.</i> Об истоках множественности логик	154
<i>Шапиро Ольга А.</i> «Квантовый мыслитель» в контексте стиля мышления эпохи.	156
<i>Шиян Тарас А.</i> О фиктивности формальной логико-математической методологии.	159

Цифровая власть в социуме

<i>Глебова Софья В.</i> Свободный выбор морального агента в условиях несвободы слова.	165
<i>Грива Ольга А.</i> Образ Софии: популярность и неприятие у философии и богословия.	168
<i>Дробышева Елена Э.</i> Оцифрована, о(рас)колдована: модусы бытования культуры цифровой эры	171
<i>Ефанов Владимир Ю.</i> О понятии «лжемиссия».	174
<i>Игнатова Анна М.</i> Цифровизация и её влияние на человеческую личность	177
<i>Кацапова Ирина А.</i> Социальный субъект в рамках социальных трансформаций	180
<i>Коротченко Юлия М.</i> ИКТ в оптике социально-философского анализа	183
<i>Логинов Александр В.</i> Право и бесправие: собственность в цифровом капитализме	185
<i>Норманская Юлия В.</i> Киберприватность и киберпаранойя: интерпретации и реальность	188
<i>Перова Нина В.</i> «Умные города»: урбанистическая утопия?	190
<i>Сидорина Татьяна Ю., Сидельников Иван А., Нестеров Олег Г.</i>	193
Перемены в сфере труда: homo faber цифровой эпохи	193
<i>Сливная Зоя А., Артамонов Денис С.</i> Цифровизация социальной памяти	195

Вместо приветственного слова

IT: безупречный код и уязвимые нарративы

Алексей Д. Шоркин

*доктор философских наук, профессор
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
Симферополь, Россия*

Аннотация. Охотно ведущиеся многочисленные рассуждения об информационных технологиях (IT), как правило, сводятся к оценкам их перспектив. IT в обоснованном сопряжении с другими новейшими технологиями действительно определяют глубину и стремительность перемен, детерминируют будущее. Для кого-то оно оказывается шокирующе странным и неприемлемым, с иной позиции – необычным, но неудержимо притягательным. В итоге нарративы резко расслоены, восторженные и мрачные оценки безмятежно соседствуют, а рекомендации уместных действий противоречат одна другой. В тени увлеченности создаваемыми футурологическими конструкциями оказалась, однако, подзабыта исходная суть IT как технологического достижения. В чем оно, собственно, состоит? IT, прежде всего, – это небывалый ранее универсальный способ строгого кодирования. Прогностические версии не должны игнорировать этот факт первостепенного свойства. Цифровой код своей безупречностью и конструктивным потенциалом разительно отличен от уязвимости многих распространенных нарративов IT, провоцирующих целый спектр ущербной тематики, вплоть до пораженческих суицидальных версий т.н. «пост-биологического мира».

Ключевые слова: информационные технологии, цифровое кодирование, темы нарративов IT

IT: Flawless Code and Vulnerable Narratives

Aleksei D. Shorkin

*Dr. of Sci. (Philosophy), professor
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russia*

Abstract. The willingly conducted numerous discussions about information technologies (IT), as a rule, come down to assessments of their prospects. IT in a reasonable interface with other latest technologies really determine the depth and speed of change, determine the future. For someone it turns out to be shockingly strange and unacceptable, from a different position - unusual, but irresistibly attractive. As a result, narratives are sharply stratified, enthusiastic and gloomy assessments serenely coexist, and recommendations for appropriate actions contradict one another. In the shadow of enthusiasm for the created futurological constructions, however, the original essence of IT as a technological achievement has been partially forgotten. What does it actually consist of? IT, first of all, is an unprecedented universal way of strict coding. Prognostic versions should not ignore this fact of paramount importance. The digital code, with its impeccability and constructive potential, is strikingly different from the vulnerability of many common IT narratives, which provoke a whole range of flawed topics, up to defeatist suicidal versions of the so-called. "post-biological world".

Keywords: information technologies, digital coding, topics of IT narratives

Цифра как код

Первым для человечества способом кодирования, означения реальности было слово. Напомню иную банальность: генезис *Homo sapiens* был сопряжен с появлением речи. Через сотни тысяч лет на панцирях черепах процарапываются иероглифы как знаки судьбы и событий, а на глине и камнях Урука создаются первые тексты протошумерского письма. Письменные знаки стали вторичными кодами – кодами слов, подобно более ранним репетициям их дополнения и замещения изобразительной выразительностью пиктограмм или осязаемыми узелками ремешков. Еще позже финикийцы придумали

алфавит как способ кодирования письма вместо прежних его знаков (слоговых ли, иероглифических, любых). Наконец, совсем недавно, чуть более полувека назад, выяснилось, что какие угодно знаки могут быть представлены комбинациями всего двух цифр – ноля и единицы. Причем не только проговариваемые слова, но также всякие иные звуки, и не только письменные знаки, но также любые изображения. Вещи и процессы, неважно, реальные или ментальные, теперь одинаково успешно кодируются цифрой.

На протяжении почти всей истории люди довольствовались в основном тремя главными способами кодирования информации: словом, иероглифом и алфавитом. Знаки письма, важно заметить, оставались исключительно кодами слов. Нехватка же слов компенсировалась разнообразными знаками невербальных языков (жеста, позы, интонации, танца, песни...), которые от прямого кодирования ускользали. Сначала, прежде чем кодировать их письменным текстом, о них нужно было уметь рассказать, перевести невербально выраженные смыслы в слова. Устная речь, таким образом, с архаичных времен традиционно оставалась неустранимым исходным топосом процедур последующего кодирования. Цифровое кодирование сместило слово с этой привилегированной позиции, теперь оно – равное среди всех других сигналов и знаков.

Этой революции препятствовали многовековые предубеждения относительно цифры. Математики более двух тысячелетий относили свой предмет к миру высшему (небесному), не земному. Мистика чисел учеными сообществами подразумевалась нормой, как в древности, так и в XVII в. Простолюдины были уверены, что живое измерять опасно, что «померить» – это положить конец, умерить, умертвить. Крестьяне и в XX в. уклонялись от переписей населения, от ведения статистик надоев молока или динамики веса поросят. Сегодня же мы вслед за пифагорейцами убеждены, что «все обменивается на число и число обменивается на все». Но только не в онтологическом, а в семиотическом отношении. Когда то слово возникло как сигнал сигнала, теперь цифра стала знаком знака. Цифровое кодирование в качестве достижения культуры сопоставимо по масштабу и глубине последствий со становлением человеческой речи.

Темы нарратива

Грандиозность этой инновации поначалу оставалась почти незамеченной. Воплощению и раскрытию потенциала идей кибернетики препятствовали скудные возможности электроники. Компьютеры 40-х годов содержали тысячи ламп, были колоссально громоздкими, энергоемкими и фантастически дорогими. Их создатели не сомневались в эксклюзивности производства своих изделий и их применения: к концу века, полагали, понадобится штук пять, исключительно для военных ведомств. Ситуацию изменило появление в 60-х гг. интегральных схем, а спустя десятилетие – и микросхем. С 80-х годов начинаются массовые продажи компьютеров, с середины 90-х гг. IT – сети (интернет) более не предназначены только для силовых ведомств, а доступны гражданскому обществу. Без развития физики и биологии микромира, вне достижений физики твердого тела и химии кибернетические IT не состоялись бы. Одного софта мало, к нему нужно еще приложить подходящее «железо». Новый цивилизационный этап ближайшего будущего человечества, справедливо считал Жорес Алферов, основан на взаимодействии IT с нано и биотехнологиями.

Стандартная первоначальная реакция на масштабную техническую инновацию состоит в преувеличенной (жюль-верновской) восторженности неопита. С 60-х годов, когда стало ясно, что программное обеспечение реально, без непомерных усилий может быть поддержано подходящей микроэлектроникой, «железом», начали с придыханием говорить о *технотронной эре*, об умных и заботливых неумомимых роботах, которые навсегда освободят человечество от рутинного нетворческого труда. Как несколькими десятилетиями ранее говорили о телеграфе и радио – что, мол, быстрые и прямые коммуникации людей позволят предотвратить войны. Или о технологиях сельского хозяйства, которые, наконец, впервые в истории существенно снизили угрозу голода:

вскоре и тюрьмы станут не нужны, потому как сытый воровать не будет. Вопреки ожиданиям, воровать и воевать, увы, продолжили несколько не с меньшим энтузиазмом. Аналогичная судьба несостоятельности ожидает IT-утопию всеобщего безделья и изобилия.

Появившееся на гребне эйфории понятие *информационного общества* ныне, прав Теодор Адорно, следует признать ситуативно полезным, но в научном плане неадекватным. IT, как оказалось, вовсе не ведут к построению нового, более совершенного типа общества. Наши электронные следы и чудовищные дозы навязываемой рекламы, напротив, провоцируют тенденции тоталитаризма, усиливают возможности манипулирования. Впору, когда психику человека ежедневно атакуют более четверти тысячи рекламных роликов, говорить о наступлении информационного терроризма.

Непреходящей популярностью в нарративах пользуется концепт виртуальной реальности (VR). Люди во все времена искали убежище от нелегкой (иногда просто невыносимой) жизненной правды, от реальности объективной: в играх ли, в медитациях и трансах, погружаясь в волшебные миры сказаний и музыки, в строгие и причудливые миры интеллектуальных конструкций. VR всегда была спутником человека, теперь интернет и компьютер сделали это прибежище более удобным и разнообразным; только фантазия ограничивает произвол и диапазон выбора персонального интерактивного «аватара». Миллионам людей уже трудно оторваться от монитора, возникающая компьютерная зависимость заменила эмоциональные контакты, стала сродни наркотической. С развитием IT риски увязнуть и утонуть, психологически не вырваться из VR обратно, в реальный мир становятся недопустимо высокими. Ее заманчивое пространство, как правило, позитивно оцениваемое в нарративах, увы, способно обернуться губительной трясинной, цифровым аутизмом. Ловушка VR может изъять людей из настоящего, живого мира.

Центральная в киберкультуре оппозиция двух типов реальности выражена жестким противопоставлением информационного «тела» и «мяса». Либо человек – это облако информации (по меньшей мере, «бионический ангел»), либо он – мешок с трюхой и зловонное «мясо», убогую косность которого следует преодолевать каким-нибудь *морфингом*. Эта вполне средневековая рецепция, как видим, дополнена идеей технологического изменения естественной телесности, которое ныне стало возможным. Т.н. *пост-эволюционное тело* непременно текуче, телесные трансгрессии безудержны и нормальны. Теперь биологическое тело – объект персонального дизайна, является культурным построением. Радуга ЛГБТ оказывается одним из многих следствий этой установки. А пирсинг, тату, бодибилдинг, инъекции ботокса и силиконовые импланты являются слабыми попытками удержать хоть какой-то контроль над уходящим образом естественного тела, во многом повторяя грубую прямолинейность приемов первобытного его семиозиса.

После Бодлера, с последней трети XIX в. многие эстетствующие снобы тоже считали, что природа отжила свое и привычный мир исчезнет. Противопоставляя вульгарной реальности фактов изыски фантазии, они, как будто предвосхищая возможности IT, настаивали на власти иллюзий и приравнивали химерические наслаждения к реальным. Однако главной угрозой культуре они считали технический прогресс и рост меркантилизма, которые ведут к атрофии духовности, что никак не сочетается с идеологией постчеловека и постгуманизма. В киберкультуре духовное попросту помещено в сферу технического, включающую психоделические наркотики.

В *заключение* упомянем некоторые темы IT нарратива, которым по недоразумению часто придают чрезмерное значение.

Конечно, *цифровая экономика* – это просто метафора, сама цифра не только не съедобна, она нематериальна. Ожидаемая же первоначально неопитами эффективность цифровой революции в экономике вкупе с наблюдаемым ростом энергетической мощи,

увы, не состоялась, что показали, например, такие специалисты, как Г.Г. Малинецкий или Роберт Соллоу, лауреат нобелевской премии. Применение компьютеров сопряжено со значительными затратами на киберзащиту, которые в современных банках превышают стоимость самого IT оборудования. Без него, понятно, не обойтись, но эта овчинка далеко не всегда стоит выделки.

Другая заманчивая, но пустая перспектива состоит в переходе к *цифровому образованию*. Его лоббируют недалёковидные чиновники, иницируя нескончаемые реформы, которые имеют главной целью заместить цифровыми файлами живые контакты наставников и слушателей. Таким способом обучение можно перевести в формат дистанта, удобного и более дешевого, а на строптивых преподавателях, на всяких коммунальных и прочих издержках – ощутимо сэкономить. Менеджерам от образования (они то, собственно, тут только и предполагаются необходимыми фигурами обеспечения образовательного процесса) нужно лишь поначалу побудить преподавателей к созданию файлов хороших занятий, а впоследствии иногда предлагать им временную работу по коррекции созданного цифрового образовательного фонда. Более образованные и честные чиновники, которые имеют представления об инкультурации поколений, о реальной сложности трансляции культурного наследия не могут не обратить внимания на ряд уже наблюдаемых катастрофических следствий такой стратегии. К ним относятся, например, всесторонне описанные факты дислексии и клипового мышления, поразившие население продвинутых в цифровом отношении стран. Джон Колеман, используя статистические данные американского *Института высшего образования*, даже утверждает, что навыки чтения и письма учеников старших классов США в настоящее время ниже, чем у их сверстников в конце XVIII в. Возможно, автор сгущает краски, но тенденция внедрения *цифрового образования* прослежена вполне достоверно.

Схожим образом сложилась тематика нарратива *искусственного интеллекта*: как и с *цифровым образованием*, некорректно определена уместная зона использования бесспорно полезной технологии. Файлы цифрового образовательного фонда сродни хорошим учебникам, они являются ценным вспомогательным средством. Точно так вспомогательными для нашего интеллекта средствами расчетов служат арифмометр и электронный калькулятор. С древнего абака, с дребезжащего арифмометра искусственный интеллект начался! Интеллект искусственный призван моделировать отнюдь не весь естественный интеллект, а его отдельные функции. Таковы все машины, созданные людьми. Экскаватор не должен уметь вышивать, компьютер не должен пытаться моделировать полноту психики человека – этого просто не нужно. Искусственный интеллект способен в миллионы раз быстрее и точнее человека навести пушку на цель, раскрыть ткань или обеспечить непрерывность конвейерных процессов. Здесь, в конкретно заданных человеком функциях и сферах применения его место. Увлечательным, но пустым в практическом отношении рассуждениям о мыслящих машинах и небиологическом разуме, о киборгах со сверхчеловеческими способностями противостоит сермяжная правда и проза бухгалтерских счетов. Умный утюг – вещь полезная, но пусть он утюгом и остается, или еще пару нужных функций прибавит, только в интеллектуалы пусть не лезет.

IT надлежит знать свое место. Оно вполне достойно, и не следует принижать его всамделишную высоту нелепыми претензиями. *Monitor* пусть отличным экраном остается, а не тщится стать, согласно буквальному его переводу, *наставником*.

ДИЛЕММЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Философский диалог как аутодиалог:
особенность человеко-машинной коммуникации

Олег В. Зарапин

*кандидат философских наук, доцент
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
Симферополь, Россия*

Аннотация. В докладе ставится проблема оценки процесса человеко-машинной коммуникации, реализуемого в виде философского диалога с компьютерной программой. В сравнении с классической формой сократической беседы утверждается, что диалог человека и компьютера является асимметричным. Общий процесс коммуникативного взаимодействия реализуется человеком и машиной различными способами, которые определяются тем, как коммуникация между субъектами соотносится с деятельностью трансформации самих субъектов. Делается вывод, что с точки зрения соотношения коммуникации и трансформации, философский диалог человека и машины можно рассматривать как аутодиалог человека.

Ключевые слова: философский диалог, человеко-машинная коммуникация, трансформация, метаноия, аутодиалог

Philosophical dialogue as an auto-dialogue:

feature of human-machine communication

Oleg V. Zarapin

*Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia*

Abstract. The report raises the problem of assessing the process of human-machine communication, implemented in the form of a philosophical dialogue with a computer program. In comparison with the classical form of Socratic conversation, it is argued that the dialogue between a person and a computer is asymmetric. The overall process of communicative interaction is implemented by man and machine in various ways, which are determined by how communication between subjects correlates with the activity of transforming subjects. It is concluded that from the point of view of the relationship between communication and transformation, the philosophical dialogue between a person and a machine can be considered as a self-dialogue of a person.

Keywords: philosophical dialogue, human-machine communication, transformation, metanoia, self-dialogue

Доклад подготовлен при поддержке РФФИ, грант № 20-011-00622 А
«Философия как действие: прагматика текстового поведения».

Стремление к человекоразмерности и человекоподобию – это значимый для современности тренд развития технологий в области человеко-машинной коммуникации. Он проявляется, в частности, в системах диалогового интерфейса, реализуемых в формах вопросно-ответной речи (*question-answering system*). Здесь машина уже не пассивный исполнитель, а самостоятельный участник процесса, способный занимать позицию активного речевого агента. Диалоговый интерфейс позволяет расширить поле взаимодействия с машиной, перейдя от одностороннего канала команды к интерактивному общению, что открывает дорогу к программам, способным реализовать коммуникативную деятельность обучения, консультирования, развлечения, менеджмента в том числе и деятельность философского общения. Оценивая феномен диалога с машиной с точки зрения его философского потенциала, рассмотрим этот феномен в

сравнении с диалогом в качестве философской практики, истоки которой восходят к сократической беседе.

Что характеризует диалог как философскую практику? Переосмысление своей речи и изменение точки зрения, т.е. способа мышления – это специфическая активность участника диалога. В ее контексте маркером диалога является трансформация, т.е. событие изменения точки зрения субъекта, фиксирующее границу между «до» и «после» как поворотный момент, кайротическое время *метанойи-умоперемены* (греч. *μετάνοια*). Коммуникация есть действие трансформации субъекта – именно так коммуникативная деятельность реализуется в практике сократической беседы.

Основу этой практики составляет идея желаемой (благой) жизни, которая представлена с двух точек зрения: 1) с точки зрения внешней причины она выражается в понятии материального благополучия; 2) с точки зрения внутренней причины – в понятии благоразумия. Эти два понятия относятся к естественному (физическому) и морально регулируемому (метафизическому) способам существования. Их столкновение осуществляется в философском общении, парадигмой которого служит встреча с Сократом, задающим вопрос – какую жизнь ты считаешь наилучшей? Действие диалога направлено и реализуется как воздействие, утверждающее образ человека в качестве существа, призванного к нравственно-интеллектуальной трансформации в переходе от естественного способа существования, когда благо определяется в качестве материального благополучия, к философскому, когда благо – это благоразумие, реализуемое в следовании нравственному идеалу человека, владеющего собой.

Отметим одну особенность: чтобы трансформировать, в том числе, и собственный ум, т. е. вызвать метанойю, необходимо участие другого ума. В пространстве диалога между личностями генерируется сила, которая внутри всех задействованных лиц провоцирует умственный переворот. Философская практика диалога может быть представлена как внешнее коммуникативное взаимодействие субъектов, продуцирующее изменение внутри самих субъектов. Если рассматривать вызываемое диалогом внутреннее изменение субъектов как определенный дискурсивный опыт, а внешний процесс коммуникативного взаимодействия – в качестве его источника, можно сказать, что практику философского диалога определяет то, что источник опыта имманентен опыту, т. е. взаимодействие между субъектами имеет смысл, если оно включено в процесс трансформации субъектов.

В какой мере данному представлению о диалоге релевантен диалог человека и компьютера? Подобно человеку, компьютер также может иметь условные код 1 и код 2 с возможностью перехода от одной кодировки к другой. В этом смысле машина следует сценарию метанойи и можно было бы подумать, что она способна стать новым Сократом. Однако для того, чтобы перейти от одного кода к другому, машине не нужен собеседник в лице человека, поскольку такой переход возможен при условии, что внутри самой машины есть программа такого перехода как, к примеру, «само-модифицирующийся код» (Self-modifying code), обеспечивающий функциональность самосовершенствующейся интеллектуальной системы [1].

Это означает, что внешне фиксируемый как общий и единый процесс человеко-машинной коммуникации в случае философского диалога является асимметричным, т.е. имеет разный вид и значение, определяемые со стороны человека и со стороны машины. Со стороны человека коммуникация есть способ трансформации, со стороны машины это не так. Если процесс коммуникации влияет на код и изменяет его, это распознается как аномалия, программная ошибка и сбой в кодировке. Коммуникативный контакт с человеком или с другой машиной не является необходимым для машины как способ перекодировки, поскольку функцию изменения кода реализует специальная программа.

Итак, различие, наблюдаемое в том, как участники человеко-машинного диалога соотносятся с самим процессом взаимодействия, имеет существенное значение. Оно актуализирует положение «коммуникация есть трансформация» как смысловую основу

философской практики диалога. Философский диалог с машиной является асимметричным, человек и машина включены в один процесс, но реализуют его по-разному и со стороны машины коммуникация не работает на трансформацию. Практика философского диалога, реализуемая в процессе человеко-машинной коммуникации, изменяет смысл диалога. Вызываемая в акте коммуникации трансформация есть самотрансформация. Это значит, что диалог человека и компьютера действует как человеческий аутодиалог.

Литература

1. *Yampolskii R. V.* From Seed AI to Technological Singularity via Recursively Self-Improving Software [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1502/1502.06512.pdf>

Возможен ли «платоновский жест» в философии (Бадью vs. Кант)?

Сергей Л. Катречко

кандидат философских наук, доцент

*Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, Россия*

Аннотация. Возрождение платоновского жеста в современной философии, провозглашаемое А. Бадью, предполагает математизацию философского знания. Вторит ему и российский философ А. Черняков, который говорит о конституировании особого модуса философии -- математической философии. В докладе (статье) мы будем отстаивать следующий тезис, опираясь на трансцендентальный подход И. Канта: философия и математика – принципиально разные способы человеческого познания и, поэтому, нельзя первое подменять вторым. В докладе будут приведены аргументы в пользу нашего тезиса.

Ключевые слова: платоновский жест, А. Бадью, А. Черняков, математическая философия, Кант, трансцендентальный метод (подход), математика как конструирование понятий

Is a “Platonic gesture” possible in philosophy (Badiou vs. Kant)?

Sergei L. Katrechko

Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor

State Academic University of the Humanities, Moscow, Russia

Abstract. The revival of the Platonic gesture in modern philosophy, proclaimed by A. Badiou, presupposes the mathematization of philosophical knowledge. The Russian philosopher A. Chernyakov echoes him and speaks of the constitution of a special mode of philosophy - mathematical philosophy. In the talk (paper), I will defend the following thesis, based on the transcendental approach of I. Kant: philosophy and mathematics are fundamentally different ways of human cognition and, therefore, the former cannot be replaced by the latter. The talk will present arguments in favor of our thesis.

Keywords: Platonic gesture, A. Badiou, A. Chernyakov, mathematical philosophy, Kant, transcendental method (approach), mathematics as the construction of concepts

«Платоновский жест» в современной философии связывают с именем Алена Бадью², который предложил построение онтологии на количественном фундаменте (или «матеме»)³, каковым в начале XX в. выступала канторовская *теория множеств*, а во второй половине XX в. – *теория категорий*, поскольку Бадью считал, что традиционно философские вопросы могут быть точнее/строже разрешены на языке математики⁴. Соответственно, метафизика при этом конституируется как *математическая онтология* (ср. с его тезисом «*онтология – это математика*»). Эта интенция – философский «платоновский жест»⁵ – в нашей стране получила развитие благодаря усилиям А.Г. Чернякова (1955–2010 гг.), который предложил рассматривать математику как (универсальную) *формальную онтологию природного* [3]⁶. Как замечает А. Черняков в

© Катречко С.Л., 2022

² См. его работу «Манифест» философии» (1989) [1].

³ См. его работу «Бытие и событие» (1988).

⁴ Одним из примеров современной реализации подобного подхода может служить работы И. Егорычева, в которых предпринята попытка изложения онтологии Парменида на языке и посредством теории категорий (см., например [2] или <https://www.youtube.com/watch?v=WnJ8quasjgE> (лекция от 12 марта 2016 г.)).

⁵ Точнее назвать его пифагоро–платоновским жестом. Ср. с пифагорейским тезисом: «*Все есть число*».

⁶ Вот «программное» заявление А.Г. Чернякова о его «интенции создать новый предмет исследования, который не будет ни философией, ни математикой, но, в каком-то смысле, и тем и другим. Он будет посвящен все тем же вопросам: что значит сущее, «реальность», сознание и т.д.? Но для постановки этих

своей работе «слишком легковесно, как мне кажется, говорил с нами Парменид, да и всякий другой, кто когда-либо затевал разбирательство по поводу сущего, дабы определить коликое оно и какое» (Софист, фр.242с; в пер. А. Чернякова¹): вопрос о сущем (бытии) мыслится здесь в свете «количественного» вопроса (= «коликое оно»), категория «сущность» редуцируется к «количеству» [4].

Как мы уже указывали ранее [5], метафизика, европейское рождение которой связано с именем Парменида (соответственно, *парменидовский жест*), начинается с вопроса о *сущности* (что есть сущее?), а не с вопросов о его *качестве* (какое оно?) и *количестве* (коликое оно?). Метафизика в целом и, в частности, категории субстанции и причины не могут быть «математизированы» (= цифровизированы), и поэтому метафизику нельзя заменить полноценной математической онтологией, что, конечно, не отменяет возможности (правомерности) подобного подхода для других онтологических категорий². Вместе с тем, постулируемый Бадью «платоновский жест» можно понимать не как математизацию философского знания, а как первое проявление трансцендентального подхода в платоновской метафизике [6]³.

Для разрешения этой проблемы (проблемы о соотношении метафизики и математики) можно было бы обратиться к трансцендентальному подходу И. Канта, задачей которого является исследование нашего способа познания и основных видов человеческого познания [7, В25], каковыми (по Канту) выступают физика (естествознание), математика и метафизика. В заключительном разделе Критики «Трансцендентальное учение о методе» (главе «Дисциплина чистого разума») Кант противопоставляет философское и математическое познание, определяя первую как концептуальную (понятийную) деятельность разума (ср. с пониманием философии у Ж. Делеза («Что такое философия?», которая «работает с концептами» (Ницше)), а последнюю как познание посредством «конструирования понятий» [7, В741]⁴, что предполагает совместную работу рассудка и чувственности (воображения). Тем самым Кант противопоставляет метафизику и математику и постулирует невозможность замены первой на вторую. При этом Кант противопоставляет свою трансцендентальную метафизику прежней догматической метафизике, поскольку «*основоположения рассудка суть лишь принципы описания [экспозиции] явлений, и гордое имя онтологии, притязающей на то, чтобы давать априорные синтетические знания о вещах вообще в виде систематического учения (например, принцип причинности), должно быть заменено скромным именем **простой аналитики чистого рассудка***» (A247/B303; жирным выделено жирным мной. – К.С.)⁵. В этом смысле Кант развивает *дескриптивную метафизику* (П. Стросон) в качестве *метафизики возможного опыта* [9], а математика при этом выполняет функцию *конститутивного a priori* (подробнее об этом Кант говорит

вопросов, и, возможно, поиска ответов математика будет (по замыслу) использоваться не как аналогия или метафора, а как собственный язык (logos oikeios, по Аристотелю)» [форум ВРФШ, пост <http://srph.ru/f/topic.php?id=22#post-72>].

¹ Ср. со стандартным переводом: «Мне кажется, что Парменид, да и всякий другой, кто только когда-либо принимал решение определить, каково существующее количественно и качественно, говорили с нами, не придавая значения своим словам» [Платон. Софист // Платон. Собр. соч. в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. II. С. 309; курсив мой. – К.С.].

² Например, для категорий часть – целое, или анализируемой А. Черняковым проблемы единого и многого.

³ Еще одна проблематизация нашего доклада связана с тем, как следует понимать *платоновский жест*.

⁴ См.: «Философское познание есть *познание разума посредством понятий*, а математическое познание есть познание посредством *конструкции* [из] понятий» [КЧР, В741] (ссылки на стр. Критики Канта мы даем в общепринятой международной пагинации).

⁵ В своей диссертации 1770 г. Кант приводит следующий список таких понятий: «возможность, бытие, необходимость, субстанция, причина и прочие с противоположными им или соотношенными с ними понятиями» (possibilitas, exsistentia, necessitas, substantia, causa etc...)» [8, § 8], что позднее в кантовской Критике будет называться *чистыми рассудочными понятиями*, или категориями.

в своем «Opus postumum»). В своем докладе я предполагаю аргументировать данный тезис подробнее.

Список литературы

1. *Бадью А.* Манифест философии. СПб.: Machina, 2003.
2. *Egoruchev I.* Thought and Being are the Same: Categorical Rendition of the Parmenidian Thesis // *Studies in Logic, Gramma and rhetoric.* 2016. Vol. 46. № 59. P. 193–210.
3. *Черняков А.Г.* Математика как формальная онтология // *Философия математики: актуальные проблемы: Материалы междунар. науч. конф. 15–16 июня 2007.* М.: Савин С.А., 2007. С. 87–89.
4. *Черняков А.Г.* Онтология как математика: Гуссерль, Бадью, Плотин // *Сущность и слово: Сб. науч. статей к юбилею проф. Н.В. Мотрошиловой.* М.: Феноменология-герменевтика, 2009. С. 420–441.
5. *Катречко С.Л.* Возможен ли сегодня «платоновский жест» и если «да», то как он возможен? // *Философия. Теология. Наука: Материалы первых чтений, посвящённых А.Г. Чернякову / Сост. Н.А. Печерская; Под ред. Б.В. Останина.* СПб.: ВРФШ, 2011 (Труды Высшей религиозно-философской школы. Вып. 10. С.147–165).
6. *Катречко С.Л.* Трансцендентальная метафизика Платона (Платон и Кант) [Электронный ресурс] // *Универсум платоновской мысли: Платон и европейская философия: Тезисы XXX Междунар. конф. (23-24 июня 2022 г.).* URL: [https://plato.spbu.ru/CONFERENCES/2022/upf30.php?showID=E59B55C9-2915-400C-A19F-A8FE8E193AD3](https://plato.spbu.ru/CONFERENCES/2022/upf30.php?showID=E59B55C9-2915-400C-A19F-A8FE8E193AD3#thTitE59B55C9-2915-400C-A19F-A8FE8E193AD3) (дата обращения 20.05.2022).
7. *Кант И.* Критика чистого разума // *Кант И. Сочинения на русском и немецком языках.* М.: Наука, 2006. Т. II. 1.
8. *Кант И.* О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира // *Кант И. Соч.: В 8 т. Т. 2.* М., 1994, с. 289.
9. *Катречко С.Л.* Проект трансцендентальной философии И. Канта и дескриптивная метафизика П. Стросона: сходство и различие [Электронный ресурс] // *Трансцендентальный журнал.* 2020. Т. 1, Вып. 1. URL: <https://transcendental.ru/S123456780009187-6-1> (дата обращения 20.05.2022).

Философское и математическое как две стороны рациональности:
применимо ли кантовское решение сегодня?

Людмила Э. Крыштоп

доктор философских наук, доцент

Российский государственный гуманитарный университет /

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. Кант проводил различие между математическим и философским познанием как в докритический период, так и в критический. При этом основной перечень черт различия между этими двумя типами познания оставался неизменен. Равно неизменным оставался и основной кантовский вывод – в философии, как и в математике, возможно достичь достоверности познания и построить завершённую систему. Эта кантовская уверенность основывалась на его понимании сущности философского познания, как такого типа познания, которое, как и математическое, имеет дело с априорными познаниями. Это, по мысли Канта, и отличает философию от других апостериорных (эмпирических) дисциплин, в которых построение такой завершённой системы невозможно и для которых философия должна представлять своего рода фундамент. Не менее важным для Канта было проведение различия между философским и историческим познанием. Критерием различия в данном случае являлась не предметная сфера, а именно подход, метод исследования. В докладе показывается, что современная философия нередко представляет собой то, что Кант относил бы, скорее, к эмпирическим дисциплинам и что определял бы как историческое, а не философское познание.

Ключевые слова: Кант, математическое познание, философское познание, мультикультурализм, плюрализм, метод

Philosophical and mathematical as two sides of rationality:
is the Kantian solution applicable today?

Ludmila E. Kryshtop

Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor,

Russian State University for the Humanities /

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Abstract. Kant distinguished between mathematical and philosophical cognition both in the pre-critical period and in the critical one. At the same time, the main list of features of difference between these two kinds of cognition remained unchanged. The main Kantian conclusion remained equally unchanged - in philosophy, as in mathematics, it is possible to achieve the certainty of knowledge and build a complete system. This Kantian confidence was based on his understanding of the essence of philosophical cognition, as a kind of cognition that, like mathematical one, deals with a priori knowledge. This, according to Kant, distinguishes philosophy from other a posteriori (empirical) disciplines in which the construction of such a complete system would be impossible and for which philosophy must be a kind of foundation. No less important for Kant was the distinction between philosophical and historical cognition. The criterion for difference in this case was not the subject area, but the approach, the method of research. The report shows that modern philosophies often represent what Kant would rather refer to empirical disciplines and what he would define as historical rather than philosophical cognition.

Keywords: Kant, mathematical cognition, philosophical cognition, multiculturalism, pluralism, method

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН, гранта РФ в рамках научного проекта № 22-28-00162, «Концепция “осевого времени” в контексте интеркультурного диалога»

Сегодня пристальное внимание обращено на вопрос методологии научных исследований. При этом особенно оживлены дискуссии в области социо-гуманитарного познания. И если еще не так давно подчеркивали скорее черты различия между социо-гуманитарным познанием и естественными науками, что в свою очередь приводило к выводу и необходимости применения различных методов (в чем не так далеко ушли от

неокантианства Баденской школы [1]), то в последние десятилетия XX в. стали набирать обороты поиски черт, роднящих (в том числе и методологически) две группы наук, в чем видели залог успеха для междисциплинарных исследований. Во многом это способствовала новая постнеклассическая парадигма научного познания со свойственным ей плюрализмом и релятивизмом, сделав такого рода попытки сближения возможными.

В то же время не следует забывать, что это сближение можно считать обратным, так как некогда (и еще не так давно) философы не были склонны проводить какого-то принципиального методологического различия между разными областями человеческого познания и направляли свои усилия на поиски универсального метода познания, который мог бы быть основой продвижения в познании во всех возможных областях. Апофеозом этих усилий можно считать XVII–XVIII в. – эпоху Нового времени и немецкого Просвещения. И если в Новое время и раннее немецкое Просвещение преобладали попытки продемонстрировать, что таким универсальным методом может считаться метод математики, то в эпоху позднего Просвещения в Германии появляются уже тенденции проводить некоторые различия между математическим и философским познанием. Ярким представителем подобной позиции является И. Кант.

Основной работой И. Канта, посвященной вопросам метода, является «Критика чистого разума». При этом наибольшей известностью пользуются те фрагменты, в которых Кант показывает, что в математике уже давно пришли к выработке метода, позволяющего прийти к абсолютно достоверным познаниям, тогда как в метафизике этого пока что не произошло, хотя в метафизике как раз мы можем надеяться на ничуть не меньшую полноту достоверного познания, так как метафизика также имеет дело лишь с законами разума. Разум же является закрытой системой. И по этой причине можно надеяться на построение завершенной, целостной системы метафизики, для чего, однако, нужно сначала определиться с возможными границами нашего познания и методом, которым нам необходимо пользоваться [2, 17–21]. В этих утверждениях нередко вполне правомерно усматривают отражение нововременных тенденций. Однако, акцентирование внимания только на этом аспекте может приводить также и к вполне ложным заключениям о том, что Кант, как и другие его нововременные предшественники, пытался выстроить метод философского познания по примеру математического метода познания, другими словами, нивелировал различия между математикой и философией, пытаясь выстроить систему последней по образцу первой. На самом деле, Кант, напротив, подчеркивал важные различия между философией и математикой, что было для него не менее значимым.

Вопросу различий между математическим и философским познанием в «Критике чистого разума» в разделе «Дисциплина чистого разума в его догматическом применении» [2, 423–436]. Однако, при ближайшем рассмотрении можно заметить, что здесь Кант по сути повторяет то, что ранее уже высказывал в своем конкурсном сочинении начала 60-х гг. «Исследование отчетливости принципов естественной теологии и морали». Можно выделить следующие основные черты различия: математика приходит к дефинициям синтетически и начинается с дефиниций, тогда как философия приходит к ним аналитически и призвана дефиницией заканчивать; математика свои объекты сама конструирует, тогда как философии они даются; математическое рассмотрение использует знаки *in concreto*, тогда как философское – *in abstracto*; в математике лишь немного недоказуемых и неразложимых положений, тогда как в философии их множество; предмет математики легок и прост, тогда как философии – сложен и труден [3, 161–169].

В то же время Кант подчеркивает и некоторые черты сходства, которые дают ему основание сделать вывод (которому он остается верен и в критический период), что и для философии возможна такая же степень достоверности в познании, как и в математике. И возможно это именно по тому, что в философии, как и в математике мы имеем дело с априорными познаниями [2, с. 17–20]. Только это и служит гарантией возможности

достижения абсолютно достоверного познания, что в принципе не было бы возможно в случае апостериорного (эмпирического) познания.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание еще на один пассаж, уже из «Критики чистого разума». В «Архитектонике чистого разума» Кант рассматривает два варианта познания в сфере философии – философское и историческое. Философское познание – это познание из принципов разума, тогда как историческое – это познание из фактов [2, с. 488-489]. При этом изучать философию можно двумя этими способами. Вопрос здесь не в предметной сфере, а именно в самом подходе, методе. Если философия является делом установления первоосновных истин разума, то тогда это философское познание. Если же речь идет о изучении того, что говорили и писали другие философы, то здесь имеет место историческое, а не философское познание. Актуальность этого кантовского утверждения для современного философского дискурса (по крайней мере, в отечественном пространстве) сложно переоценить. По сути, здесь Кант формулирует давний спор между историками философии и теоретиками познания, каждый из которых претендует на то, что именно его дисциплина является подлинной философией и основой любого философствования. При этом симпатии Канта здесь были бы, конечно, на стороне теоретиков познания, для которых история философии чаще всего представляет собой архив мертвых мыслей, лишенный самостоятельности продуцирования философского (именно философского, а не исторического) познания. Тогда как историки философии здесь апеллируют явно или скрыто к позиции другого корифея немецкой философской мысли – Г. В. Ф. Гегеля с его историзмом [4, с. 10-12, 25, 35].

Таким образом, можно сказать, что Кант предполагал возможность универсального метода для математического и философского познания, но лишь в той мере, в какой философское познание является подлинно философским, а не историческим, т.е. занимается установлением фундаментальных закон функционирования человеческого разума, а не изучением эмпирической фактуальности. Исходя из этого вывода попробуем теперь ответить на вопрос, насколько позиция Канта могла бы быть применима сегодня? И здесь, как кажется, ответ очевиден. Конечно же, не применима и давно устарела, ведь Кант искал какие-то мифические универсальные законы функционирования разума (можно даже, пожалуй, написать Разума), тогда как сегодня, в век плюрализма, релятивизма, мультикультурализма и всех других подобного рода «измов» всем «понятно», что сколько людей, столько и мнений, и что сколько культур, столько и разумов, сколько языков, столько и логик и т.п. Однако, рискнем высказать возможно не слишком популярную сегодня позицию, что все это несколько не снижает актуальности мысли Канта, даже скорее наоборот, его внимательное прочитывание и сегодня было бы для нас не лишним. Ведь Кант вовсе не отрицал возможности различных преломления универсальных законов в эмпирическом мире в зависимости от конкретных фактических условий. Просто им это все не относилось к собственно философскому познанию, а относилось к другим дисциплинами – эмпирическим. В зависимости от того, преломление какого рода законов мы пытаемся изучать, речь может идти об антропологии, психологии, физики (в ее эмпирической составляющей), истории, физической географии. А если апеллировать к современным названиям относительно новых дисциплин, то продолжая мысль Канта, можно было бы сюда причислить, пожалуй, и этнологию, культурологию, религиоведение и др. Во все не желаю приуменьшить значимость современных методологических принципов мультикультурализма и плюрализма, я все же выражу мнение, что низводя философию до релятивизма и лишая ее возможности заниматься универсальными законами функционирования разума/ Разума (которых вроде как и не может быть в плюралистической парадигме), мы тем самым лишаем философию ее сущности и ее предназначения, мы делаем из философии не-философию, псевдо-философию, то, что лишь сохраняет внешнюю форму философии и громкое ее название, по сути же уже таковой не является, являясь чем-то совершенно иным (возможно, даже и лучшим, но в любом случае, иным). Философия тогда для нас становится эмпирической

дисциплиной, для которой, по мысли Канта, должны были бы применяться методы уже исторического познания, а не философского познания (из принципов разума). Философия превращается в разновидность культурологии, антропологии или этнографии. Для таких разновидностей «философского» познания утверждения Канта, конечно, не применимы, но только не в результате того, что позиция Канта устарела, а по той причине, что Кантом они не классифицировались бы как «философское» познание. Для той же философии, которая все еще осмеливается замахиваться хотя бы на робкие попытки разговора о чем-то вечном и неизменном, позиция Канта по-прежнему не теряет своей актуальности. И для такой философии, пожалуй, вполне применим и кантовский вывод о том, что в ней вполне возможна такая же полнота и достоверность, как в математике.

Список литературы

1. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998.
2. *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.
3. *Кант И.* Исследование отчетливости принципов естественной теологии и морали // Кант И. Собрание сочинений в 8 тт. / Под ред. А.В. Гулыги. Т. 2. М.: ЧОРО, 1994.
4. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. Кн. 1 // Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 9. М.: Партийное издание, 1932.

Дигитосексуальность: девиация, мода или наше грядущее будущее?

Фарида Г. Майленова

доктор философских наук,

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация. Тотальная цифровизация всех сфер нашей жизни приводит к небывалому в нашей истории близости человека и машины: компьютеры и роботы с искусственным интеллектом из помощников превращаются в полноценных участников общения, а их изначально подчинённая роль незаметно перестаёт быть таковой. Более того, нередко мы можем говорить уже о зависимости человека от устройств, предоставляющих ему доступ к виртуальной реальности. Появление роботов-андроидов с искусственным интеллектом заставляет нас задуматься, до какой степени умные машины становятся нам близки. Из удобных и развлекающих помощников они превращаются в наших собеседников, друзей, разделяющих наши чувства и интересы, и даже любовников, которые в буквальном смысле входят в нашу плоть. Каковыми окажутся последствия внедрения в нашу жизнь таких роботов-андроидов, волнует уже не только писателей-фантастов. Размышляя о том, каким будет новый мир с роботами андроидами, даже не говоря о реализации популярных антиутопий о восстании машин с искусственным интеллектом, мы не можем не беспокоиться о том, как изменится сам человек, его природа в столь непростой ситуации.

Ключевые слова: технологии, этика роботов, андроиды, секс-роботы, искусственный интеллект, прикладная этика

Digitosexuality: deviation, fashion or our coming future?

Farida G. Maylenova

Dr. of Sci. (Philosophy)

RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia

Abstract. The total digitalisation of all areas of our lives is resulting in an affinity between man and machine that is unprecedented in our history: computers and robots with artificial intelligence are being transformed from assistants into true participants in communication, and their originally submissive role has quietly stopped being so. Moreover, we can often already speak of human dependence on devices that provide access to virtual reality. The emergence of android robots with artificial intelligence makes us wonder to what extent intelligent machines are becoming close to us. From handy and entertaining assistants, they are becoming our interlocutors, friends who share our feelings and interests, and even lovers who are literally part of our flesh. What the consequences of introducing such robotic androids into our lives will be is no longer the sole concern of science-fiction writers. Thinking about what will be the new world with android robots, not even talking about the implementation of popular dystopias about the rise of machines with artificial intelligence, we can not help but worry about how the man himself, his nature in such a difficult situation will change.

Keywords: technology, robot ethics, androids, sex robots, artificial intelligence, applied ethics

Тотальная цифровизация нашей жизни, которую мы наблюдаем в последние годы, имеет, наряду с множеством плюсов, также неоднозначные с точки зрения психологии и морали побочные эффекты. Созданная человеком виртуальная среда сама активно влияет на его мышление, создание, эмоции, включая дружбу, любовь и сексуальность; многие предпочитают общение в сети как наиболее комфортное. Те изменения, которые мы видим сегодня, в ближайшем будущем станут намного более серьезными и глубокими.

Согласно результатам исследования компании We Are Social [1], опубликовавшей в 2020 г. доклад о потреблении интернета во всем мире, среднестатистический пользователь интернета в возрасте от 16 до 64 лет проводит онлайн 6 часов 43 минуты ежедневно (средний россиянин - 7 часов 17 минут в день). Если суммировать эти цифры, выйдет 100 дней непрерывного использования интернета в течение года. Взяв среднее время для сна в 8 часов ежедневно, получится, что 40% бодрствования современного человека проходит в сети. Исследования также показало, что в сравнении с другими

странами, Россия попала в топ-15 стран, наиболее зависимых от интернета. «Чемпионами» стали Филиппины (9 часов 45 минут), ЮАР (9 часов 22 минуты) и Бразилия (9 часов 17 минут). Скорее всего эти цифры будут расти, особенно учитывая годы пандемии, когда почти вся социальная жизнь жителей развитых стран ушла в онлайн. Стоит добавить лишь одно: речь идёт о примерно 60% населения нашей планеты, хотя далеко не вся наша планета охвачена Интернетом: больше 40% людей все еще остаются не подключенными ко Всемирной паутине, а это около 3,2 млрд человек, большая часть которых проживают в Южной Азии и в Африке.

Однако если вернуться к ситуации в технологически развитых странах, тотальная цифровизация всех сфер жизни приводит к небывалому в истории человечества близости человека и машины: компьютеры и роботы с искусственным интеллектом из помощников превращаются в полноценных участников общения, а их изначально подчинённая роль незаметно перестаёт быть таковой. Зависимость от социальных сетей и интернет-игр становится серьёзной проблемой не только среди подростков, но и взрослых пользователей. Одно из первых исследований, проведённое группой китайских ученых под руководством Хао Ляя из центра магнитно-резонансных исследований в городе Ухань в Китае в 2012 г. [2], показало, существует связь между интернет-зависимостью и поражением белого вещества головного мозга в областях, отвечающих за эмоциональную обработку данных, принятие решений и когнитивный контроль. Подобные патологические изменения белого вещества головного мозга также ранее были зафиксированы при различных химических формах зависимости, в частности, при употреблении алкоголя и кокаина, а также зависимости от видеоигр. По оценкам ученых, как минимум от 5% до 10% пользователей глобальной сети можно считать по-настоящему интернет-зависимыми, то есть не способными контролировать свою тягу.

С появлением роботов-андроидов с искусственным интеллектом степень близости с умными машинами может стать столь глубокой, что общение с роботами-андроидами, которые из удобных и развлекающих помощников постепенно превратятся в наших сиделок, собеседников, друзей, разделяющих наши чувства и интересы, может постепенно заменить собой общение с другими людьми.

Появление в нашей жизни сексуальных роботов-андроидов может самым радикальным образом изменить всю нашу жизнь, включая самые интимные её сферы, внося ещё одно измерение в многогранную проблему близких взаимоотношений [3]. Человеческая сексуальность, будучи, с одной стороны, не только потребностью, как у всех живых существ, а ещё высшей формой любви и близости, с другой, может существовать и удовлетворяться совершенно отдельно от любви. Именно эта двойственность человеческой природы позволяла существовать таким явлениям как проституция, сексуальные девиации, а сегодня - внедрению в жизнь секс-роботов, которые становятся весьма популярны, особенно, по-видимому, у тех, кто не доволен своей любовной и интимной жизнью. Люди, которые приобрели себе таких роботов, нередко называют свои эмоции, которые они испытывают к этим, по сути, машинам, любовью [4]. Общение с роботами может оказаться гораздо более легким и беспроблемным, по сравнению с живыми людьми, так как андроиды не болеют, не капризничают, не доставляют бытовых неудобств, всегда в хорошем настроении, и в целом запрограммированы создавать комфорт. Они становятся все более качественными и симпатичными, и им самим неважно, как выглядит их партнёр-человек, достоин ли он любви и уважения, умеет ли он общаться и строить отношения, разбираться с конфликтами и т.п. Погоня за комфортом приводит к тому, что мы получаем костыли уже не для отсутствующих конечностей, а для самой личности...

Стремительно развивающаяся индустрия секс-роботов [5] имеет как своих сторонников, так и яростных критиков [6, 7], которые видят во внедрении секс-роботов размывание морали и утрату человеческих ценностей. Пока что в умах большинстве пользователей они используют секс-роботов, и те будут всегда занимать подчинённое

положение. Однако, как показывает история, эксплуатируемый может превратиться в эксплуататора, мы это можем наблюдать уже сегодня, видя как компьютеры и смартфоны из обычной вещи, помощника для работы и общения превращаются в предмет, без которого их владелец не может прожить и минуты, зависит от них и зачастую жертвует своим сном, хобби, работой и общением с живыми людьми ради виртуального мира, в котором уже давно на самом деле хозяин не он, а искусственный интеллект. Размышляя о том, каким будет новый мир с роботами-андроидами, даже не говоря о реализации популярных антиутопий о восстании машин с искусственным интеллектом, мы не можем не беспокоиться о том, как изменится сам человек, его природа в столь непростой ситуации.

Список литературы

1. *Simon Kemp*. DIGITAL 2020: 3.8 BILLION PEOPLE USE SOCIAL MEDIA. – URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2020/01/digital-2020-3-8-billion-people-use-social-media/> (дата обращения 30.06.2022)
2. Интернет-зависимость меняет головной мозг. 13 января 2012 // BBC. Русская служба. URL: https://www.bbc.com/russian/science/2012/01/120112_internet_addiction_brain (дата обращения 01.02.2022).
3. *David Levy*. Love and Sex with Robots. The Evolution of Human-Robot Relationships. ISBN: 9780061359804, ISBN 10: 0061359807. Imprint: Harper Perennial. 2007. Pages: 352. URL: <https://www.harpercollins.com/products/love-and-sex-with-robots-david-levy> (дата обращения 20.04.2022).
4. I Want My Sex Machine. Jimmy Mehiel. (Teaser). URL: <https://vimeo.com/288045344> (дата обращения 20.04.2022).
5. *Anthony Ferguson*. The Sex Doll. A history. McFarland & Company, Inc., Publishers. Jefferson, Nord Carolina, and London. 2010. ISBN 978-0-7864-4794-7. URL: https://books.google.com/books/about/The_Sex_Doll.html?hl=ru&id=Zr90CFnRkigC (дата обращения 20.04.2022).
6. Women and Girls. THE END OF 'SEX ROBOT.' URL: <https://campaignagainstsexrobots.org/> (дата обращения: 30.06.2022).
7. В США объявили кампанию против секс-роботов. Популярная механика. 17 сентября 2015. URL: <https://www.techinsider.ru/technologies/210081-v-ssha-obyavili-kampaniyu-protiv-seks-robotov/> (дата обращения 20.04.2022).

Взаимосвязь аналогового и цифрового типов мышления в философии

Александр И. Пигалев
доктор философских наук, профессор
Волгоградский государственный университет
Волгоград, Россия

Аннотация. Целью доклада является анализ взаимосвязи аналогового и цифрового типов мышления, которые определяют способ репрезентации реальности в историческом развитии философии. Обоснованность понимания мышления как аналогового или цифрового связана с теми его характеристиками, которые можно также обнаружить в современных средствах и формах коммуникации. Подчеркивается, однако, что современные компьютерные технологии лишь выявили давние тенденции, которые прежде уже соответствующим образом влияли на структуру мышления, хотя первоначально они и не описывались как аналоговые или цифровые. В общем случае эти термины указывают на холистические и аналитические тенденции мышления и, тем самым, предоставляют новый язык для интерпретации старых философских проблем. Кратко прослеживается история подъема цифровых репрезентаций от возникновения концепции Логоса до картезианского индивидуализма и субъективизма. Делается вывод, что исследование должно быть направлено не только на установление границ возможностей цифрового типа мышления. Следует сосредоточиться, в первую очередь, на анализе возможности перевода аналогового содержания в цифровой формат и философских принципов такого перевода.

Ключевые слова: философия, история философии, тип мышления, репрезентация, аналоговый, цифровой, холистический, аналитический

The Interdependence of Analog and Digital Mind-Sets in Philosophy

Aleksandr I. Pigalev
Dr. of Sci. (Philosophy), professor
Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The purpose of the paper is to analyze the interdependence of analog and digital mind-sets that predetermine the type of the representation of reality in the historical development of philosophy. The validity of the construal of thinking as analog or digital is connected with its characteristics which one can find also in modern means and forms of communication. It is emphasized, however, that modern computer technologies only gave evidence of the distant tendencies which formerly already influenced suitably on the structure of thinking, albeit initially they were not described as analog or digital. The respective terms generally point to the holistic and analytic tendencies of thinking and thereby provide new language for the interpretation of old philosophical problems. The history of the rise of digital representations is traced in a nutshell from the emergence of the concept of Logos to the Cartesian individualism and subjectivism. It is concluded that the scrutiny should be aimed not only at the delineation of the digital mind-set. It should focus, in the first place, on the analysis of the translatability of the analogue content into digital format and the philosophical principles of such translation.

Keywords: philosophy, history of philosophy, mind-set, representation, analog, digital, holistic, analytic

Развитие компьютерных технологий оказало ощутимое влияние не только на физико-математические и технические, но и на гуманитарные науки, включая философию, и выявило новые аспекты проблемы природы и специфики мышления. Обоснованность понимания мышления в качестве аналогового либо цифрового связана с наличием у него тех же характеристик, которые обнаруживаются в современных средствах и формах коммуникации. Следует, однако, подчеркнуть, что влияние на мышление процессов, которые с учетом современных контекстов и интерпретаций должны быть отнесены к цифровизации, началось намного раньше изобретения и внедрения во все сферы человеческой жизни современных компьютеров.

Компьютерные технологии усилили и проявили уже существовавшие тенденции, которые до этого не описывались в качестве цифровизации. В сущности, термины «аналоговое» и «цифровое» указывают на холистическую и аналитическую тенденции в развитии структуры мышления. Однако, обозначая, в первую очередь, современные явления и процессы, эти термины предоставляют особый язык для описания и интерпретации в новом контексте старых философских проблем, в первую очередь тех, которые образуют смысловое ядро философии на протяжении всего времени ее существования.

Использование именно этих терминов позволяет сделать взаимосвязь холистической и аналитической тенденций в эволюции структур репрезентации предметом философских и, в исторической ретроспективе, историко-философских исследований. Такой подход предполагает выявление структурных отличий аналоговых моделей мысленной репрезентации от цифровых. Это проявляется в различных способах сведения множества к единству и означает различное понимание таких понятий, как тождество, различие, противоречие. В общем, аналоговая репрезентация является холистической, а цифровая – аналитической.

В случае аналоговой репрезентации элементы структур опосредования, связывающие репрезентацию и ее предмет, объединяются в соответствии с принципом *и/и*, и все объединяется со всем. Внутренне недифференцированное единство и размытые, нечеткие различия допускают, вообще говоря, даже отсутствие опосредования и, таким образом, возможность восприятия предмета в его непосредственности. При этом в соответствии с принципом *и/и*, реальные количественные характеристики предмета приводятся в соответствие с *непрерывной* шкалой воображаемых величин, которые эти характеристики репрезентируют в мышлении [1, с. 155–156]. Соответственно, не допускаются отрицание, четкие границы, ноль (отсутствие, предполагающее четкую границу с присутствием), отрицательные величины.

В цифровом типе мышления принципом, в соответствии с которым строятся структуры опосредования между репрезентацией и тем, что репрезентируется, является *либо/либо* в качестве бинарной логики взаимоисключения противоположностей. Цифровые репрезентации характеризуется тем, что количественные характеристики репрезентируемого предмета приводятся в соответствие с *дискретной* шкалой их репрезентаций [1, с. 156–157]. Она допускает возможность отрицания, четкие границы, ноль (отсутствие) и отрицательные величины.

Для аналоговых репрезентаций характерны образы изменения, процесса, потока и невозможность провести четкие границы. Цифровые репрезентации предполагают неизменность, устойчивость, возможность постоянных четких границ. И то, и другое встречалось и встречается в философском контексте анализа репрезентации. Однако наличие существенных различий между аналоговой и цифровой репрезентацией не означает, что соответствующие типы мышления могут существовать и когда-либо существовали отдельно друг от друга, или что цифровой тип репрезентации возник значительно позже аналогового. Как показывает исторический анализ, аналоговый и цифровой типы мышления были тесно связаны друг с другом уже на ранних этапах человеческой цивилизации.

По-видимому, появление цифровой репрезентации следует связывать с возникновением в языке в качестве аналогового средства коммуникации такого важного элемента как *имя*. Оно позволяет обозначать удерживаемые в мышлении образы предметов, которые выделены из потока чувственных восприятий, а затем и находить в них общие черты. Соответственно, следующим этапом цифровизации мышления является переход от множества имен одного и того же предмета в конкретных контекстах к обозначению его как такового в качестве его *Логоса*. Он уже отделен от аналогового разнообразия изменчивых, непрерывно переходящих друг в друга чувственных

восприятия четкой границей и поэтому некоторым образом выделяется из них и возвышается над ними.

В качестве единства («собираения» [2, с. 320–331]) многого и правила объединения разнородного логос, как и все, что имеет четкие границы и поэтому относится к «цифровому», разрывает связь с конкретными контекстами. Логос становится для них «другим», или, точнее, другим «логическим типом». Это открывает возможность рефлексии с другой стороны границы над первичными именами и, тем самым, первого опыта создания метаязыка. Он позволил упорядочить первичные имена, прежде всего, по такому признаку, как степень общности и выстроить их классификацию в виде иерархии.

Цифровизацией следует считать и переход от пиктографического письма к алфавиту, приведший в итоге к культу числа у Пифагора. Идентичность каждого из условных абстрактных символов алфавита обеспечивается лишь его отличием от всех остальных символов. Поэтому репрезентация смысла сказанного осуществляется с помощью алфавита независимо от его конкретных особенностей. Это позволяет разорвать связь и с тем, что алфавит обозначает комбинациями букв, и с контекстом [3, с. 136–152].

Этапным событием в истории цифровизации следует признать также триумф картезианского принципа *cogito ergo sum* [1, с. 212–217]. Декарт обеспечил философские основания не только для научной парадигмы Галилея. Он обосновал упорядочение всего в соответствии с цифровыми по своей природе моделями (например, в алфавитном порядке) и, соответственно, правомерность математизации в различных областях знания. Однако ни математизация, ни современная цифровизация не вытеснили окончательно аналоговые формы репрезентации.

Целью философского анализа является не только в установлении границ цифровой репрезентации в сравнении с аналоговыми структурами. Главной является задача прослеживания возможностей перевода аналогового содержания в цифровой формат. Взаимосвязь этих типов мышления в философии представляет особый интерес, поскольку она, как правило, предшествовала соответствующим процессам в других областях человеческого познания и может служить исходной моделью для их исследования.

Список литературы

1. *Wilden A.* System and Structure: Essays in Communication and Exchange. 2nd ed. London: Tavistock Publications, 1980.
2. *Хайдеггер М.* Гераклит. 1. Начало западного мышления. 2. Логика. Учение Гераклита о Логосе / Пер. с нем. А. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2011.
3. *Ong W.J.* Orality and Literacy: The Tecnologizing of the World. 30th Anniversary Edition. With Additional Chapters by J. Hartley. London; New York: Routledge, 2012.

ЗОЖ в эпоху «цифры»:
между квантификацией и геймификацией

Софья В. Тихонова

доктор философских наук, доцент

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия*

Ольга В. Сергеева

доктор социологических наук, доцент,

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В докладе рассматривается гейм-цифровизация практик здорового образа жизни. ЗОЖ является примером современной рационализации отношения к организму, причем с появлением миниатюрных массовых технологий наблюдается тотальное увлечение мониторингом собственной жизнедеятельности. Авторы считают, что ЗОЖ-приложения для современных гаджетов, продуцирующие гейм-пространство для поддержки физических нагрузок человека, можно отнести к разновидности биохакерских инноваций. Биохакинг в данном случае – это, во-первых, масштабная квантификация ежедневной телесной активности пользователя; во-вторых, перевод за счет игровых механик физических усилий в реальном мире в энергию игровых персонажей (тело человека становится ресурсом «питания» игрового мира); в-третьих, расширение здесь-и-сейчас-тренировок эффектами дополненной реальности.

Ключевые слова: цифровое общество, геймификация, ЗОЖ, квантификация себя, биохакинг

Healthy lifestyle in the digital Age: between quantification and gamification

Sof'ya V. Tikhonova

Dr. of Sci. (Philosophy), professor

Saratov State University, Saratov, Russia

Ol'ga V. Sergeeva

Dr. of Sci. (Sociology), associate professor

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The report examines the game digitalization of healthy lifestyle practices. Healthy lifestyle is an example of a modern rationalization of human body attitudes, and with the spreading of miniature technologies there is a total fashion for monitoring one's own life. The authors consider how healthy lifestyle apps producing game space for human physical activity can be attributed to a variety of biohacker innovations. In this case biohacking is, firstly, the total quantification of daily bodily activity; secondly, the transfer of physical efforts in the real world into the energy of game characters (the human body becomes a resource for the game world); thirdly, the expansion of here-and-now training with augmented reality effects.

Keywords: digital society, gamification, healthy lifestyle, quantification of oneself, biohacking

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011
«Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)»

В последнее десятилетие все более призрачной становится граница между практиками здорового образа жизни (ЗОЖ) и биохакерской программой самоулучшения. Идеологическим ядром ЗОЖ является построение рационально обоснованной (в идеале – научно обоснованной) программы заботы о себе, в которой управляемыми могли бы оказаться питание, физические нагрузки и режим дня, причем управляемыми таким образом, чтобы обеспечивать оптимум функционирования организма. Биохакеры

радикализируют цели и инструменты, позиционируемые ЗОЖ, их задача – приспособить высокие технологии и научные данные с переднего края для того, чтобы превзойти оптимум, получить более высокое качество отдачи от организма, нежели тот, что возможен на уровне «естественного» оптимума. Рациональность ЗОЖ – весьма непрозрачная характеристика, по факту ее может подменять и здравый смысл, и мифологическое мышление, чем и объясняется интегрированность в ЗОЖ эзотерических, а иногда и прямо религиозных практик. Тем не менее, связь рациональности и научной картины мира в легитимации ЗОЖ длительное время (датировку этого процесса в нашей стране можно связывать с появлением так называемой «модели Семашко» – советской системы здравоохранения, в которой профилактика заболеваний неразрывно связана с массовой, охватывающей практически все население, пропагандой ЗОЖ) задавалась медициной; медицинские работники до сих пор сохраняют роль ключевых агентов контроля практик, выступая в борьбе с популярными лидерами мнений, тиражирующим альтернативные алгоритмы, именно от лица науки. Обычный человек, находясь в противоречивом и конфликтном медиапространстве, часто не выдерживает бремени анализа собственной жизнедеятельности, и выбирает способы решения, которые предлагает ему общество потребления через рекламу и маркетинг. Индустрия в качестве перспективных выбирает те приемы, которые апробированы «первооткрывателями», экспериментирующими с технологиями в своей повседневности – т.е. внедряет инновации биохакеров [1], связанных с мониторингом процессов собственной жизнедеятельности. Селфтрекинг как стратегия самонаблюдения за организмом с помощью цифровых устройств стал основой коммерциализированных попыток «овнешнения» аналитики заботы о себе. Сегодняшнее массовое распространение фитнес-трекеров и аналогичных гаджетов демонстрирует проблему данных – субъект по-прежнему остается беспомощным, хотя ему предоставлен инструмент для оценивания. Иначе говоря, квантификация все так же предполагает рациональные стратегии поведенческого выбора, только увеличивая его пространство. Соответственно, пользователь, обладающей цифровой «копией» себя, состоящей из калькулируемых параметров (продолжительность сна, количественные характеристики физической активности, пульс, вес, рост, оксигенация) нуждается в ассистировании со стороны цифровых помощников. Поскольку существует территория компьютерных игр, позволившая накопить богатый опыт по управлению жизненными показателями виртуальных персонажей, обращение к ней закономерно.

Поддержка своего тела в форме – это всегда усилие. Чтобы снять трудности вовлечения в физические практики ЗОЖ сегодня рекламируются геймифицированные приложения, уменьшающие, по мнению их разработчиков, болезненную рутинность физических упражнений. Смысл типичного фитнес приложения с элементами игры (game-based fitness apps) заключается в погружении тренирующегося человека в магический круг фантазийного мира, игровые механики и визуальные характеристики которого призваны отвлечь от физической усталости. Например, приложение «Hops – Journey of Tree Spirit»¹ собирает данные о ежедневных упражнениях пользователя и преобразует их в жизненную энергию, используемую маленькими древесными духами. Поэтому если человек активно тренируется, то игровые персонажи получают возможность осваивать игровой мир и «крафтить» для этого такие материалы, как дерево, камень, драгоценности. Новые материалы для крафта появляются в игре каждый раз, когда человек проходит около 500 шагов. В такой геймифицированной связке тренирующееся тело отдает калории игровым персонажам, для которых они «жизненно» важны.

Некоторый эффект дополненной аудиореальности создается приложением для бега Zombies, Run! Надев наушники и включив приложение, индивид, делающий ежедневные

¹ <https://pcappcatalog.com/1433717138/hops-journey-of-tree-spirit>

пробежки, слышит гортанные звуки, хрипы приближающихся зомби, от которых нужно убежать¹. У этого приложения есть и вставки-истории, написанные писательницей Наоми Олдерман. Данный кейс является примером того, как сегодня возможна симуляция пространства, подталкивающего к физической нагрузке. По сути дела, фитнес-клуб с его музыкой, светом, репликами тренера призван также воздействовать на человека, чтобы он прыгал/бежал/танцевал без остановки. После установки приложения мотивирующая среда создается индивидуальными кликами в любом месте и в любое время.

Менее изощренные ЗОЖ-приложения позволяют без фантазийных игровых миров организовать самостоятельные тренировки, следить за организмом и сопоставлять свои действия с достижениями других занимающихся, то есть дают простую геймификацию или «пойнтификацию» через соревнование и оценку. В любом случае ЗОЖ-приложения поддерживают датафикацию телесности и порождают феномен ежедневного цифрового здоровья, то есть некоторого самочувствия «на экране», которое хотя и пересекается с реальным самочувствием, но полностью с ним не совпадает.

Обычно при анализе геймификации любой деятельности акцентируется развлекательность игрового пространства. Но компьютерные игры, моделируя реальность, так или иначе предполагают ее аналитическую модель, которая и предлагается пользователю в качестве основы управления собственными действиями, определения своих стратегий и тактик. Калории «конвертируются» в жизненную энергию, подсчет и накопление расходных материалов для персонажей игрового мира более нагляден и осязаем, чем накапливающийся соматический эффект от упражнений, обнаруживаемый (а часто – как раз не обнаруживаемый) с помощью весов и обмеров. Геймификация работает с разными режимами и уровнями квантивфикации, сопрягая исчисляемые ряды совершенно различной природы. Таким образом, геймификация не столько эксплуатирует иррациональные особенности мышления человека, хотя, конечно, она использует в качестве онтологической основы игрового мира социальную или художественную мифологию, сколько дополняет практики заботы о себе игровыми механиками, усиливающими гедонистические мотивы активности, и связанное с ней переживание риска и азарта. Иначе говоря, минимизируется скука, которая неизбежно сопровождает рутинизацию любой практики и снижает исходную активность. При этом дополненная реальность становится весьма распространенным элементом ЗОЖ, в перспективе она может эксплуатировать не только сюжеты массовой культуры (именно они характерны для массовой индустрии), но и отмеченные выше нарративы эзотерического и религиозного толка. Каким тогда будет социальный и мировоззренческий дизайн ЗОЖ? На этот вопрос цифровому обществу только предстоит ответить.

Список литературы

1. Шевченко С.Ю., Петров К.А., Филатова А.А. Биохакинг: изменяя себя, переформатировать науку // Человек. 2021. Т. 32. № 6. С. 58–73.

¹ <https://zombiesrungame.com/>

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ: ПРОБЛЕМА НАЧАЛА

Культурологическое пространство как бытие смыслов

Георгий А. Антипов

доктор философских наук, профессор

*Новосибирский государственный университет экономики и управления – «НИИХ»
Новосибирск, Россия*

Аннотация. Современное общество сталкивается с процессами и изменениями, потенциал воздействия которых на человека не совсем ясен, хотя своим радикализмом не может не порождать определённых опасений. Галактика Интернет, виртуальная реальность, сетевое общество. цифровизация – вот категории феноменологически характеризующие указанные процессы и изменения. Но вот вопрос, который, как правило, остаётся вне поля зрения: а каковы механизмы воздействия этих «виртуальных реальностей» на реальное бытие человека? Каков онтологический статус этого бытия? И только определившись с данным вопросом, можно переходить научной аналитике изменений, связанных с перемещением современного человека в Галактику Интернет.

Ключевые слова: социальная реальность, объективность, знак, структура знака, коммуникация

Culturological space as the existence of meanings

Georgii A. Antipov

Dr. of Sci. (Philosophy), professor

*Novosibirsk State University of Economics and Management
Novosibirsk, Russia*

Abstract. Modern society is faced with processes and changes, the potential impact of which on a person is not entirely clear, although it's radicalism cannot but generate certain fears. The Internet Galaxy, virtual reality, network society. digitalization – these categories phenomenologically characterize the said processes and changes. But here is the question that, as a rule, remains out of sight: what are the mechanisms of influence of these "virtual realities" on the real existence of a person? What is the ontological status of this being? And only having decided on this issue, it is possible to move on to the scientific analytics of the changes associated with the movement of a modern person to the Internet Galaxy.

Keywords: social reality, objectivity, sign, sign structure, communication

Как-то незаметно, как-то вдруг мы оказались обитателями новой галактики – Галактики Интернет. Ещё совсем недалёкие наши предки (имеется в виду исключительно временной лаг) совершенно не подозревали о возможности ничего подобного. «Сетевые общества», «виртуальная реальность», «цифровизация» – вот ключевые концепты, феноменологически характеризующие этот новый, отнюдь не прекрасный мир. Действительно, невозможно представить себе некоего «однофамильца» Лейбница, готового утверждать, что это «лучший из миров». Напротив, всё громче слышится нечто совершенно иное, вроде: «человек всё сильнее ощущает на себе форматирование со стороны IT-сферы: цифровые технологии подгоняют человека под себя, осуществляя социокультурную разметку, при которой непопадание в формат может поместить человека в «слепую» зону и оставить его один на один с самим собой». Так что искать в этом нашем новом мире гармонии – дело безнадёжное.

Но тогда, в данной ситуации, не может не «выпрыгнуть», конечно, наш истинно русский вопрос: «что делать?». Ответ очевиден: обращаться по ведомствам науки (социальной) и инженерии (социальной). Но вот незадача, нет внятного ответа на другой вопрос, а именно: что собой представляет в данном случае, адресат научного

исследования и социальной инженерии, если иметь в виду задачи «практического» разрешения коллизий, обозначенных выше. С науками о природе, естествознанием – всё понятно. Свои познавательные задачи они адресуют «объективной реальности, данной нам в ощущениях», то есть материи и её формам. А как быть с «виртуальной реальностью», не говоря, вообще о социальной реальности? Простой перенос категории материя в область социального познания «проф. непригоден», должен быть оценен как проявление натурализма. Кстати, в подобной инверсии следует усматривать основной порок марксизма («материалистическое понимание истории»). Но если говорить о социальных науках именно как *науках в собственном смысле*, они должны представлять исследуемую реальность в категории «объективности», хотя речь всюду идёт о действующих людях, а их деятельность – сознательна.

Итак, интенции научного анализа проявлений общественной жизни человека сталкиваются с фундаментальной эпистемологической коллизией: реальность, продуцируемую деятельностью субъекта, следует представить как объективную реальность, то есть вовсе от субъекта независимую.

Следует, однако, сказать, беря дискурс научного социального знания в целом, что отнюдь не всюду и не всегда указанной коллизии придаётся сколь-нибудь значимый статус. Сошлёмся, к примеру, на рассуждение Милтона Фридмана: «Позитивная экономическая наука принципиально независима от какой-либо этической позиции или нормативных суждений. Как говорит Кейнс, она занимается тем, «что есть», а не тем, «что должно быть». Её задачей является создание систем обобщений, которые можно использовать для корректных предсказаний тех следствий, к которым приведёт любое изменение обстоятельств. О её качестве следует судить по точности, широте охвата и согласованности с реальностью тех предсказаний, которые она даёт. Короче говоря, позитивная экономическая наука является или может явиться «объективной» наукой точно в том же смысле, как и любая из физических наук» [1, с. 179].

В данном случае, очевидно, Фридман, никоим образом не затрагивает фундаментальную теоретико-познавательную коллизию в социальном научном знании, речь идёт о присущем науке способе оценки результатов познавательной деятельности, который, конечно, не должен зависеть «от какой-либо этической позиции или нормативных суждений». Категория «объективности» ориентирована на проблему истины в науке. И здесь, понятно, экономическая наука является «объективной» наукой точно в том же смысле, как и любая из физических наук».

Но вызывают сомнения суждения Фридмана, поскольку он всё же касается трактовки «объективности» применительно к социальной реальности: «Конечно, тот факт, что экономическая наука имеет дело с взаимоотношениями между людьми, а исследователь объекта в гораздо большей степени, чем в физических науках, создаёт особые трудности в достижении объективности. В то же время это даёт исследователю социальных явлений класс данных, который недоступен исследователю физических явлений. Но ни то, ни другое не служит, на мой взгляд, фундаментальным различием между двумя группами наук» [1, с. 179].

Можно только удивляться эпистемологическому «устройству» очков автора, не позволяющих увидеть существенного различия между ситуацией исследования аспектов взаимодействия вещей, с целью выявления присущим им объективных свойств и законов их изменения, и, с другой стороны, взаимоотношений между действующими сознательно людьми. Трудность как раз и заключается в том, чтобы и в данной ситуации, следуя методологическому императиву всякой науки, увидеть нечто релевантное «вещам самим по себе», но не тождественное им, как это свойственно всякому естественнонаучному исследованию.

Аналогами форм «объективной реальности», каковые фигурируют в естественнонаучном дискурсе, в дискурсе социальных наук выступают, как говорил, к примеру, Хайек, «наиндивидуальные схемы (patterns), или схемы сотрудничества»,

невидимые и не поддающиеся непосредственному восприятию структуры. «Например, система ценообразования при рыночном обмене заставляют нас действовать под влиянием обстоятельств, нам практически не известных и могущих породить результаты, нами вовсе не планировавшиеся... Всё это становится возможным благодаря тому, что, подчиняясь определённым правилам поведения, мы вписываемся в гигантскую систему институтов и традиций: экономических, правовых и нравственных. Мы никогда не создавали их, и мы никогда их не понимали – в том смысле, в каком нам понятно предназначение изготавливаемых нами вещей» [2, с. 29].

Такова реальность, её статус, с которой имеют дело вообще все социальные науки, а, отнюдь не только экономические. И невооружённым глазом видно, сколь радикальны различия между реальностью, к которой обращается физик и социальной реальностью. И дело вовсе не в том, как полагал Фридман, что исследователю социальных явлений дан класс данных, недоступный исследователю физических явлений. Дело в том, что исследователь «социальных явлений» только с этим классом данных и может иметь дело.

Итак, если принимается, что для исследователя-наблюдателя в социальных науках реальность представлена деятельностью наделённых волей и сознанием агентов (субъектов), то следует и принять, что непосредственной данностью для него будут знаки и знаковые системы – представители проявлений деятельности сознания людей. Но, в таком случае, переводя анализ в онтологический аспект, и беря основанием модель знака Огдена-Ричардса, бытием, к которому обращаются социальные науки, следует считать смыслы – нормы замещения знаковой формой объективного содержания (денотата) в структуре знака. А исследование тех или иных проявлений социальности предполагает коммуникацию с ними, чего, очевидно быть не может в естествознании.

Особую область, в гносеологическом смысле, образуют гуманитарные науки. Их адресатом становятся, собственно смыслы, в отличие от социальных наук, ориентир которых – денотат (объективное содержание). Основные аспекты метафизической исследовательской программы бытия смыслов содержатся в феноменологии Э. Гуссерля.

Сошлёмся на одно из быстро развивающихся направлений гуманитарных исследований современной историографии – историю понятий. Презумпция, из которой здесь исходят, в том, «что понятия являются индикаторами и движущими силами происходящих в обществе исторических процессов». Исследования имеют в виду «сложные семантические связи понятий, используемых специалистами историками, и особенно – изменения их смыслов во времени» [3, с. 6].

Список литературы

1. Философия экономики: антология / Под. ред. Д. Хаусмана. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012.
2. Хайек Ф.А. ванн. Пагубная самонадеянность: социализма. М.: Новости, 1992.
3. Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи: В 2 т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Свое «другое» сознание & Следы и последствия.
Исторический опыт трансляции знаний

Марина Р. Бургете Аяла
Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация. Предлагаются к рассмотрению исторические сюжеты, связанные с передачей, трансляцией знаний от одной культуры к другой в ситуации исторических катаклизмов, и гибели установленного порядка. Из множества событий, имевших место на протяжении тысячелетий человеческой истории, которые, как правило, были результатами завоеваний, выбраны два эпизода. Первый связан с передачей и восприятием античного наследия. Второй – со столкновением того типа рациональной культуры, сформировавшийся к моменту открытия и завоевания Нового света, который принято называть «европейской рациональностью» и действиями по «контакту» с иной цивилизацией.

Ключевые слова: трансляция знаний, первый европейский гуманизм, Толедская школа перевода, завоевание Америки

Your "other" consciousness & Traces and consequences.
Historical experience of knowledge translation

Marina R. Burgete Ayala
RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia

Abstract. Historical plots related to the transfer and translation of knowledge from one culture to another in a situation of historical cataclysms and the death of the established order are proposed for consideration. Of the many events that have taken place over thousands of years of human history, which, as a rule, were the results of conquests, two episodes have been selected. The first is connected with the transmission and perception of the ancient heritage. The second is with the collision of that type of rational culture formed by the time of the discovery and conquest of the New World, which is commonly called "European rationality" and actions for "contact" with another civilization.

Keywords: translation of knowledge, the first European humanism, Toledo School of Translation, the conquest of America

Тема сохранения, передачи и трансляции восприятия знаний не потеряет своей актуальности, покада человечество не избавится от «проклятия вавилонской башни», а значит – никогда! Во всяком случае, в ближайшее обозримом будущем, которое мы можем себе представить. «После же потопа, самым тяжким наказанием, которое бог послал на людей за их гордость, было смешение языков, резко ограничившее свободное общение в науке и взаимный обмен знаниями среди ученых» [1, с. 119.]. Одно из значений этого библейского образа – общее дело, для которого необходимо взаимопонимание, достичь которого возможно только в том случае, если участвующие в разговоре будут говорить на «одном языке», хотя бы в метафорическом смысле. Это означает, что смыслы и значения, вкладываемые в понятия, будут взаимопереводимы, а логика рассуждений взаимоочевидна. Удаленность на неопределенное время счастливого разрешения этой проблемы не означает, что надо оставить попытки ее решить. Напротив – запас времени внушает надежду на то, что можно позволить себе реконструировать огромное количество вариантов и примеров из прошлого и смоделировать будущие возможности.

Когда мы сравниваем *европейскую рациональность* с любой другой – индийской китайской, японской, мезоамериканской и т. д. по умолчанию предполагается, что мы знаем, что она из себя представляет. Как правило за образец берется то, что сложилось после Декарта и Бэкона, не задумываясь о том, на сколько способ мышления, который мы

привычно называем европейской «рациональностью» или «сознанием» является таковым, т.е. «европейским».

Европейская рациональность, в отличие от многих восточных или доколумбовых, не была изолирована в рамках одной культурной, языковой, религиозной традиции. Она складывалась, собиралась в течение веков из множества различных языков, традиций, религий (греческой, римской, вестготской, иудейской, христианской, арабской, индийской, арабо-мусульманской). Затем произошло возвращение античного наследия через языки - греческий, латинский еврейский, арабский. Затем последовала трансляция комплекса знаний «в» и «через» новоевропейские языки и формирование новых культурно-научных традиций. Историческая реконструкция реальности рисует картину, которая чем больше мы ее приближаем, и чем больше подробностей узнаем, тем больше загадок и неясностей в ней становится, вопреки ожиданиям. Каким бы мог быть наш мир, если бы все созданное человеком в области духовной культуры оставалось доступным на протяжении истории? К большому сожалению, герой Булгакова ошибался, рукописи горят, и храмы разрушаются, из каких бы неподъемных монолитов они ни были построены.

Что именно и каким образом на каждом конкретном этапе «постгибели» входит в оборот и трансформируется под новые условия? Более проста и понятна в исследовании ситуация когда передача, сохранение и развитие знаний реконструируется в рамках одного жизненного культурного и языкового пространства – но это идеальная картина, отыскать которую в реальной истории можно в ограниченные периоды. Бесконечные войны, социальные и природные катаклизмы в которых уникальные рукописные творения подвергались физическому уничтожению, а порой просто предавались забвению за ненужностью, или приоритетом становились иные, буквально - жизненные ценности. Механизм и способ передачи зачастую во многом определяет содержание того, что передается и закрепляется в последующем. Реконструируя, прослеживая механизмы передачи культурно-научных достижений человеческой мысли, можно получить своего рода «дорожную карту» прошлого с остановками на моментах «гибели мира».

Пиренейский полуостров как условная основная точка первоначальной геолокации выбрана не случайно. В ней сходятся множество факторов: в одной стороны типичных для своего времени, а с другой, уникальных с точки зрения исторической насыщенности, а потому показательных. «Находясь между Африкой и Европой, между океаном и средиземным морем, Иберийский полуостров становится перекрестком, местом встреч. Да, это чрезвычайно запруженный перекресток, почти препятствие. Однако он остается местом встреч различных эпох, людей и цивилизаций, которые сходятся здесь лицом к лицу и оставляют свои следы» [2, с. 10]. Кроме того, именно из этой точки начинается процесс реальной глобализации, вначале географической, а затем и культурно-цивилизационной. То, что мы называем европейской рациональностью «сварено» именно в этом котле и на этих «дровах»: тема этих «следов» в различных текстах. Как шло распространения знания через языки и культуры (повседневный, научный, культурный: архитектура живопись, литература). В этом длительном процессе гибели и восстановления механизм *восстановления* и представляет для нас интерес.

Первый из рассматриваемых эпизодов – сохранение и передача античного наследия греческий-еврейский-арабский-латынь. Это эпоха первого византийского гуманизма [3] XIII –XV вв., и Толедская школа перевода XII–XIII вв.

Второй эпизод относится ко времени, носители так называемой «европейской рациональности», сформировавшейся к этому времени, отправились в путешествие по миру, где столкнулось и иными цивилизациями, расширяя «географию мысли» до глобальных размеров планетарного масштаба. Подобно болезням, вызванным занесенными завоевателями смертоносными микроорганизмами и вирусами и погубившим огромную часть коренного населения Нового Света, европейская

рациональность, вооруженная «христианскими ценностями» и «техническими достижениями» уничтожила и удивительный мир цивилизации «метафор и чисел» [5–7].

Разбираясь в «чистоте крови» европейской рациональности или ее химеричности, можно прийти к выводу, что звание «европоцентризм» несколько преувеличено. Оставленные в ней следы иных культур могут иметь двоякие последствия: с одной стороны это явно показывает ее завышенное самомнение, а с другой, исторически сложившаяся и продемонстрированная способность дает больше оснований и возможностей быть приспособляемой и восприимчивой и к иномыслию. Вероятно, сама того не осознавая, она является латентным носителем не только собственных, но и иных смыслов и логик. Задача в том, что бы отыскать их, проследить возможные пути и способы их трансформаций и адаптации. Важны обе стороны вопроса и содержательно-смысловая и «техническая». Т. е. механизмы, способы, реальные действия, производившиеся при передаче мыслительной стороны культуры, во многом определяли содержательное наполнение.

Список литературы

1. *Бэкон Ф.* Сочинения в двух томах. 2-е изд., испр. и доп. / Сост., и общ. ред. и вступ. статья А.Л. Субботина. М.: Мысль, 1977. Т. 1. с. 119.
2. *Вилар П.* История Испании / Пер. с фр. И. Борисовой. М.: АСТ: Астрель, 2006. Лемерль П. Первый византийский гуманизм. Замечания и заметки об образовании и культуре в Визинтии от начала до X века / Вступ. ст. и пер. с франц. Т.А. Сенина (монахиня Кассия). СПб.: Свое издательство, 2012.
3. *Abellán J.L.* Historia crítica del pensamiento español. La crisis contemporánea I. La Restauración canovista. 1875–1897. Т.6. I. Madrid, Espasa Calpe. 1988. P. 241–273.
4. *Бургете Аяла М.Р.* Завоевание Нового света: конфликт цивилизаций – конфликт рациональностей // *Философские науки.* 2018. № 6. С. 7.
5. *Бургете Аяла М.Р.* Когда боги умирают. Завоевание Америки в свете конфликта рациональностей // *Идеи и идеалы.* 2018. № 4.
6. *Леон-Портилья М.* Философия нагуа. Исследование источников. – 2-е изд., изм. и доп. / пер. с исп. Р. Бургете, М. Бургете. М.: Постум, 2010.

Проблема сознания в «Тирумантираме» Тирумулара

Ольга П. Вечерина

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Центр исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама» РУДН,
Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается проблема сознания, его состояний и уровней, впервые эксплицитно сформулированная на тамильском языке в «Тирумантираме» Тирумуларом, поэтом и мистиком, принадлежащим одновременно к традиции тамильского шайва-бхакти и к традиции сиддхов. Ряд исследователей считают Тирумулара предшественником шайва-сиддханты, рассмотревшим в своем трактате основные положения этой важной философско-теологической школы средневекового Тамилнаду.

Ключевые слова: сознание, шайва-сиддханта, освобождение, ананда, загрязнения, состояния сознания

The problem of consciousness in *Tirumantiram* by Tirumular

Ol'ga P. Vecherina

Cand. of Sci. (History), senior researcher,
RUDN University Purushottama Research Centre, Moscow, Russia

Abstract. The problem of consciousness, its states and levels, first explicitly formulated in Tamil in "Tirumantiram" by Tirumular, a poet and mystic who belongs both to the Tamil Shaiva-bhakti tradition and to the Siddha tradition, is considered. A number of researchers consider Tirumular to be the forerunner of Shaiva Siddhanta, who considered in his treatise the main provisions of this important philosophical and theological school of medieval Tamilnadu.

Keywords: consciousness, Shaiva Siddhanta, liberation, ananda, pollutions, states of consciousness

Работа подготовлена в рамках Соглашения между Министерством образования и науки РФ и Российского университета дружбы народов № 075-15-2021-603 по теме: «Разработка методологии и интеллектуальной базы нового поколения по изучению индийской философии в ее соотношении с другими ведущими философскими традициями Евразии»

Проблема сознания одним из первых в тамильском шиваизме была сформулирована поэтом и мистиком Тирумуларом в 8-й философской тантре трактата «Тирумантирам» (*Tirumantiram* 8) [1]. Тирумулар – один из наиболее загадочных и трудно интерпретируемых авторов из числа входящих в канон тамильской шайва-сиддханты. Его биография полна чудес и абсолютно лишена достоверности, а датировки колеблются в пределах тысячелетия [2]. Тирумулар – автор трактата «Тирумантирам», являющегося 10-й книгой поэтического канона шайва-бхакти «Панниру тирумурей» (*Tirumurai* X). Тирумулар также устойчиво считается основателем эзотерического движения тамильских сиддхов, а «Тирумантирам» открывает список наиболее авторитетных книг этого мощного, хотя во многом тайного сообщества алхимиков, магов и поэтов, по-видимому, автохтонного для средневекового Тамилнада.

По своему содержанию, философской проблематике и общим стилистическим особенностям трактат Тирумулара, несомненно, стоит особняком в поэтическом наследии бхактов. В то же время многое в работе Тирумулара можно рассматривать с точки зрения предвосхищения основных идей шайва-сиддханты,

Проблема сознания, его состояний и уровней – одна из важных в трактате. Что такое сознание, по Тирумулару? Среди терминов, которые Тирумулар употребляет для обозначения сознания, можно выделить следующие: *arivu*, *pōtam*, *nanṭi*, *cit-catti*, *civam*.

Arivu (Tirumantiram 8.14.2355–2369) – это душа, которая обретает форму и осознает самое себя благодаря милости (*aruḷ*) Шивы. Тирумулар считает, что, когда душа осознает себя, она понимает, что она Шива и что она – внутренний свет, но не знает, как перестать осознавать свои границы. Состояние *nanti* – это состояние существования с осознанием себя (2361). По милости этого осознания (*nantiyin aruḷ*) душа становится всепроникающим высшим сознанием (2363). Тирумулар называет это осознание мантрой, удерживающей тело. Когда это состояние неоднократно созерцается, происходит реализация (24).

«Тирумантирам» называет чит или высшее осознание *pōṭam*, завершающее три различных состояния: познающего, познаваемого и знания, когда достигается самадхи «самостоятельного становления Им» (2381). Высшее сознание также называется *civapōṭam*, которое разрушает состояние ограниченного «я» и факторы, вызывающие ограничение (2539).

Тирумулар фактически утверждает, что излагаемое им учение есть шайва-сиддханта, обсуждая три сущности – *pati*, *pacu* и *pācam*. Он называет *pati* – *arivu arivu*, *pacu* – *arivu*, а *pācam* – тем, что ограничивает *arivu*, и говорит, что все три вечны. Однако, когда изначальное состояние реализуется как *arivu*, эти различия исчезают (ст. 2405, 115). Преодоление врожденных загрязнений делает это возможным.

Среди мистических состояний, рассмотренных в трактате – освобождение (*mutti*), понимаемое Тирумуларом как йога-самадхи; путь джняны (там. *telivu*) как прозрение природы самости, называемый им оли-нери, санмарга, или Шива-нери. В опыте самадхи индивидуальное сознание выходит на новый, трансцендентный уровень турии, в котором реальность становится абсолютной, а само сознание существует как таковое, вне любых видов опыта, поднимаясь к состоянию абсолютного знания. Санмарга, называемая Тирумуларом также сиддха-йогой, ведет к высшему состоянию тождества дживы и Шивы как опыту растворения личности, когда тройственность турии (=трансцендентной самости) преодолена и джива «вступает в сат-чит-ананду» (2831).

Ананда, детально рассматриваемая Тирумуларом, означает полную самореализацию сознания садхаки, когда «между сознанием и Шивой нету различий» (2853). Шива – это чистый разум. В отличие от душ, Он не подвержен влиянию невежества. Он знаток всех вещей и обитатель всех душ, так что они неизбежно будут очищены от заблуждений. Согласно Тирумулару, существует пять врожденных загрязнений: *анава*, или эгоизм, *майя*, или заблуждение, *камия*, или карма, *майея*, или продукт майи, и *тиродайи*, или сила, скрывающая истинную природу души от нее самой, которая может быть превращена в благодать и тогда она наделяет душу высшим знанием Атмана.

Души могут существовать в трех причинно обусловленных состояниях (*kāraṇa avattai*) – *kēvala*, *caḥala* и *cuttam*, исходя из их взаимодействия с чувствами и сознанием (Tirumantiram 8.7.2227–2268). Тирумулар далее отмечает, что состояние *kēvala* — пребывание в асат (отсутствие сознания), в состоянии *caḥala* душа пребывает как сат-асат (иногда в сознании и бессознательно в других случаях), а в состоянии *cuttam* душа находится в сат (полностью в сознании) (2227).

Души изначально находятся в примордиальном инертном состоянии *kēvala* («одиночество», «однородность»). Они бессознательны, лишены тела и погружены в эгоизм (*ānava*). Когда они воплощаются в тело, они становятся сознательными — *caḥala* («все», «всякая вещь»), к ним добавляются три вида загрязнений (анава, карма и майя) (2229–2230). В этом состоянии душа обладает пятью видами тела. Телесность дается душе для того, чтобы она могла встать на путь освобождения. Затем души могут приобрести состояние шуддхи, обладающих самосознанием (2236). Далее Тирумулар делит каждое из этих базовых состояний души (*avattai*) на три субсостояния (2250–2252), из которых *cutta cuttam* — это наивысшее состояние, когда душа становится Шивой. В этом состоянии она полностью избавлена от всех видов загрязнений.

В зависимости от количества врожденных загрязнений, функционирующих в них, Тирумуплар подразделяет души на три типа: *viñānakala*, *pralayakala* и *sakala*. У *viñānakala* есть анава, у *pralayakala* есть анава и карма, а у *sakala* к анаве и майе добавляется карма. Эти причинно обусловленные состояния души переживаются через пять результирующих состояний сознания – бодрствование (*nanavu*), сон (*kanavu*), глубокий сон (*urakkam*), *turīya* и *turyāīta*. Душа остается в одном из причинных состояний в зависимости от плодов своего предыдущего действия. Когда она осознает истину о своей природе, состояния *кевала* и *сакала* сгорают, и она достигает состояния *шуддха* (2409). Пять состояний сознания, которые переживает душа, создаются количеством таттв или принципов, действующих в них.

Врожденные загрязнения или *мала* приводят к ограничению сознания. «Тирумантирам» говорит, что нечистоты покрывают душу подобно зелени (2213). Когда *aṭivi* покрыт врожденной нечистотой, он связывается с чувствами и теряется в мирском знании, словно погружаясь в глубокие воды (119). Гуру раскроет это состояние и поможет душе превзойти врожденные загрязнения. Когда врожденные загрязнения и влияние чувств удаляются, тогда *aṭivi* восстанавливает свой первоначальный статус. Тирумуплар называет процесс превращения ограниченной души во вселенскую душу *civayokam*, а души, достигшие этого состояния осознания, становятся *civaciṭṭar*, теми, кто остается в свете самости (122).

Как отмечают переводчики и исследователи «Тирумантирама», «Тирумуплар предпринял попытку разработать философскую систему, основанную на определенных эпистемологических принципах... которая стала предшественницей шайва-сиддханта. <...> “Тирумантирам” можно назвать первым трудом на тамильском языке, в котором систематизировано определенное философское мировоззрение. Тирумуплар стал первопроходцем на этом пути и примером для своих последователей» [3: 68–69].

Список литературы

1. The Tirumantiram by Tirumūlar / Eng. Trans. and Comm. by T.N. Ganapathy ... [et al.]. Eastman: Babaji's Kriya Yoga and Publ., 2010. In 10 Vols. Vol. 1–3 / Eng. Trans. and Comm. by T.V. Venkataraman; Vol. 4 / Eng. Trans. and Comm. by T.N. Ramachandran; Vol. 5 / Eng. Trans. and Comm. by K.R. Arumugam; Vol. 6 / Eng. Trans. and Comm. by T.N. Ganapathy; Vol. 7 / Eng. Trans. and Comm. by P.S. Somasundaram; Vol. 8 / Eng. Trans. and Comm. by S.N. Kandaswamy; Vol. 9 / Eng. Trans. and Comm. by T.N. Ganapathy; Vol. 10: Appendices 1 (Subramaniam Swamy, T.N. Arunachalam), 2 (G. Feuerstein); Glossary, Select Bibliography / by T.N. Ganapathy; Index.

2. Вечерина О.П. «Тирумантирам» Тирумуплара / Пер. Н.В. Гордийчука, О.П. Вечериной, С.В. Голубева; Вступит. ст., примеч., коммент. О.П. Вечериной // Индийская философия. Т. 1. Избранные труды / Науч. ред. О.П. Вечерина; Отв. ред. Р.В. Псху. М.: Сафра, 2021. С. 142–196.

3. Гананати Т.Н., Арумугам К.Р. Йога сиддхи Тирумуплара. Исследование «Тирумандирама» / Пер. с англ. М. Николаевой. М.: АБВ, 2018.

От бихевиористского проекта к логико-смысловому анализу культуры
в социологии П.А. Сорокина: методологический аспект

Николай А. Головин

*доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. На материалах социологии П.А. Сорокина (1889-1968) раскрывается путь от признания ограниченности бихевиористского исследования работы сознания как субъекта культуры к выработке оригинального логико-смыслового метода исследования динамики культуры и общества. Метод позволил теоретически описать трансформацию крупных социальных систем и систем культуры как альтернативы учению О. Шпенглер о полной автономии культур. Системно-теоретическая составляющая этого метода получила развитие в коммуникативной теории социальных (смысловых) систем Н. Лумана. Следствия из нее демонстрируют ограниченность возможностей искусственного интеллекта по сравнению с нативным.

Ключевые слова: П.А. Сорокин, О. Шпенглер, Н. Луман, бихевиоризм, логико-смысловой метод, социальная коммуникация, сознание

From the Behaviorists Project to the Logical-Semantic Analysis of Culture
in the Sociology of P.A. Sorokin: a Methodological Aspect

Nikolai A. Golovin

*Dr. of Sci. (Sociology), Cand. of Sci. (Philosophy), professor,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*

Abstract. On the material of sociology by P.A. Sorokin (1889-1968) the author demonstrates the way from the recognition of limitations of behaviorist research of consciousness work as a cultural subject to the development of the original logical-semantic method for research the dynamics of culture and society. The method made it possible to theorize the transformation of large social and cultural systems as an alternative to O. Spengler's doctrine of the total autonomy of cultures. The system-theoretical component of the method was developed in sociology in the communicative theory of social (semantic) systems by N. Luhmann. The implications of this theory demonstrate the limitations of artificial intelligence compared to native intelligence (The research was funded by RFBR according to the project no. 20-011-00451).

Keywords: P.A. Sorokin, O. Spengler, N. Luhmann, behaviorism, logical-semantic method, social communication, sociology of culture, consciousness

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00451

Логико-смысловой метод в социологии П.А. Сорокина имеет предысторию. В 1863 г., физиолог И.М. Сеченов, вернувшийся из Германии с оборудованием для исследования электрической активности нервной системы, издал книгу «Рефлексы головного мозга», полагая, что психологию следует обосновывать физиологам. В 1916 г. физиологи акад. И.П. Павлов, В.М. Бехтерев и социолог Сорокин вступили в Русское социологическое общество, стремясь дать естественнонаучное основание выработке нравственного социального поведения. Однако, по Сорокину, наука еще не может этого. Поэтому он, организовав вместе с Павловым «Общество объективных исследований человеческого поведения», не дожидаясь научных результатов, создал научно-фантастический роман «Прачечная человеческих душ» (1917), решив вопрос в художественной форме. После революции он работал у Бехтерева в Институте по изучению мозга и психической деятельности, в лаборатории коллективной рефлексологии. В 1922 г. был выслан из страны как оппозиционер советской идеологии.

В 1925 г. вышла в свет его книга «Социология революции», которая в Германии вызвала критику бихевиористского метода этого исследования. Видный историк А. Мойзель (1896-1960) сравнил сочинение с древними летописями, где описаны страдания людей в периоды смут, но без указания исторических причин смут. Отказ от бихевиоризма произошел у Сорокина спустя 10 лет, когда он, ознакомившись с книгой Павлова с итогами 20-летнего опыта объективного изучения высшей деятельности (поведения) животных и человека; с выводом физиологов его школы о том, что путь от внешнего раздражителя по второй сигнальной системе проходит в головном мозге столь сложную обработку, что физиологи не могут ее точно описать и экспериментально подтвердить.

Одновременно (1928) у Сорокина складывается замысел *opus magnum* – исследования «Социальная и культурная динамика» (1937, 1941), охватывающего 2,5 тыс. лет (исторического времени тут достаточно). Для него был создан новый метод – логико-смысловой. Он основан на принципе дополнительности: чувственное и рациональное познание логически классифицированного внешнего мира (влияние логики Л.И. Петражицкого) и интуиция (научная программа философа И.И. Лапшина). Метод обеспечил получение мощных обобщений о динамике европейской культуры, доказана ее преемственность, а Сорокина стали называть в Германии «Анти-Шпенглером».

В 1950 г. метод был использован в обстоятельной полемике с учением Шпенглера «Закат Европы» (1918, 1922). В ней содержится тезис о том, что реальные культуры и общества – конгломераты целостных систем, подсистем, мелких самостоятельных систем и бессвязных фактов культуры, и что динамика крупных систем обеспечивается изменениями в подсистемах общества. В научном сообществе системная теория Сорокина была оценена лишь в части доказательства эмерджентного единства общества, культуры и личности. Разработка тезиса получила продолжение у младшего коллеги американского социолога Т. Парсонса (1902-1974), который вернул в системную теорию социального действия биологический организм и психику как его необходимые условия.

В контексте дискуссии об искусственном интеллекте (ИИ) и его перспективах, предложение, проясняющее роль сознания, внес автор коммуникативной теории социальных (смысловых) систем Н. Луман через развитие тезиса Парсонса о смысловых (общих и специализированных) средах (медиа) коммуникации. Еще Сорокиным введено понятие проводников социального взаимодействия [1, с. 156]. У Парсонса оно сформулировано как генерализованные средства коммуникации в подсистемах общества (действия): деньги в экономике, власть в политике,... общим средством коммуникации является язык, речь. Высоко оценивший эту находку немецкий социолог Н. Луман (1927–1998) разработал структуру единичного коммуникативного акта: Отправитель, выбрав средство коммуникации, например, язык, речь, избирательно вкладывает в сообщение лишь важнейшую информацию. Получатель также отвечает избирательно. Роли постоянно меняются. Процесс описывается формулой: два участника (сознания), общее средство коммуникации (например, язык) и три акта сознательного выбора (у отправителя – содержание сообщения, средство сообщения; у получателя – ответ). О головном мозге речи почти нет, но все-таки: «...химическая система клетки является для мозга его окружающим миром, а сознание человека для социальной системы – ее окружающим миром. Никакая декомпозиция нейрофизиологических процессов никогда не столкнется с отдельной клеткой как предельным элементом, и никакая декомпозиция социальных процессов – с сознанием» [2, с. 244]. За физиологией головного мозга оставлено лишь участие в кодировании-декодировании языковых сообщений, связанных со смысловой структурой социального мира (А. Шюц). Понятие смысла разработано дальше, чем у Шюца, подчеркивается его социальная структура и отсылочный характер смысла к другим смыслам в тезаурусе культуры.

Представляется обоснованным, что с учетом смыслового континуума, в котором оперирует сознание участников коммуникации, отсылочный характер смысла в области

творческой деятельности вполне реализуется лишь в естественном сознании, социализированном в данной культуре, а не в искусственном интеллекте, который формализован извне (разработчиком). Культура и язык (речь) обеспечивают такую вариативность коммуникации, что любую тему можно раскрыть в совершенно уникальных формах выражения. На этом фоне ИИ успешен лишь в формализованных системах действия, в том числе и речевого. Он не составляет серьезной конкуренции сознанию человека.

Список литературы

1. *Сорокин П.А.* Система социологии / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2021.
2. *Луман Н.* Социальные системы: Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.

Философские идеи Густава Шпета
с точки зрения современной философии сознания

Анастасия Н. Ковель

соискатель, Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация. Оправданность обращения к идеям Густава Шпета в наши дни заключается не только в необходимости восстановить историческую справедливость, но в необходимости преодолеть тот вакуум, в котором долгое время пребывали все его исследования, которые, как и его самого, могло ждать полное забвение. Возвращение к идеям Шпета продиктовано фундаментальностью и потенциалом его идей, многие из которых можно рассмотреть с точки зрения современной философии сознания.

Ключевые слова: Густав Шпет, сознание, знание, эстетика, искусство, музыка, ИИ

Gustav Shpeth's philosophical ideas
in the perspective of modern philosophy of mind

Anastasiya N. Kovel

applicant, RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia

Abstract. The reason why we appeal to ideas of Gustav Shpet today lies not only in the need to restore historical justice but also in the need to overcome the vacuum in which were all of his research, which, like himself, might fall into complete oblivion. The reason why we return to Shpet's ideas is dictated both by the very fundamentality and the potential of his ideas, many of which can be considered in the aspect of modern philosophy of mind.

Keywords: G. Shpet, consciousness, knowledge, aesthetics, art, music, AI

Доклад посвящен вопросу специфических особенностей эстетического сознания и бытия как основополагающих философских и эстетических идей Густава Густавовича Шпета. Данной теме посвящен ряд работ Шпета, самые значимые из которых: «Эстетические фрагменты», «К вопросу о постановке научной работы в области искусствоведения», «Искусство как вид знания» и др.

Для раскрытия этой темы необходимо рассмотреть ряд конкретных вопросов, которыми задается сам Шпет.

Во-первых, каковы особенности художественного познания и в чем его отличие от познания научного. В чем, согласно Шпету, состоит принципиальное отличие одного вида познания от другого? В каком смысле искусство есть знание?

Во-вторых, подробнее остановимся на вопросе корреляции искусства и подлинного бытия. Так, искусство есть способ выражения действительности или искусство само создаёт особый вид действительности?

Шпет приходит к выводу, что та действительность, которая присуща любому из видов искусств, тем самым являясь общим для них принципом, не является ни эмпирической, ни жизненно-практической действительностью. Это не прагматическое или натуральное бытие – это нечто среднее, которое Шпет характеризует, как «отрешенное бытие» [1]. При этом искусство не создает новой «действительной действительности»; оно уже творится в области отрешенного бытия [1].

В-третьих, в этом ключе предпримем попытку реконструкции, которая бы отвечала идеям современной философии сознания. Учитывая возрастающий интерес современной философской мысли к проблематике искусственного интеллекта (ИИ) в связи с пониманием специфики творчества в сфере искусства, наметим также ряд вопросов,

которые охватывают оба направления интеллектуальной деятельности – проблему искусства и ИИ.

Как меняется и меняется ли эстетическое сознание при участии ИИ? Что из себя представляет само понятие «эстетическое бытие ИИ»? Сопоставимо ли оно с «отрешенным бытием», о котором говорит Шпет?

Наконец, проанализируем некоторые конкретные вопросы взаимодействия музыки, как самого неуловимого для смысловой дефиниции вида искусства, с ИИ:

1) Конкурент или соавтор? Стоит ли опасаться безграничного множества музыкальных вариаций и комбинаций ограниченному в своих возможностях человеку?

2) Перспективы применения ИИ в музыке.

3) Чем ИИ может быть полезен в области музыкального творчества?

Список литературы

1. Шпет Г.Г. Искусство как вид знания / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.

Роль интуиции в прогностической деятельности и видении будущего:
к вопросу о связанности времени и сознания

Анастасия В. Маслова

кандидат философских наук, Москва, Россия

Аннотация. Доклад посвящен философскому анализу интуиции предвидения, которая является одной из свойств человеческого сознания. Благодаря интуиции возможно приоткрывать завесу будущего, которое еще не явлено, но почему-то может быть постижимо с помощью иррациональной способности предвидения. В данном докладе будет сделана попытка объяснить феномен предвидения без мистического налета, то есть с помощью прояснения природы времени, которое позволяет себя угадать в интуитивном акте считывания знаков будущего. Будут рассмотрены архаическое и квантово-механическое представления о времени, которые будут представлены в своем концептуальном единстве, как взаимодополняющие представления о целостности времени и вечности. Время в данном контексте представляет собой связанный с сознанием феномен, при этом имеющий онтологический статус. Интуиция в данном случае выступает медиумом между горизонтом событий и настоящим актом понимания «увиденного» в акте интуиции. Озарение будущим становится на границу иррационального пред-чувствия и рационального понимания, его интерпретации.

Ключевые слова: сознание, интуиция, время, предвидение, иррациональное, рациональное.

The role of intuition in the prognostic and foresight activities:
on the relationship of Time and Consciousness

Anastasiya V. Maslova

Cand. of Sci. (Philosophy), Moscow, Russia

Abstract. The paper is devoted to philosophical analysis of intuition of foresight it is one of the properties of human consciousness. Due to intuition we can reveal the veil of the future, which is not manifested one, but for some reason it may be understandable by the irrational ability of divination. In this paper we will attempt to explain the phenomenon of foresight without a mystical overlay, that is, by clarifying the nature of time, which allows itself to be guessed in the intuitive act of reading the signs of the future. Archaic and quantum-mechanical conceptions of time will be considered, and they will be presented in their conceptual unity as complementary conceptions of the integrity of time and eternity. Time, In this context is the phenomenon related to consciousness and have ontological status. Intuition, in this case, plays the role of medium between the event horizon and actual fact of awareness of the «seen» in the doing of intuition. Illumination of the future becomes on the border of irrational pre-feeling and rational understanding, its interpretation.

Keywords: consciousness, intuition, time, foresight, irrational, rational

Стремление заглянуть за пределы видимого, настоящего времени имеет долгую историю, начиная с архаического мифа и заканчивая современной футурологией. История практик предвидения начинается с формирования примет окружающей среды и появления архаических гадательных практик до формулирования концептуальных и апокалиптических образов современных футурологов. И архаического человека, и современного исследователя объединяет одно когнитивное свойство – интуиция в многообразии своего проявления, как на чувственном, так и на интеллектуальном уровнях. Данный доклад посвящен интуитивной способности, которой обладали Сивиллы и которыми отчасти обладают футурологи.

Интуиция рассматривается автором как неотъемлемая способность сознания, проявляющаяся в качестве исторического феномена предвидения, и как когнитивная способность пред-чувствовать, пред-видеть будущее. В связи с проблемой выяснения

механизмов работы интуиции предвидения возникает необходимость прояснения сущности времени. Проблема времени является одной из самых сложных в философии, которую по-разному решали в различные исторические периоды. Для раскрытия заявленной в докладе темы, мы коснемся нескольких концепций времени, которые помогут нам прояснить механизм интуиции предвидения. Это архаическое представление о времени, которое реконструируется из содержания космогонических мифов, где явлена идея цикличности времени, когда кванты реальности (прошлое, настоящее и будущее) не сменяют друг друга подобно классическому пониманию времени (стрела времени), но происходит вечное повторение уже свершенного. Идея вечного круговращения на самом деле дает ключ к пониманию работы интуиции предвидения, однако, для этого необходимо полностью отказаться от времени как независимой от сознания эссенции. Также коснемся квантового представления времени, которое, как мы увидим, резонирует с архаическим образом вечности. Таким образом, будет показано, что время не является чем-то независимым от сознания, но является его установкой при восприятии реальности.

Благодаря прояснению природы времени будет показано, что интуиция предвидения не является сверхъестественной способностью, но подобно тому, как М. Хайдеггер описывал экзистенциальный феномен просвета бытия, происходит просвет будущего посредством открытия его интуицией предвидения. Прояснив механизм работы интуиции приоткроется еще одна сторона человеческого сознания, связанная с временем как модусом бытия.

Осознание и осмысление: размышления неспециалиста

Лора Т. Рыскельдиева

доктор философских наук, член-кор. РАН
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
Симферополь, Россия

Аннотация. Сознание следует понимать не как предмет, а как фундаментальную проблему современной философии. Для Декарта сознание есть Cogito, персонализация субстанции в активности ума, представленной многообразием когитальных, осознаваемых актов. Для Канта, разрушившего субстанцию, cogito не есть вещь, а трансцендентальное условие образования понятий в процессе категориального синтеза. Возрождающаяся феноменология и философия сознания в 21 веке нацелены на изучение сознания, соответственно, в трансцендентально-теоретической и прагматически-натуралистической установках. Однако необходим учет еще одного вида деятельности ума – осмысление, эта деятельность рассматривается как противоположно направленная по отношению к осознанию. Это обстоятельство существенно меняет подход к программе «сильного» ИИ.

Ключевые слова: сознание, смысл, значение, Cogito, Я

Consciousness and sens: reflections of a non-specialist

Lora T. Ryskeldieva

Dr. of Sci. (Philosophy)
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Abstract. Consciousness should be understood not as an object, but as a fundamental problem of modern philosophy. For Descartes, consciousness is Cogito, the personalization of substance in the activity of the mind, represented by a variety of cogital acts. For Kant, who destroyed substance, cogito is not a thing, but a transcendental condition for the formation of concepts in the process of categorical synthesis. The resurgent phenomenology and philosophy of consciousness in the 21st century have a task to study consciousness, respectively, in the transcendental-theoretical and pragmatic-naturalistic settings. However, it is necessary to take into account one more type of mind-activity – in Russian “osmyslenie” (Smysl). There is no English equivalent to this term and this activity can be understood opposite to the activity of Cogito. This circumstance significantly changes the approach to the “strong” AI program.

Keywords: Cogito, Ego, consciousness, meaning, Descartes

Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного РФФИ 20-011-00622
«Философия как действие: прагматика текстового поведения»

Кто может квалифицированно рассуждать о сознании? Кто обязан знать, что это такое? Существуют ли в науке *специалисты по сознанию* - «сознаниеведы»? Если есть наука о сознании, то каков ее предмет? Это психология? Учитывает ли эта психология достижения психоанализа? Может быть, это феноменология, как её понимал Э. Гуссерль: «наука о сознании, но не психология»? У меня нет ответа на эти вопросы не потому, что я не специалист, а потому, что сознание – не предмет исследования и не предмет вообще, а проблема: фундаментальная *проблема сознания*. Поэтому и топология её не в науке, а в философии, точнее, в новоевропейской метафизике, ибо грекам эта проблема неведома – ни проблема, ни термин. Коль скоро это проблема современной философии, то нет причины, по которой я не могу высказать своих соображений.

Принято считать, что корни проблемы сознания картезианские, однако в текстах самого Декарта термин *conscientia* встречается на удивление редко, в среднем один-два раза в одном сочинении. Основной и ставший специфически картезианским термин –

знаменитое *cogito* и его производные, имеющие значения, связанные с «мыслить». А как эти значения, в свою очередь, связаны с *conscientia*?

Приведем характерный пример. "... *adeoque actus cogitativi, ut intelligere, velle, imaginari, sentire, omnes sub ratione communi cogitationis, sive perceptionis sive conscientiae conveniunt, atque substantiam, cui insunt, dicimus esse rem Cogitantem*" – пишет Декарт в «Размышлениях о первой философии. Возражение VII» [1, р. 112.] Здесь картезианское объединение главного в уме - *когитальных актов* интеллекта, воли, воображения и чувства (*intelligere, velle, imaginary, sentire*) в субстанциальном подчинении мышлению (*Res Cogitans*): «*будь то восприятие или сознание*». То есть, любой акт мышления может быть или пассивным восприятием или активным сознанием. Если возможны, по Лейбницу, «малые» или неосознанные восприятия, именно активность, действенность *сознания* переводит их из «малых» в «большие». Кто или что осуществляет такую деятельность?

Так поставленный вопрос разрушает контекст, созданный Декартом-ученым, который предается изучению своего внутреннего мира, данного ему в очевидности и непосредственности внутреннего опыта – опыта Я. Единство этого опыта не подлежит сомнению – Я мыслящий (*Cogito*) существую на самом деле, это фундаментальная *презумпция* картезианства и она состоит в том, что активная деятельность Я, доступная мне для изучения, и есть сознательная деятельность, деятельность сознания, то есть, *Cogito*.

Такому субстанциалистскому картезианскому оптимизму в отношении существования активного мыслящего Я нанес смертельный удар трансцендентализм И. Канта, в рамках которого *Cogito* перестало существовать и на самом деле, как вещь, и даже как явление. Если для Декарта Я - мост между мышлением и протяжением, когда «я мыслящий» и «я протяженный» есть единство, то со времен Канта *Cogito* стало трансцендентальным условием осуществления категориального синтеза, обеспечивающим переход от чувственности/созерцаний к рассудку/понятиям. *Cogito* как трансцендентальное единство апперцепций. Пост-кантовское *cogito* стало такой *добавкой* ко всему, что происходит в моем внутреннем мире, в уме (*in mente*), благодаря которой он един и целостен, а я – «в своем уме» и все, что я в нем обнаруживаю, гарантируется мне с очевидностью именно «моего» мира.

Э. Гуссерль в своей трансцендентальной феноменологии сделал удивительную и смелую попытку реконструкции декартовского *Cogito*, но в пост-кантовских условиях. В этом ему помогла экспансия новорожденной для 20 века науки психологии и необходимость противостоять этой экспансии на пути «выпаривания» чистых *Ego*-структур из серий актов сознания, получения сущностей из процессов и усмотрения вещей из действий. Феноменологическая реконструкция трансцендентального *Ego* оказалась увлекательной и плодотворной, но закончилась т.н. «поздним Гуссерлем», а надежды на её возрождение и возможность такой реконструкции вместе с трансцендентализмом как таковым оказались востребованными в наши дни.

В наше время особый стимул для исследования когитальных процессов дает новорожденная для 21 века наука – когнитивистика и проект создания «сильного» ИИ - компьютера, способного осуществлять все, что происходит в человеческом уме. Мыслить как человек значит иметь не только центр принятия решений, но и постановки проблем, не только выполнять команды, но и самообучаться, не только обрабатывать данные, но и осознавать их, мыслить «от первого лица». В этой связи вопрос о сознании в качестве искомой добавки к процессу обработки данных приобретает особую практическую актуальность, и на нее активно откликается аналитическая философия сознания, прекрасно понимающая трудности воспроизводства субъективности (т.н. феноменальное сознание), но, по сути, остающаяся, в целом, на позициях натурализма [2], современной формы того, что мы раньше называли материализмом. У нее большой проблемный потенциал, она делает много для поиска парадоксов, апорий и других трудностей при

переводе философской проблемы в научную задачу, всем известны многочисленные казусы в стиле «мозги в банке», «миллионы китайцев» и проч. Но сохраняет при этом начальную картезианскую установку и понимает сознание как существенную добавку или существенное усложнение программы до появления чего-то, чего еще не было – приобретет/появится и начнет осознавать.

Аналитический пессимист в области ИИ может спросить: как вообще возможна субъективность (мышление от первого лица), воспроизводимая объективно (мышление от третьего лица)? Но даже если допустить такое (на деле бесконечное) усложнение программы «сильного» ИИ, в которой все операции, а также все элементы, в них задействованные, каким-то образом получают искомую рекурсивность, то в создании машины, которая будет мыслить как человек, на мой взгляд, появится еще одно препятствие. Оно связано не только с действием осознания, но и с действием осмысления.

Когда мы употребляем термин «осознать»? После получения удивительной новости или неожиданной информации мы можем сказать: «Мне надо это осознать». Осознать здесь – сделать событие из внешнего мира имеющим место в моем внутреннем мире, а новость о нем (данные, информацию) освоить, сделать своей, «переварить». Это значит впустить в мир моих мыслей, сделать так, чтобы эту мысль думал Я, субъект. А что мы имеем в виду, когда говорим «осмыслить»? И можно ли элиминировать из человеческого ума действие осмысления? Связаны ли процессы/действия осознания и осмысления?

Русскому термину «осмысление» крайне сложно найти подходящий эквивалент в европейских языках. Похожая история с русским термином «нравственность», точное значение которого передается, похоже, только в немецком языке. Русское «осмысление» – не просто наделение значением, не только его соотнесение с культурой и ценностями и участие в коммуникации, не только целеполагание. «Мне надо это осмыслить» мы говорим в сложной ситуации, когда что-то не укладывается в картину мира, когда надо сделать экзистенциальный, а по-русски, смысложизненный, важный выбор, принять морально значимое, серьезное решение. Такое осмысление – соотнесение со смыслом как Целостностью, фундаментальным началом меня и мира, мышления и языка, со *Smysl'*ом. Если нет точного перевода этого русского термина на европейские языки, то понятно и отсутствие «осмысления», отличного от понимания, познания, осознания и проч. Это действие может не иметь *Ego*-эффекта, не быть «присвоением», увеличением количества *data*, а вполне иметь обратный эффект в виде *метаноии*, перемены мышления, осознания, например, того, что что-то, что Я считал моим, вовсе мне и не принадлежит.

Если осознание как определение *этого* в качестве *моего* можно назвать аналитической процедурой, то осмысление как соотнесение всего *моего* с *целостностью* – герменевтической. Если верить данным нейрокультурологии, то аналитический характер восприятия ситуации свойственен в большей степени европейцам, а холистическое восприятие – азиатам. Тогда трудности с отысканием в европейских языках термина, эквивалентного «осмыслению», понятны. Понятна и преграда на пути создания «сильного» ИИ, если весь проект ИИ фундирован в европейской аналитической установке.

Список литературы

1. *Descartes R.* Meditationes de prima philosophia. Amstelodami. 1670. Appendix.
URL:
<https://books.google.com/books?id=kuVuXpvNqLoC&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false>.
2. *Гаспаров И.Г., Левин С.М.* Современная аналитическая философия сознания // Epistemology and Philosophy of Science. 2015. 44 (2). P. 5-19.

Антиреалистическая установка в феноменологии и в аналитической философии

Вера А. Серкова

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматривается возможность понимать антиреализм в широком философском контексте. Включение в этот контекст феноменологии, как строго осуществленной антиреалистической установки, позволяет выявить не только непоследовательность некоторых антиреалистических концепций в аналитической традиции, но и прояснить причины отсутствия сколь-нибудь заинтересованного внимания между представителями аналитической философии и феноменологии.

Ключевые слова: антиреализм, феноменология, аналитическая философия, принцип феноменологических редукций

The anti-realist attitude in phenomenology and analytic philosophy

Vera A. Serkova

Dr. of Sci. (Philosophy), professor

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

St. Petersburg, Russia

Abstract. The article examines the possibility of understanding anti-realism in a broad philosophical context. The inclusion of phenomenology as a strictly implemented anti-realist attitude in this context allows us to reveal not only the inconsistency of some anti-realist conceptions in the analytic tradition, but also to clarify the reasons for the lack of any interested attention between representatives of analytic philosophy and phenomenology.

Keywords: antirealism, phenomenology, analytic philosophy, principle of phenomenological reductions

Фундаментальная проблема формирования философских высказываний о реальности лежит в основании любой философской и научной концепции. В концепциях антиреалистов оформилось скептическое направление, имеющее давнюю традицию, - от античных скептиков – до представителей аналитической философии.

Согласно исходной установке антиреалистов, реальность конституируется в процессе ее осмысления и теоретического конструирования. Если антиреализм понимать широко, то к нему можно причислить теории конструктивистов, плюралистов, релятивистов и, – феноменологов. При этом последние выражают антиреалистическую позицию наиболее последовательно и непротиворечиво.

Феноменологическая позиция основана на принципе феноменологических редукций, смысл которых заключается в запрете на высказывания о «реальности как таковой». В последовательной феноменологической теории различаются «реальное» (или объективное) положение дел в мире и «реальное» сознания, обозначая первое понятием “reale”, а второе – “reell”» [1, 17]. Иначе говоря, поскольку реальность имеет концептуальную, интеллигибельную природу, ее смысл изначально наделяется, так сказать, ноуменальным индексом. Сравнению в феноменологическом контексте подлежат не реальность как таковая – и – ее гносеологические варианты, а разные способы теоретических значений реальности, «фундаментальные фрагменты смыслов», которые Гуссерль определял понятием «ноэмы» [2, 284]. И если в качестве такого «фундаментального фрагмента» понимания реальности представить феноменологическую концепцию в целом, она выступает последовательной и бескомпромиссной позицией. Однако это непротиворечивое и последовательное учение о конституированной

посредством сознания реальности стоит особняком в ряду антиреалистических учений. На это есть причины. Феноменологи не оформляют свои теоретические позиции в символической (логической) форме. Это, на наш взгляд, является главным препятствием для продуктивного диалога с представителями антиреалистического направления в аналитической философии (эту проблему исследует В.Л. Васюков в монографии «Формальная феноменология [3]).

В аналитической философии антиреализм складывается как эпистемологически нагруженное представление о пределах научного понимания реальности, и, прежде всего, как формализованное, символическое непротиворечивое суждение. К. Гемпель, Р. Карнап, а также логики Ф. Рамсей, А. Тарский, - представили свои варианты логического антиреализма. М. Даммит [4] ввел в оборот термин «антиреализм», который обозначил широкий фланг скептического направления в аналитической философии. Основным проблемным ядром в этом направлении исследований становится так называемый «трудный вопрос сознания», сформулированный Д. Чалмерсом [5] и интерпретированный В. Васильевым [6]. Сложность и основная проблема в исследовании антиреалистического направления в философии состоит в том, что к антиреалистам зачастую приписывают не только тех, кто объявляет себя таковыми, но и тех, кто хотел бы оставаться реалистом, но чья позиция по ряду высказываний скорее характеризуется как антиреалистическая [7, 8]. Эту противоречивую ситуацию прокомментировал Д. Чалмерс в статье «Онтологический антиреализм» в коллективной монографии «Метаметафизика» [9].

Список литературы

1. Серкова В.А. Феноменология культуры: Тексты лекций. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2010.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: ДИК, 1999.
3. Васюков В.Л. Формальная феноменология. М.: Юрайт, 2018.
4. Dummett M. Truth and Other Enigmas. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1978.
5. Chalmers D.J. Moving Forward on the Problem of Consciousness // Journal of Consciousness Studies. Imprint Academic, 1997. Vol. 4. № 1. P. 3–46.
6. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009.
7. Ефимов И.П., Ладов В.А. Концепция нейтрального монизма в контексте дискуссии реализма и антиреализма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 30–37.
8. Pils R. Quine's Scientific Realism Revisited // Theoria. 2020. Vol. 86. Pp. 612–642.
9. Chalmers D. Ontological Anti-Realism // Metametaphysics New Essays on the Foundations of Ontology / Ed. by D. Chalmers, D. Manley, and R. Wasserman. New York: Oxford University Press, 2007. P. 77–129.

Актуальность ключевых понятий философской системы М. Фуко

Диана.В. Сивакова

кандидат философских наук

Российский университет дружбы народов,

Научная лаборатория

«Центр исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама»»

(Москва, Россия)

Аннотация. В докладе внимание сосредоточено на одних из центральных в творчестве французского философа Мишеля Фуко понятиях, таких как «археология знания» и «дискурс». Предпринимается попытка осмысления актуальности этих понятий на сегодняшний день, в условиях изменившегося интеллектуального контекста, и их потенциала для изучения сознания и культуры в эпоху цифровых технологий.

Ключевые слова: М. Фуко, археология знания, дискурс.

The relevance of the key concepts of M. Foucault's philosophical system

Sivakova D.V.

Cand. of Sci. (Philosophy),

Peoples' Friendship University of Russia,

Scientific Laboratory

“Center of the Studies of Philosophy and Culture of India “Purushottama””

(Moscow, Russia)

Annotation. The report focuses on some of the central concepts in the work of the French philosopher Michel Foucault, such as "the archaeology of knowledge" and "discourse". An attempt is made to comprehend the relevance of these concepts today, in the changed intellectual context, and their potential for studying consciousness and culture in the digital age.

Keywords: M. Foucault, archaeology of knowledge, discourse.

Французский философ Мишель Фуко (1926–1984), вдохновивший немало философов и в целом интеллектуалов во второй половине XX века, разработал философскую систему, ключевыми понятиями которой являются «археология знания» и «дискурс». Эти понятия дали импульс многим исследованиям, посвящённым сознанию человека и культуре.

Археологию знания как разработанный им метод Фуко наиболее полно представил в своей одноимённой книге, вышедшей в свет в 1969 году [1]. В этой работе он в некотором роде резюмирует результаты своих исследований, посвящённых истории безумия, клинике, а также проблеме знания. Фуко приходит к выводу, что отдельно взятый субъект не способен к познанию, достижение абсолютной точки зрения для него невозможно. В противовес «чистому разуму» классической философии французский мыслитель предпринимает попытку создания полностью неклассической концепции знания. В ней, следовательно, субъекту познания отводится намного более скромная роль, хотя его значимость не нивелируется полностью. В тесной связи с археологией знания в философии Фуко находится понятие «дискурс» как все вербальные проявления культуры в целом или в определённые эпохи. Интересно отметить, что в другой работе [2] Фуко пишет о своём методе следующее: «У меня не было метода, который я одинаковым образом прилагал бы к разным областям. Напротив, я бы сказал, что как раз само поле предметов, саму предметную область я и пытаюсь вычленить, используя инструменты, которые я нахожу или изобретаю тогда, когда провожу свое исследование» [2, с. 285].

Подчеркнём, что исследователи философского наследия Фуко относят работу «Археология знания» к раннему периоду творчества мыслителя, для которого характерно следующее: уделяя основное внимание проблеме соотношения безумия и рациональности, а также совокупности философских, социальных и политических предпосылок их

определений, Фуко рассматривает их сквозь призму дискурса, поскольку опирается в своём исследовании на языковой анализ.

Для Фуко в контексте археологии ключевую роль играет письменный дискурс. Философ подчеркивает, что при изучении текстов необходимо рассматривать их как памятники, в которых запечатлены практики производства знаний. В прошлом археология при изучении памятников древности обращалась к истории в поисках теоретизации и обоснования результатов своих практических исследований с опорой на исторический дискурс, однако сегодня история как дисциплина все более обращена к археологии.

С момента написания работ Мишеля Фуко произошли значительные изменения во всех сферах жизни человека и общества, и безусловно, претерпели трансформацию также философский и социокультурный ландшафты. Тем не менее, творчество Фуко не теряет своей актуальности, его работы по-прежнему внимательно изучаются и дают вдохновения новым поколениям исследователей. Одной из причин интереса можно считать темы, которые раскрывает мыслитель на страницах своих книг, и сферы человеческой жизни, которым он посвятил их. Прежде академическая философия обходила стороной такие темы как, например, безумие, клиника, тюрьма, можно даже сказать, что они были табуированы. Фуко обратил на эти темы своё пристальное философское внимание. Также не в последнюю очередь интерес исследователей и читателей к творчеству Фуко обусловлен неклассическим, недогматическим стилем, в котором мыслитель вёл свои рассуждения. Вместе с тем, творчество Фуко не теряет своей актуальности благодаря тому, что введённые философом понятия, среди которых «археология знания» и «дискурс», по-прежнему обладают потенциалом для продолжения и развития исследований в области философии и других гуманитарных дисциплин, а также на их стыке.

Список литературы

1. Фуко М. Археология знания. СПб.: Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2020.
2. Фуко М. Власть и знание // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002.

Религиозное сознание в условиях меняющегося мира

Тихон В. Спирин

*аспирант, Волгоградский государственный университет,
Волгоград, Россия*

Аннотация. В докладе будет рассмотрен статус религиозного сознания в условиях меняющегося мира. Представлены различные антропологические подходы к осмыслению религиозного сознания: homo religiousus (М. Элиаде) и homo liturgus (П.А. Флоренский и С.Н. Булгаков). Раскрыты трудности определения религиозного сознания. Указаны противодействующие религиозному сознанию эмансипационные практики (К. Маркс, Ф. Ницше, З. Фрейд) и атеистический способ философствования М. Хайдеггера. Представлена схема работы религиозного сознания в условиях меняющегося мира.

Ключевые слова: религиозное сознание, религиозное мышление, homo religiousus, homo liturgus, эмансипация, меняющийся мир, религия

Religious consciousness in the conditions of the changing world

Tikhon V. Spirin

*postgraduate student, Volgograd State University
Volgograd, Russia*

Abstract. The report will examine the status of religious consciousness in a changing world. Various anthropological approaches to the understanding of religious consciousness are presented: homo religiousus (M. Eliade) and homo liturgus (P.A. Florensky and S.N. Bulgakov). Emancipatory practices opposed to religious consciousness (K. Marx, F. Nietzsche, Z. Freud) and M. Heidegger's atheistic way of philosophizing are indicated. The scheme of work of religious consciousness in the conditions of the changing world is presented.

Keywords: religious consciousness, religious thinking, homo religiousus, homo liturgus, emancipation, changing world, religion

Проблема религиозного сознания является частью широкого круга проблема, относящихся к области философской антропологии. В современном меняющемся мире живет огромное количество религиозных людей, в чьем сознании происходят процессы, своеобразно отвечающие на вызовы со стороны социума.

В докладе будут рассмотрены несколько антропологических моделей религиозного человека и высвечена проблематика религиозного сознания.

Первая модель религиозного сознания – homo religiousus. Данную модель предложил Мирча Элиаде. Особенность homo religiousus заключается в космической жизни, т.е. такой жизни, в которой человек мыслит себя существом многоуровневым, он «работает» одновременно с двумя возможными режимами бытия: священным и профанным. Человек, живущий в таком модусе, отличается от современного, но, что примечательно, современный человек – это наследник homo religiousus, если это так, то открывается широкий пласт возможностей осмысления современной жизни человека и тех процессов в его сознании, которые находятся в модусе разрывов секулярного.

Вторая модель религиозного сознания создана в отечественной философии. Речь идет о концепции homo liturgus: человек, который участвует в литургии, приходит к целостности. Сточки зрения П.А. Флоренского, именно в литургии целостно выражается природа человека. П.А. Флоренский считает, что культ и культура неразрывно и строго связаны, культура формируется благодаря культу, более того, культ находится в центре культуры, которая принципиально, с точки зрения русского философа, не может до конца секуляризоваться, иначе она исчезнет. Тексты С.Н. Булгакова помогают понять, в каком смысле литургия – является центром человеческого бытия и как от культовой (читай: религиозной) жизни не может до конца оторваться человек. Сергей Булгаков в своей небольшой работе «Маркс как религиозный тип» дает следующее определение слову религия в широком смысле: «те высшие и последние ценности, которые признает

человек над собою и выше себя, и то практическое отношение, в которое он становится к этим ценностям». В этом определении С.Н. Булгаков ухватывает два основных и обязательных элемента любой религии, относящиеся к аксиологической и праксиологической областям знания: высшие (и последние) ценности и практическое к ним отношение. Очевидно, что второе подчинено первому. В этой связи появляется проблематика современного человека, который старается поменять содержание в уже заложенной религиозной структуре его сознания.

Противоположный подход, это подход *философов подозрения* (К. Маркс, Ф. Ницше, З. Фрейд) и подход М. Хайдеггера. Философия у *философов подозрения* предстает как возможность освободиться от довлеющей религиозной структуры сознания, человек вовлекается в эмансипационные практики, которые помогают ему выстраивать свою жизнь как-то по-новому – секулярно. М. Хайдеггер не считает религию тем, от чего нужно избавляться, но в философской практике необходима особая атеистичность, т.е. вынесение религиозных моментов за скобки.

В докладе будут показаны сильные и слабые стороны описанных выше концепций. Далее будут даны ответы на следующие вопросы: какое сознание у современного человека? Какова структура религиозного сознания? Каким образом религиозное сознание действует в меняющемся мире? Как религиозные и атеистические эмансипационные практики помогают человеку?

Реалистическая установка и трансцендентальное сознание в феноменологии Э. Гуссерля

Анна А. Шиян

кандидат философских наук,
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

Аннотация. В данном тексте феноменология Гуссерля рассматривается как гносеологический проект, направленный на познание реального мира. При этом, автор особое внимание уделяет роли сознания в процессе познания, которая заключается в обосновании знания и в удостоверении истины. Исходя из этого, конкретизируется значение основных понятий феноменологии Гуссерля: эпохэ, редукция, конституирование, смысл.

Ключевые слова: феноменология, познание, истина, сознание, реальность, Гуссерль.

Realistic attitude and transcendental consciousness in E. Husserl's phenomenology

Anna A. Shiyan

Cand. of Sci. (Philosophy),
Russian State University for the Humanity, Moscow, Russia

Abstract. In this text, Husserl's phenomenology is considered as an epistemological project aimed at cognition of the real world. At the same time, the author pays special attention to the role of consciousness in the process of cognition, which consists in substantiating knowledge and in verifying the truth. Based on this, the meaning of the basic concepts of Husserl's phenomenology is concretized: epoché and reduction, constitution, meaning.

Keywords: phenomenology, cognition, truth, consciousness, reality, Husserl

Как известно, существует множество интерпретаций, подчас взаимоисключающих, феноменологии Гуссерля. Все они в той или иной степени основываются на работах самого основателя феноменологии, ставя акценты на одних моментах и закрывая глаза на других. В данном выступлении представлено реалистическое (в современном смысле этого термина) понимание философии Гуссерля. Реалистической я называю установку Гуссерля, в соответствие с которой он признает существование независимого от сознания пространственно-материального мира, который в той или иной степени доступен нашему познанию.

Это понимание философии Гуссерля конфронтирует с другой, весьма распространённой, особенно в современной аналитической традиции, идеалистической интерпретацией феноменологии, согласно которой главный интерес феноменологии составляют сознание и конституируемые им смыслы, при этом реальный мир полностью выносится за скобки.

При рассмотрении феноменологии Гуссерля как теории познания внешнего мира я обращусь также к основаниям антиреалистической интерпретации его философии.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на то, что феноменология Гуссерля является не только философией сознания. Проблема познания окружающего мира также занимает в творчестве первого феноменолога довольно большое место. В первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» Гуссерль определяет трансцендентальную феноменологию как науку о сущностных феноменах сознания [1, 20–21], но это определение не носит абсолютный характер. В этой же работе первый и четвертый разделы посвящены проблематике познания действительности, которую

Гуссерль относит к сфере феноменологической философии в широком смысле. Уже в «Амстердамских докладах» [2, 324] Гуссерль переосмысливает сферу трансцендентальной феноменологии, относя к ней проблематику мира и наук о мире. Среди текстов Гуссерля, посвященных познанию реального мира, также хотелось бы отметить вторую книгу «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» [3], лекционный курс «Идея феноменологии» [4] и «Лекции по логике и теории познания» [4]. В них Гуссерль утверждает и обосновывает в явном виде тезис, что, несмотря на трансцендентность пространственно-материальной реальности сознанию, возможно адекватное и истинное познание предметов окружающего мира.

Причем в отношении пространственно-материальной реальности у Гуссерля речь идет об обоснованиях как повседневного, так и научного познания. Особенно показательна в данном отношении последняя крупная работа Гуссерля «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» [5]. В ней Гуссерль высказывает упреки современному ему естествознанию, но не подвергает сомнению, что наука познает «саму реальность». Эта мысль вполне согласуется с тезисом Гуссерля, высказанным в первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии», что наука исследует окружающий нас реальный мир, а не создает новую «подлинную» реальность [1, 82]. Задачей всех научных конструкций, математизации и идеализаций является объяснение реальности, которая нас окружает, и которая дана в повседневном опыте.

Именно «доверием» к повседневному опыту объясняется особое внимание Гуссерля к восприятию. Восприятие для Гуссерля является познавательным актом, и именно в восприятии существует потенциальная возможность познать пространственно-материальные вещи такими, какими они существуют в реальности. К восприятию Гуссерль обращается на протяжении всего своего творчества. Уже в своей первой феноменологической работе, а именно, в Шестом Логическом исследовании, он предлагает критерии истинности, или очевидности, данности предмета [7, 653–653]. В дальнейших исследованиях Гуссерль для удостоверения в существовании материальных вещей (с их свойствами) использует критерий «совпадения данного и подразумеваемого», а для достижения истины в отношении данностей переживаний сознания – «ясность и отчетливость». Таким образом, мы можем сказать, что вещь со всеми ее свойствами, данная в восприятии, является реальной вещью (а не нашей фантазией, фантомом и пр.), если все наши представления о ней (подразумеваемое содержание) совпадают с актуально воспринимаемой вещью (данным содержанием). Для того чтобы это утверждать, мы должны переключить внимание на исследование сознания, то есть на исследование самого акта восприятия, или, как позже скажет Гуссерль, мы должны перейти в феноменологическую установку. Окончательная очевидность не достижима в реальном опыте восприятия (в отличие от достижения очевидности в отношении переживаний сознания), в вещи всегда остается нечто неизвестное и неподтвержденное, но важна сама принципиальная возможность постижения «саих вещей».

Важно отметить, что было бы некорректно сказать, что реальность для Гуссерля представляет собой совокупность пространственно-материальных вещей с их свойствами. Гуссерль не отрицает, что в мире существуют отношения, процессы, причинно-следственные связи и т.п. Однако у феноменологии есть средства для удостоверения в существовании только материальных вещей. Пояснение этой мысли можно найти, например, у М. Шелера, который считал, что реальность – это то, что оказывает сопротивление. Мы можем не замечать или полностью игнорировать отношения, невидимые причинно-следственные связи, но пройти сквозь вещь мы не можем, мы на нее просто наткнемся.

Во второй книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» Гуссерль делит реальность на три региона: регион материальных вещей, живых организмов и социальных личностей. Опираясь на современные ему науки, Гуссерль выделяет основные категории и сущностные свойства каждого из регионов, формулируя

их в виде сущностных суждений. Сущностные свойства имеют априорный характер, являются общими и определяющими для данного региона, то есть под них попадают все вещи региона. Однако, поскольку мы как феноменологи не можем быть уверены в их истинности, то Гуссерль обосновывает и корректирует их в ходе рефлексии над обыденным опытом обращения с вещами. Например, для удостоверения соотношения массы и объема вещей Гуссерль обращается к анализу опыта обращения с вещами, доступного каждому: согнуть железку, разбить стакан и т.п. Иначе Гуссерль занимается обоснованием естественнонаучного познания в поздний период творчества. В «Кризисе европейских наук и трансцендентальной феноменологии» для удостоверения формул, математически выраженных закономерностей Гуссерль считает, что необходимо обратиться к опыту жизненного мира, из которого они были получены. Это может дать нам понимание научных результатов и их роли в объяснении окружающего реального мира, однако, свое последнее обоснование научное знание может получить только в том случае, если удастся обосновать то, что вещи, о которых идет речь, существуют реально. А для этого, опять-таки, надо обратиться к рефлексии над опытом восприятия.

Исходя из особого внимания Гуссерля к обоснованию и подтверждению нашего знания, можно термин «конституирование» – один из самых многозначных терминов гуссерлевской феноменологии – переводить как «удостоверение» или «подтверждение». Именно так предлагает понимать его Э. Тугендхат в своей работе «Проблема истины у Гуссерля и Хайдеггера» [8, 212–227]. Конечно, не все случаи использования этого термина охватываются таким пониманием, но это уже специфика неоднозначности и непроясненности гуссерлевской терминологии, на которую обращали внимание многие исследователи. Не случайно его ученик Ойген Финк писал в этой связи об «оперативных понятиях» [9], которые Гуссерль постоянно использует, не проясняя их до конца.

К оперативным понятиям философии Гуссерля Финк также относит понятия редукции и эпохэ. В первой книге «Идей к чистой феноменологии» они вводятся для исследования чистого сознания и означают исключение любых суждений о мире и науках о мире. Именно этот момент дает основания для обвинений Гуссерля в идеализме и игнорировании реального мира. Однако, как я уже обращала внимание, исследование сознания не является единственной целью феноменологии. Соответственно, задачи у редукции и эпохэ тоже могут быть различны, да и сами редукция и эпохэ в ходе различных исследований понимаются по-разному. В лекциях «Идея феноменологии» редукция вводится для решения основной проблемы познания, а в «Кризисе европейских наук и трансцендентальной феноменологии» – для прояснения и обоснования нашего научного знания о мире. Мне представляется, что одной из важнейших функций эпохэ и редукции, которая в той или иной степени задействована во всех их применениях, является работа с предпосылками [10]. По сути, это означает, что феноменолог работает не только в феноменологической установке. Более того, при познании реального мира в феноменологической установке он удостоверяет и обосновывает результаты, полученные в естественных повседневной и в научной установках.

То, что мы в естественной установке воспринимаем вещи уже осмысленно как такие-то и такие-то, означает, что они нам уже даны как смыслы. В феноменологической установке эти смыслы (или вещи) подтверждаются и конкретизируются, а не усматриваются, хотя такая интерпретация тоже существует. А сам концепт «смысл», который Гуссерль вводит, например, в первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии», является чисто техническим термином, обозначающим предмет, взятый в феноменологической установке, то есть с точки зрения своей данности сознанию. И одной из характеристик ноэмы, в состав которой входит смысл, является тетиическая характеристика, определяющая характер бытия предмета ноэмы: действительно существующий, существующий в фантазии, сомнительный и т.п. Это означает, что нам, как феноменологам, не безразличен статус существования исследуемого внешнего предмета, тип существования предмета является важной

характеристикой, определяющей его свойства. Более того, от этой характеристики зависит способ данности предмета в сознании: фантазийный образ, например, дан иначе, чем материальная вещь. В этом случае процедура эпохэ характеризует установку самого исследователя, в которой он отрешается от своего личного интереса в отношении предмета, оставляя в качестве своей единственной цели – познание предмета.

Подводя итоги взаимоотношения сознания и реальности в гуссерлевской феноменологии, можно сказать, что основная гносеологическая роль сознания в познании мира состоит в удостоверении и обосновании знаний о мире, осуществляемых в ходе определения истинности познания и обоснования сущностных закономерностей регионов. Кроме того, сам выбор, к какому региону относить тот или иной материальной предмет (человека, например, можно исследовать и как материальное тело, и как живое существо, и как социальную личность), определяется установкой сознания. Все вышесказанное конкретизирует один из основных тезисов Гуссерля, что сознание в гносеологическом смысле является изначальным регионом бытия.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга 1. М.: Академический проект, 2009.
2. Гуссерль Э. Амстердамские доклады // Гуссерль Э. Избранное. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005.
3. Husserl E. Ideen zur einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweites Buch: Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution // Husserliana IV. Herausgegeben von Marly Biemel. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1952.
4. Гуссерль Э. Идея феноменологии. СПб.: Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2018.
5. Husserl E. Einleitung in die Logik und Erkenntnistheorie. Vorlesungen 1906/07 // Husserliana XXIV. Herausgegeben von Ullrich Melle. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1985.
6. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Фонд университет; «Владимир Даль», 2004.
7. Husserl E. Logische Untersuchungen. Zweiter Band. II Teil. Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis // Husserliana XIX/2. Herausgegeben von Ursula Panzer. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1984.
8. Tugendhat E. Der Wahrheitsbegriff bei Husserl und Heidegger. Berlin: De Gruyter, 1970.
9. Финк О. «Оперативные понятия в феноменологии Гуссерля» // Ежегодник по феноменологической философии. М.: РГГУ, 2008. С. 361–381.
10. Шиян А.А. Онтологические и методологические принципы феноменологического подхода Эдмунда Гуссерля // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. I. № 3. С. 63–79. URL: <http://philosophy.hse.ru/issue/view/621>(дата обращения 29.06.2022).

Философия сознания: истоки и концептуальные основания

Елена Н. Шульга

доктор философских наук,

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация. Обоснование совокупности положений, которые можно было бы квалифицировать как концептуальные основы философии сознания, выдвижение хорошо аргументированной гипотезы или согласование точек зрения – все это предполагает использование такого методологического аппарата, который наиболее адекватен специфике рассматриваемого объекта. Выдвижение оснований философии сознания связано с использованием определенных методологических принципов, которые содержат некоторые универсальные предписания относительно условий выдвижения современной научной теории и при этом учитывают особенности организации научного знания в сфере проблемы сознания. Сознание – традиционный объект философского рассмотрения, исторически первичный по отношению к появлению комплекса проблем сознания, обсуждаемых в рамках той или иной науки (биологии, психологии, педагогики, социологии и др.). Учитывая эту особенность формирования проблемы сознания – ее многоаспектный характер, будем использовать наиболее эффективные философские методы и принципы анализа (устоявшиеся, проверенные в поиске оснований научных теорий) и используем их в отношении формулирования концептуальных оснований философии сознания.

Ключевые слова: сознание, философские основания, методология, история

Philosophy of mind: Origins and conceptual foundations

Elena N. Shul'ga

Dr. of Sci. (Philosophy)

*Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy
Moscow, Russia*

Abstract. The substantiation of a totality of postulates that could be qualified as the conceptual foundations of the philosophy of mind, the advancement of a well-argued hypothesis or the coordination of points of view – all this involves the use of such a methodological apparatus that is most adequate to the specifics of the object under consideration. Putting forward the foundations of the philosophy of mind is associated with the implementation of certain methodological principles that contain some universal prescriptions regarding the conditions for putting forward a modern scientific theory and at the same time take into account the peculiarities of the organization of scientific knowledge in the sphere of the problem of mind. Mind is a traditional object of philosophical consideration, historically primary in relation to the emergence of a complex of problems of consciousness discussed within the framework of a particular science (biology, psychology, pedagogy, sociology, etc.). Given this feature of the formation of the problem of mind – its multifaceted nature, we will use the most effective philosophical methods and principles of analysis (established, tested in search of the foundations of scientific theories) and use them in case of the formulation of conceptual foundations of the philosophy of mind.

Keywords: mind, philosophical foundations, methodology, history

Проблематика сознания представляет интерес как для представителей естественных наук, так и для философов в силу фундаментальности самого объекта, а также в силу многообразия уже сложившихся подходов и новых, формирующихся концепций сознания. В этих условиях актуальность приобретает задача методологического характера, связанная с выбором хорошо обоснованной концепции (теории) сознания. Признавая явно междисциплинарный характер проблематики сознания, нельзя не согласиться с тем, что согласование усилий философов науки и эпистемологов может быть продуктивным, по крайней мере, по нескольким параметрам. Так, философы науки, обозначая границы участия различных научных дисциплин в познании феномена сознания, фокусируют внимание на содержательной стороне любых концептуальных построений.

В качестве идеализированного объекта научной теории сознание рассматривается исключительно как согласующийся с многообразием фактов эмпирического характера. При этом дисциплины и научные направления, изучающие различные когнитивные проявления человеческого мышления и сознания, факторы его функционирования, выдвигают собственные, сугубо дисциплинарные подходы, которые тем не менее нуждаются в адекватной философской интерпретации. Так, оценивая знания о сознании, современные эпистемологи настаивают на том, что поиск методологических оснований философии сознания связан с поиском новых подходов, адекватных не столько природе объекта как сложноорганизованной целостности, сколько тем философским установкам, которые представляются наиболее эффективными в понимании организации знания вокруг данного объекта. Этот аспект формирования философии сознания (проблематики сознания) как раз и относится к той сфере, которую современные исследователи стали именовать «трудные вопросы сознания».

Для уточнения участия эпистемологии в преодолении трудностей постижения знания о сознании, обратимся к имеющимся результатам общеметодологического характера, связанным с теорией рациональности.

Современная эпистемология, описывая условия рациональности, выдвигает достаточно аргументированные положения, отвечающие критерию рациональной деятельности в науке и эти критерии, как будет показано дальше, могут быть использованы в выдвижении и обосновании концептуальных основ философии сознания. Совокупность предлагаемых критериев можно сгруппировать в определенную последовательность исследовательских шагов, которая представляется универсальной, применимой в различных областях научного и/или философского знания, и которую можно использовать непосредственно к организации знания в области проблематики сознания.

Критерии рационального научного поиска – это, во-первых, упорядоченность знания в данной области исследований, целостность которого обеспечивается согласованностью знания в оценке специфики объекта. На этом этапе исследования происходит согласование понятий, уточнение и упорядоченность отдельных аргументов, нацеленных на выдвижение концептуальных положений философии сознания. Во-вторых, поэтапность в решении проблемы, что предполагает движение познания от выдвижения простых задач к более сложным вопросам или аспектам проблемы.

Концептуальное обоснование ориентируется на эмпирическое подтверждение знания (или предполагает рассмотрение так называемой истории вопроса, что характерно для философского и социально-гуманитарного познания). Особенность организации знания здесь такова, что исследователи все реже заявляют о цели формулирования широкой теории, опирающейся на эмпирические данные, и все чаще говорят об «исследовательской программе», что как раз и позволяет осуществлять поиск теоретических оснований философии сознания в границах указанной программы. Если же допустить, что исследовательская программа представляет собой хороший способ определения границы исследования, помогает уточнить его конкретные аспекты, то следует признать, что уяснение границ познания самого феномена сознания – это важнейшая эпистемологическая установка для тех, кто выдвигает собственную концепцию. Во всех случаях анализ должен быть всесторонним, и он нацелен на проникновение в сущностные характеристики сознания.

Итак, выдвижение философской концепции сознания (философской теории сознания) должно отвечать, по крайней мере, трем методологическим требованиям:

- (1) концепция (или теория) должна обладать прерогативой непротиворечивости,
- (2) содержать определенный философский смысл и при этом
- (3) она должна быть открытой для критики. Следует особо подчеркнуть важность именно этого методологического требования в последовательности шагов построения теории и ее перспектив, связанных с «критикой». Дело в том, что «открытость для

критики» соответствует открытости знания, но не только в смысле «открытого» доступа к знанию всех, кто в нем заинтересован, но в направленности процесса познания к новому знанию, к получению новых результатов или уточнению каких-то иных аспектов знания о сознании, которые еще не были до конца прояснены. Поэтому «открытость к критике» не должна смущать исследователей. Напротив, ученый (философ-исследователь) должен ясно осознавать, что этот принцип творчества в науке отвечает основной тенденции развития знания в его движении «от проблемы к проблеме».

Следует подчеркнуть, что в описании сознания обычно используют такие понятия, как феноменальность, интенциональность, самоактивность, саморефлексивность, рассматривают сознание в связи с моралью, выражением творческой интенции, проявлением целеустремленности, ответственности или свободы воли и т.д. Все это дает исследователям огромный материал для выдвижения собственных концепций сознания на основе сопоставления различных аспектов исследования или в зависимости от той категории, которая рассматривается в качестве центральной в таком сопоставлении.

Обращаясь к истокам наших представлений о том, как формировалось знание: философское, преднаучное, конкретно-научное, следует напомнить, что классическая европейская традиция, восходящая к античности, была нацелена на выявление единых начал и сверхчувственных принципов бытия, обнаруживая их как на уровне макрокосма (природы как универсум), так и на уровне микрокосма (универсумы познания человеческой сущности). Для древнегреческих мыслителей таким единым «началом» являлся *логос* (слово, закон, сущность всех вещей). Философы всегда признавали ценность человеческого разума и его способность познавать и выражать в слове (в понятии) сущность вещей. Познавательные усилия человека греки определяли степень приобщенности его к пониманию смысла этого единого организующего принципа, причем степень «приобщенности», т.е. способностью постигать основные начала миропорядка определялась ценность самого знания о нем. Философский взгляд на мир способствовал расширению сферы умопостигаемого. Если первые опыты философского осмысления человеческого мышления и познания были связаны с признанием дуальности души и тела, физического и психического, чувства и разума, то появление представлений о сверхчувственном опыте развивается вместе с разделением мира на умопостигаемое, и то, что зримо.

Следующий концептуальный поворот в философии сознания, в познании специфики сверхчувственных проявлений разума связан с распространением христианства. Согласно христианскому миропониманию и философии христианства, любые выражения человеческой мысли, в особенности, наиболее яркие проявления разума и сознания рассматриваются как проявления искры божественного разума. Признается спонтанность душевных выражений человека (его страстей) и активность его интеллектуальных устремлений, проявляющаяся как в самопознании, так и в опыте самоуглубленных размышлений (о самом себе, о Боге, о способах общения с высшим разумом и т.п.).

Одна из самых интересных и радикальных концепций сознания реконструируется на основе теории познания, развиваемой Декартом (сознание – это субстанция особого рода) и затем Лейбницем (монады – это неделимые первоэлементы бытия). Лейбниц вводит в научный оборот понятие апперцепции как акта перехода бессознательных психических переживаний и восприятий в четко осознаваемые представления, которые исходят от самого человека, принадлежат его сознанию. Тем самым впервые внутренние субъективные состояния человека становятся объектом научного и философского исследования. В дальнейшем, вместе с развитием философского знания и появлением хорошо обоснованных концепций сознания, развитие медицины и распространение физиологических учений о сознании как об особой функции мозга породило множественность принципиально новых взглядов на феномен сознания. Это нашло отражение и в появлении концептуальных точек зрения на специфику формирования

самопознания и воли, высших психических потребностей и ценностей и т.д. Общий, объединяющий смысл этих концепций можно характеризовать посредством утверждения, что благодаря деятельности мозга человек получает способность мыслить и получать знания о самом себе. Таким образом *мыслить о самом себе* есть результат деятельности сознания, и такова его дефиниция. Современные исследователи сознания не ограничиваются его дефиницией, но рассматривают феномены сознания, учитывают факт зависимости между конкретным состоянием сознания и всей когнитивной системы человека.

НАУКА. ЦИФРА. ВЛАСТЬ

Цифровизация как глобальный мегатренд

Алексей Н. Данилов

кандидат технических наук, доцент

*Московский технический университет связи и информатики
Москва, Россия*

Надежда Н. Данилова

кандидат филологических наук, доцент

*Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия*

Аннотация. В докладе рассматриваются актуальные вопросы цифровизации, оказывающие влияние на процессы мирового развития, отмечаются как положительные тенденции при внедрении цифровых инноваций в различные сферы функционирования общества, так и риски и противоречия при реализации программ, связанных с современными вызовами

Ключевые слова: глобальный мегатренд, цифровизация, цифровые инновации, противоречия, современные вызовы

Digitalization as a megatrend

Aleksei N. Danilov

Cand. of Sci. (Engineering), associate professor

*Moscow Technical University of Communications and Informatics
Moscow, Russia*

Nadezhda N. Danilova

Cand. of Sci. (Philology), associate professor

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract. The report looks at the key challenges of digital transformation, noting both positive trends in the integration of digital technology into different areas of society, and the risks and contradictions of digital innovation programs.

Keywords: global megatrend, digital innovation, digital transformation, global challenges

Наблюдаемые в настоящее время процессы ставят в актуальную повестку дня на ближайшую перспективу мирового развития три основных мегатренда, к которым относятся цифровая трансформация (цифровизация), автоматизация, иммунология.

Неслучайно, что первое место в этой триаде отводится цифровой трансформации. Предполагается, что именно с помощью цифровизации можно более эффективно решать задачи при автоматизации, а также в иммунологии.

В современном понимании цифровизация – это переход к новым процессам, моделям и подходам, основанным на информационных технологиях.

Данный процесс всё больше приобретает характер глобального мегатренда, который затрагивает практически все сферы экономики – от промышленного производства, добывающей промышленности, сельского хозяйства, сферы обслуживания в различных областях человеческого бытия до так называемой индустрии развлечения, пронизывает все уровни жизни социума, включая уровень человеческой культуры в целом.

В Российской Федерации предусматривается возможность в течение некоторого периода провести регулирование по восьми направлениям разработки и апробацию цифровых инноваций, а именно:

- медицина и фармацевтика;
- транспорт, в том числе беспилотный;
- электронное обучение и дистанционные образовательные технологии;
- финансовый рынок;
- дистанционная торговля;
- строительство;
- государственные и муниципальные услуги, государственный контроль;
- промышленность.

Достаточно привести лишь один пример по первому из названных направлений, чтобы убедиться в положительности результатов проводимых мероприятий в области цифровых трансформаций как раз на глобальном уровне.

Так, новая технология – специальное устройство – способно помочь хирургам провести быстро и к тому же дистанционно лечение и реабилитацию пациентов, перенесших инсульт, что обеспечивает доступность лечения в критический период болезни.

Надо, однако, отметить, что процессы цифровизации несут в себе и определенные проблемы, выражающиеся в негативных проявлениях и имеющих негативные последствия.

Например, новые технологии провоцируют малоподвижный образ жизни с вытекающими отсюда последствиями для физиологии человека.

В условиях ускоряющегося мира люди вынуждены выполнять несколько действий параллельно, переключаясь на решение разных задач, число которых будет только возрастать, иначе человек лишится возможности конкурировать с другими. Но необходимость почти одновременного решения многих задач снижает интеллект вследствие изменений, происходящих при этом в человеческом мозге.

При реализации программ, связанных с современными вызовами, следует искать пути разрешения возникающих противоречий во избежание рисков, способных привести к возможной деградации человеческой цивилизации.

Социально-гуманитарная экспертиза цифровых технологий

Артур А. Дыдров

доктор философских наук, доцент

Южно-Уральский государственный университет

(национальный исследовательский университет)

Челябинск, Россия

Аннотация. В статье автор поднимает вопрос об идее социально-гуманитарной экспертизы в цифровую эпоху. Обосновывается актуальность экспертной работы в ситуации современности. Формируется рецептура экспертизы с указанием на важнейшие условия проведения соответствующих мероприятий.

Ключевые слова: социально-гуманитарная экспертиза, цифровые технологии, цифровая философия, цифровая грамотность.

Social and humanitarian expertise of digital technologies

Artur A. Dydrov

Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor

South Ural State University (National Research University)

Chelyabinsk, Russia

Abstract. In the article, the author raises the question of the idea of social and humanitarian expertise in the digital age. The relevance of expert work in the current situation is substantiated. Formation of the recipe for expertise with an indication of the most important conditions for the relevant activities is presented.

Keywords: social and humanitarian expertise, digital technologies, digital philosophy, digital literacy

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)»

Ситуация современности диктует человеку определенные требования, которые ставят под вопрос (или демонтируют) привычный жизненный уклад и девальвируют традиционные ценности. Общая картина современности с присущими ей специфическими чертами не раз возникала на страницах научных исследований и публицистических сочинений. Главным образом, когда говорят о специфической ситуации сегодняшнего дня, речь ведется об интенсивных переменах во всех сферах жизни общества. В определенном смысле, в фарватере были и остаются техника и технологии – технико-технологические «уклады» меняются с высокой скоростью, что ставит под вопрос само понятие «уклада». В этой, пусть и в самых общих чертах описанной ситуации, происходят невиданные ранее пертурбации с человеком – субъектом и объектом инновационных стратегий. По оценке Э. Тоффлера, интенсификация жизни способствует возникновению и нормализации так называемого «модульного» человека, исполняющего строго определенные функции и имеющего ситуативные, недолговечные отношения с другими «модульными» людьми [1 с. 110-111]. Маркером современности, по-видимому, является и дезадаптация человека в мире hi-tech. Она наблюдается, прежде всего, у людей старшего поколения. Однако это не значит, что молодежь защищена от стрессов или «футурошока», который, по большому счету, является шоком от настоящего.

В первом десятилетии 2000-х гг. оформилась идея гуманитарной экспертизы – регулярных исследований по оценке потенциальных рисков использования новых технологий. Предполагалось, что гуманитарная экспертиза будет эффективной только в

том случае, если ее мероприятия будут систематическими. По версии В. А. Лукова, гуманитарная экспертиза – это «форма диалога гражданского общества с государством о допустимости или масштабах применения технологий, которые могут содержать угрозу жизни и здоровью человека и человечества, а также о приемлемости для человека и общества различного рода социальных, культурных, научных, технических и других новаций. Ее практическое применение начнется, когда диалог будет вестись на языке права, а значит, когда будет установлен правовой статус гуманитарной экспертизы и определены процедуры ее проведения. В общей форме это дело относительно далекого будущего» [2, с. 115]. В целом, идея гуманитарной экспертизы, как и предсказывалось В. А. Луковым, так и не вышла за пределы научно-гуманитарных публикаций. По крайней мере, экспертиза до сих не обросла социальной «плотью» и остается, в целом, предметом дискуссий на страницах научных и научно-популярных изданий. Причину сложившегося положения дел следует, на наш взгляд, искать не только в «реакционности» государственной политики или в пассивности гражданского общества, сторонящейся от инициатив, но и в содержании самой идеи гуманитарной экспертизы. Гуманитарная экспертиза, по задумке Б.Г. Юдина и В.А. Лукова, должна иметь дело с оценкой *рисков* применения новых технологий. Эта точка зрения разделяется и другими исследователями [3; 1]. Экспертиза как исследование, осуществляемое компетентными лицами, имеющими сравнительно богатый опыт в определенной сфере, конечно, не может сводиться к оценке рисков. Ее главная задача заключается во всесторонней оценке предмета, что не предполагает заикленности на рисках от внедрения и использования объекта экспертизы. Кроме того, экспертиза, как правило, неразрывно связана с корпоративностью, вовлеченностью в процедуру *сообщества* знатоков темы. Между тем, адресатами той или иной новации будут не только эксперты, но и люди, малознакомые с предметом.

Формирование социально-гуманитарной экспертизы на институциональном уровне возможно, на наш взгляд, только в купе с решением конкретно-практических задач. Пока конкретная задача не будет решена, пока методом проб и ошибок не будут достигнуты первые (пусть и не самые удачные) результаты, гуманитарная экспертиза останется только скупой оформленной идеей. Кратко обозначим возможную рецептуру социально-гуманитарной экспертизы с указанием на важнейшие условия проведения соответствующих мероприятий.

1. Начинать следует с «точечного» мероприятия, ориентированного на решение конкретной, «узкой», «локальной» задачи. Не нужно ставить всеохватные цели и заканчивать дискуссией о терминах и понятиях.

2. В мероприятии должны участвовать представители всех слоев населения – потенциальных или актуальных адресатов инновации. В системе образования, например, участниками экспертизы должны быть, прежде всего, преподаватели и студенты. Отсюда следует утверждение, что «экспертиза» не должна быть исключительной прерогативой экспертов как сообщества профессионалов.

3. Требуется очертить предмет экспертизы. Дело не может обойтись без рабочего определения предмета, которое, в целом, устроило бы всех участников. В противном случае, как говорилось ранее, экспертиза вырождается в бесполезные и бесплодные дискуссии.

4. Всесторонняя оценка достоинств и рисков того, что подлежит экспертизе. В данном случае уместно использовать методику дебатов (например, Института открытого общества) с четким позиционированием сторон.

5. Достижение консенсуса (в терминах философии, формулировка синтеза), то есть общего знаменателя, выраженного четкими и недвусмысленными суждениями.

6. Оформление резолюции – документа, резюмирующего решение участников мероприятия.

7. Размещение резолюции и других материалов экспертизы в открытом информационном пространстве (прежде всего, на видеохостингах и в социальных сетях).

8. Продвижение контента мероприятия.

Каждый из этих шагов, безусловно, требует усилий, но, в целом, может быть сделан едва ли не каждым человеком. Интернет дает колоссальные и беспрецедентные возможности для обмена мнениями, скорости распространения информации, поиска сторонников и потенциальных участников мероприятий. Цифровые технологии позволяют актуализировать и распространить определенную информацию, что, несомненно, важно в условиях интенсификации информационных потоков. Пионерам социально-гуманитарной экспертизы следует обнародовать результаты своей деятельности, регулярно демонстрировать применяемые технологии. Это дало бы неоценимую возможность для обмена опытом между разрозненными сообществами экспертов и всеми, для кого важно будущее.

Список литературы

1. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М.: АСТ, 2002.
2. *Луков В.А.* От экспертизы социальной к гуманитарной экспертизе // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 114-118.
3. *Сидорова Т.А.* Междисциплинарный научно-практический семинар «Гуманитарная экспертиза и риски современной технонауки // Сибирский философский журнал. 2015. Т. 13. № 2. С. 148-149.
4. *Асеева И.А.* Социальные риски техногенного развития как объект гуманитарной экспертизы // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления. Материалы международной научно-практической конференции. 2015. С. 297-300.

Социальные силы и информационная война цифровыми средствами

Николай Н. Жалдак

кандидат философских наук, доцент,

Белгородский национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Аннотация. Гибридная война включает информационную войну с использованием цифровых средств и направлена на все противодействующие социальные силы противников. Воздействие информацией на дух противников, организованное информационной службой армии должно по возможности предшествовать собственно боевым действиям.

Ключевые слова: социальные силы, гибридная война, информационная война, духовные способности, цифровые средства

Social forces and information warfare by digital means

Nikolai N. Zhaldak

Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Abstract. Hybrid warfare includes information warfare using digital means and is aimed at all opposing social forces of opponents. The impact of information on the spirit of opponents, organized by the army information service, should, if possible, precede the actual fighting.

Keywords: social forces, hybrid warfare, information warfare, spiritual abilities, digital means

Война – форма борьбы за власть, за управление. В войне проявляются военные силы противников. Каждый своими силами уменьшает или уничтожает военные силы другого. Обычная война стала эпизодом гибридной. Это значит, что в качестве военных рассматриваются все социальные силы общества, которые могут обеспечить ему политическое преобладание над другим обществом. В рамках необъявленной гибридной войны идет информационная война, в том числе цифровыми средствами. Общее основное назначение цифровых средств в информационной войне – превзойти или уничтожить любые социальные силы общества, которые мешают приобретению власти над ним.

(Социальная сила есть возможность социальной деятельности как своего проявления. Измеряется по своему проявлению. «Выход» субъекта как «черного ящика» [1, 2].)

То, какие частичные силы (способности) надо иметь и что сделать, чтобы получить результат сознательного целенаправленного действия:

- 1) сказать, что желаемо сделать,
- 2) желать это сделать,
- 3) получить рассказ (текст), как это сделать,
- 4) представить, чем, как из чего это делать
- 5) действовать своими органами (физическая способность),
- 6) действовать внешними средствами,
- 7) получить из предметов, что надо.

Здесь силы и действия перечислены от высших к низшим, высшие управляют низшими, но определяются ими, а низшие управляются высшими, но определяют их (например: приказ не будет выполнен, если для его выполнения нет средств). Если удалить хоть одну из составляющих, в том числе и духовную частичную силу, то действительной социальной, в частности военной, силы не будет.

В общем управляющая подсистема требует меньших затрат на свое существование и действие, чем управляемая. Сказать слова о желаемом легче, чем действительно захотеть; захотеть легче, чем описать словами, как получить желаемое; описать словами легче, чем образно представить, что всё написанное значит и т. д. Это значит, что информационная война требует меньше затрат и выгоднее, чем обычная. Главная ее цель цифровыми и другими средствами добиться, чтобы противник заявил о нежелании воевать и не желал этого.

Но сеть Интернет создавалась изначально как средство управления людьми в интересах отнюдь не России и не ее пользователей. Такое же назначение имели и средства выхода в Интернет. Поскольку война есть способ превращения неуправляемых в управляемых, то и Интернет и цифровая техника не только приобщают к мировой культуре и в чем-то усиливают пользователей, но и служат ведению информационной войны против России, т.е. используются для разрушения ее культуры и ослабления.

Другие минусы. Пока интернет и цифровая техника развиваются не с целью более эффективного использования ресурсов, а для получения прибыли, хоть и во вред пользователям: программы обновляются и утяжеляются для увеличения продаж новой более мощной и дорогой техники. Время на их освоение и применение вычитается из времени на саму научную работу. Переключившись на цифровые устройства функций мозга, отучает мозг от их выполнения. Полагаясь на память цифровых устройств как на свою собственную, человек в какой-то мере и идентификацию себя производит, основываясь не только на памяти своего мозга. Эти устройства вызывают привыкание, зависимость и навязчиво отвлекают от основных познавательных задач. Таким образом, человек уязвимее через эти устройства, чем через печатные средства.

Некоторая доля любой частичной силы субъекта входит в полное сочетание, т. е. в действительную силу. Остальные доли этих сил, остаются в разных неполных сочетаниях резервными или теряются. Неполные сочетания резервных сил дополняет сам субъект (человек, общество) или в кооперации с другими. Соответственно, противник в информационной войне цифровыми и другими средствами разрушает науку, культуру этого субъекта и его кооперацию с другими.

Очевидно, что в современной армии должны быть информационная служба. Она должна обеспечивать нужные информационные, духовные силы у своего личного состава, исследовать их у противника и обеспечивать информационное превосходство над ним. Она должна знать цифровой контент доступным своим, проводить обезвреживание враждебной информации и внедрять свою информацию в контент, доступный людям на противной стороне, обосновывать им, что эта война выгодна не им и их стране, а общим врагам и т.д. не исключая и традиционные листовки и репродукторы. Надо кратко и ясно объяснять им, почему и как им лучше перестать воевать.

Так как информационная война угрожает всем социальным силам общества, то для необходимой победы в ней должна действовать государственная информационная служба.

Список литературы

1. Жалдак Н.Н. Социальные силы (от марксистского к кибернетическому пониманию): Очерк практической философии. Белгород: БелГУ, 2014.
2. Жалдак Н.Н. Место категории «интерес» в системе категорий социальной философии марксизма. Белгород: БелГУ, 2016. URL: https://zhaldak.ucoz.ru/_ld/0/28_____2016_.pdf

Признание как условие власти в цифровом обществе

Валерия А. Копанева

*соискатель, Волгоградский государственный университет
Волгоград, Россия*

Аннотация. Представляется важным отразить опыт цифровизации и рассмотреть проблему кризиса признания, с которой столкнулись человек, сообщества, социальные институты. Под признанием имеется в виду процесс, в ходе которого один субъект артикулирует новое знание о другом и дает ему оценку, вследствие чего между ними возникает общность. Однако в условиях новой реальности отмечаются негативные последствия цифровизации, которые выражаются в следующих формах: пространственная разобщенность, отчуждение, дефицит коммуникации, дефицит совместных социальных практик, отделение от сообщества, индивидуализация и, как следствие, дефицит признания.

Ключевые слова: цифровизация, власть, признание, кризис

Recognition as a condition of power in a digital society

Valeriya A. Kopaneva

applicant, Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. It seems important to reflect on the experience of digitalization and consider the problem of the recognition crisis faced by people, communities, and social institutions. Recognition refers to the process in which one subject articulates new knowledge about another and gives it an assessment, as a result of which a commonality arises between them. However, in the conditions of the new reality, the negative consequences of digitalization are noted, which are expressed in the following forms: spatial separation, alienation, lack of communication, lack of joint social practices, separation from the community, individualization and, as a consequence, lack of recognition.

Keywords: digitalization, power, recognition, crisis

1. Представляется важным отразить опыт цифровизации и рассмотреть проблему кризиса признания, с которой столкнулись человек, сообщества, социальные институты. Под признанием имеется в виду процесс, в ходе которого один субъект артикулирует новое знание о другом и дает ему оценку, вследствие чего между ними возникает общность. Однако в условиях новой реальности отмечаются негативные последствия цифровизации, которые выражаются в следующих формах: пространственная разобщенность, отчуждение, дефицит коммуникации, дефицит совместных социальных практик, отделение от сообщества, индивидуализация и, как следствие, дефицит признания.

2. Наиболее значимым представляется гегелевский анализ двух режимов самосознания – «Раб» и «Господин». Здесь важно подчеркнуть, что речь идёт не о типах индивидов, не о делении людей на рабов и господ. Господин и Раб - это установки сознания, которым соответствуют разные цели и которые могут совмещаться в рамках одного самосознания, однако какому-то из режимов неизбежно отдаётся предпочтение. Наличие режимов Господина и Раба предполагают признание друг друга, иначе эта модель окажется неработоспособной: Господин существует только тогда, когда его признаёт Раб и, наоборот, существование Раба возможно только, если Господин признаёт его как Раба. Однако Гегель указывает на проблему асимметричности признания: «для признавания в собственном смысле недостает момента, состоящего в том, чтобы то, что господин делает по отношению к другому, он делал также по отношению к себе самому, и то, что делает раб по отношению к себе, он делал также по отношению к другому. Вследствие этого признавание получилось одностороннее и неравное» [1, 102].

Гегель отмечает, что в эмпирической реальности режим Господина приводит к тому, что вся окружающая действительность, включая Раба, воспринимается им как объект, а отсюда следует, что:

- а) признание от Раба не воспринимается, потому что он не равен Господину;
- б) признание от Господина невозможно, потому что другой Господин сам претендует на и воспринимается как угроза потери своей власти.

3. Реализация признания возможна лишь в обществе или в сообществе хотя бы потому, что в основе этого механизма лежит мимесис, что подчеркивал, в частности, Р. Жирар на примере процесса обучения. Каждый акт признания, помимо субъекта и объекта, включает в себя ту фигуру, с которой может быть отождествлен тот, кого признают [2, 17].

В повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» миметический аспект признания показан в момент, когда умирает хозяин дома, генерал, и всю власть над домочадцами захватывает шут-приживал Фома Фомич Опискин, не обладающий никаким статусом, чтобы оправдать тот авторитет, который ему удалось установить в доме. У читателя возникает закономерный вопрос: как шут может завоевать такое признание? Почему герои видят в Фоме того, кто может занять место генерала? Мимесис раскрывает данную загадку: Фома Фомич был свидетелем проявления генеральской власти, подражал ему и после его смерти стал единственным, кто мог перенять хозяйские функции [3].

4. Одним из последствий цифровизации явился кризис признания, который связан с тем, что для индивида или коллектива получение признания стало труднодоступным по причине удаленности от тех пространств, практик и субъектов, которые способны такое признание осуществлять. Несмотря на то, что сами практики не прекратились, а лишь стали в значительной своей части дистанцированными (онлайн), в рамках цифровизации, если понимать ее не в узком современном смысле, а обобщенно, субъект не получает полноценного опыта признания, и, как следствие, испытывает его дефицит по причине ослабления миметических практик властвования.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000.
2. Жирар Р. Насилие и священное. 2-е изд., испр. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
3. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский .М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 7. Ленинград: Наука, 1990.

Цифровая деволуция власти в постапокалиптическом проекте «Матрицы»

Сергей А. Маленко

*доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, культурологии и социологии
Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия*

Аннотация. В докладе анализируется художественная модель голливудской франшизы «Матрица», позволяющая вскрыть принципы цифровой экосистемы власти постапокалиптического будущего. Она формируется в результате отрицания традиционных моделей управления социальным пространством, которая базировалась на коммуникации общества с природой. Власть, воплощенная в «Матрице», является результатом постепенного замещения естественных форм взаимодействия их цифровыми аналогами.

Ключевые слова: франшиза «Матрица», управление, природа, наука, биохакинг, постапокалипсис, цифровая экосистема власти

Digital devolution of Power in the post-apocalyptic *Matrix Project*

Sergei A. Malenko

*Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Yaroslav the Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia, olenia@mail.ru*

Abstract. The report analyzes the artistic model of the Hollywood franchise "Matrix", which allows to reveal the principles of the digital ecosystem of power of the post-apocalyptic future. It is formed as a result of the rejection of traditional models of social space management, which was based on the communication of society with nature. The power embodied in the "Matrix" is the result of the gradual replacement of natural forms of interaction with their digital counterparts.

Keywords: Matrix franchise, management, nature, science, biohacking, post-apocalypse, digital ecosystem of power

Визуальные практики современной власти активно освоили художественное пространство современной культуры, в котором непрерывно апробируются новые модели управления социумом и соответствующие им антропологические установки. Мрачное, постапокалиптическое будущее превратилось в один из наиболее популярных визуальных трендов, увлекающий и режиссеров, и массового зрителя. Художественный опыт визуальной рефлексии над тотальной экспансией цифровых технологий позволяет проектировать футуристические сценарии трансформации институциональных и повседневных пространств постапокалиптического человечества.

В этом контексте особенно показательным примером является голливудская франшиза о «Матрице», успешно реализованная членами семейства Вачовски на рубеже XX-XXI вв. В цикле фильмов удачно соотносятся глубокие философские и религиозные обобщения классических и современных мыслителей с новыми технологическими и визуальными решениями в конструировании постапокалиптических образов и сюжетов «Матрицы». Центральная проблема франшизы – эскалация фатального конфликта между природой и ее цифровыми аналогами, визуализирующего феноменологию власти в постапокалиптическом обществе будущего. Власть перестает быть персонифицированной, разливается в виртуальном пространстве компьютерных программ, симулирующих классическую культуру и традиционные способы ее этатистского воспроизводства.

Появление и совершенствование искусственного интеллекта оборачивается технологическим прогрессом и фатальным решением роковой для европейского типа

мышления дилеммы «человек-машина» в пользу машин и характерных для них рефлекторно-коммуникативных сценариев. Машинный интеллект воспроизводит не только базовые принципы человеческого мышления, но и характерные для него коллективные стереотипы и предрассудки в отношении эгоистических стремлений человека подчинить себе окружающее природное и социальное пространство. Властный симбиоз таких установок с логическим инструментарием приводит к созданию машин, воспроизводящих бессознательные принципы организации социального пространства и подчинения его единому координирующему центру. Высокий уровень развития искусственного интеллекта оборачивается его повсеместным внедрением в официальные и повседневные пространства постапокалиптического общества.

При этом, способы координации, производимые «Матрицей», оказываются на порядок эффективнее любых традиционных форм институционального регулирования за счет устранения вариативности мышления и развития, практически полного замещения традиционных форм социальной коммуникации ее цифровыми симулякрами. Модели цифрового менеджмента получают повсеместное распространение и благодаря тому, что они оказываются безучастными и эмоционально нейтральными в отличие от человеческих способов властного регулирования. «Матрице» удается полностью вытеснить пресловутый «человеческий фактор» и впервые в истории цивилизации создать единую, презентабельную эффективную цифровую экосистему власти. Несмотря на то, что в этих моделях господства и подчинения практически все экзистенциальные смыслы были тщательно нейтрализованы, искусственный интеллект «Матрицы» сформировался вокруг базовой аксиомы традиционной цивилизации: без власти человек обречен на вымирание.

Фактически «Матрица» в равной степени воспроизводит фундаментальные рациональные смыслы социальной консолидации и бессознательные установки на эгоистическое подчинение среды расширенному цивилизационному воспроизводству произвола страстей и желаний. Поэтому появление в «Матрице» тоталитарных моделей подчинения является неизбежным следствием деятельности ангажированных властью ученых, разрабатывающих и продвигающих новые технологии. Реализуя социальный заказ власти по биохакингу человека, технические специалисты не только сконструировали их базовые логические алгоритмы (которые легли в основу функционирования искусственного интеллекта), но и перенесли на них основную часть своих бессознательных ожиданий в отношении господства власти над природным и социальным миром. Эти две тенденции в цифровой матрице постапокалиптической власти оказались тождественными, а, значит, отношения господства и подчинения превратились в единственный знак «естественности» и «разумности» машины.

Осуществленный цифровой диктатурой «Матрицы» фатальный биохакинг природы, общества и человека, обернулся повсеместным вытеснением всего комплекса цивилизационных проблем в «Тень», представленную внесистемной оппозицией в лице постапокалиптических революционеров-луддитов, пытающихся взломать коды «дивного нового мира». Подчинив практически все антропологические смыслы цивилизации логике машинного господства, «Матрица» вытеснила любые естественные параметры из сферы индивидуальной и коллективной памяти, а также индивидуального сознания.

В итоге понимание естественных процессов, сформировавшее классическую науку и культуру, редуцировалось машинной логикой к регулируемому набору условных рефлексов и инстинктов, сублимированных в цифровых последовательностях. Способ выхода из «Матрицы», придуманный революционерами-хакерами, связанный с приемом таблеток, отождествил процесс метаболизма с формами осознанного отношения человека к себе и миру. Потому перед глазами Нео, вышедшего из цифровой иллюзии, открывается вид реального мира, представленного бесконечными заводами-трансформаторами, непрерывно преобразующими витальную энергию человеческих тел в энергетические ресурсы, обеспечивающие властные циклы функционирования «Матрицы».

Эту ключевую задачу и решает властная инфраструктура «Матрицы», превратившая реальный окружающий мир в разрушенную и выжженную Землю. Может показаться, что эти обобщения имеют весьма отдаленное отношение к современности. В то же время, если вспомнить набирающие обороты биополитические спекуляции современной власти, с ее стремлением редуцировать социальную коммуникацию к базовым физиологическим потребностям, то предостережения голливудской франшизы о «Матрице» на самом деле, выглядят весьма угрожающими и, увы, реалистичными.

Цифровизация философских научных мероприятий: опыт и перспективы

Екатерина Г. Миляева

ст. преподаватель кафедры философии,

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Аннотация. В тезисах предоставлен анализ опыта проведения кафедры философии ЮУрГУ философских научных мероприятий в онлайн-форматах. Обозначены перспективы дальнейшей цифровизации научных мероприятий.

Ключевые слова: цифровизация, онлайн-конференция, цифровая грамотность

Digitalization of philosophical scientific events: Experience and prospects

Ekaterina G. Milyaeva

senior lecturer of the Department of Philosophy

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The theses provide an analysis of the experience of holding philosophical scientific events in online formats by the Department of Philosophy (SUSU). The prospects for further digitalization of scientific events are outlined.

Keywords: digitalization, online conference, digital literacy

Российский философский конгресс «Философия в полицентричном мире»² из-за пандемии COVID-19 откладывался более двух лет в связи с невозможностью проведения очного мероприятия. Многие, особенно молодые, исследователи спрашивали почему нельзя перенести работу конгресса в цифровое пространство используя доступные средства для проведения видеоконференции. В итоге Конгресс состоялся в мае 2022, именно в дистанционной форме года, на базе социальной сети «ВКонтакте». К сожалению, такая ситуация оказалось не единственной. Российское академическое сообщество не было готово принять вызов пандемии и оперативно перейти в условия «тотального дистанта» ни в учебном процессе ни в научной коммуникации. В конце 2022 г. удивить кого-то научным онлайн мероприятием практически невозможно. Но настало время для того, чтобы проанализировать состоявшийся опыт, обозначить перспективы и тенденции цифровизации научных мероприятий.

Кафедра философии Института социально-гуманитарных наук Южно-Уральского университета столкнулась с вызовами «принудительной» цифровизации во втором семестре 2019-21 учебного года. Но если переход на дистанционную форму проведения занятий был практически безболезненным благодаря задолго до «тотального дистанта» разработанным электронным учебным курсам на базе СДО Moodle и реализуемым смешанным формам обучения, то предстоящее проведение 16-ю Международную конференцию по философской практике (ICPP-2020) стало своеобразным вызовом для научного коллектива кафедры, ведь на российской площадке она должна была проводиться в первый раз. Было принято решение провести мероприятие в пробном, дистанционном мини-формате. Научный коллектив кафедры обратился к опыту небольших онлайн-мероприятий, проводимых до этого с приглашением иностранных участников в рамках реализации проекта «Философская практика в науке и образовании» в 2016-19 гг. Проект мероприятия, подготовленный профессором кафедры Сергеем Борисовым, получил финансовую поддержку в виде гранта РФФИ по конкурсу «Лучшие проекты организации онлайн-конференций, проводимых во втором полугодии 2020 г. в

связи с новаторским подходом к проведению научных мероприятий в сложных пандемийных условиях [1].

Как пробное мероприятие для тестирования площадки было проведено в онлайн-формате на базе портала «Электронный ЮУрГУ» секционное заседание кафедры философии «Война и мир в смысловом пространстве философии» в рамках 73-й Студенческой научной конференции Южно-Уральского государственного университета кафедра философии провела в онлайн формате. Опыт участников, как преподавателей, так и студентов, подтвердил, что проведение мероприятия в формате онлайн на платформе GoogleMeet требует только цифровой грамотности организаторов и участников, включающей в себя навыки пользования интернет-сервисами на уровне пользователя, а также адекватной технической поддержки от Института дистанционного обучения ЮУрГУ.

16-ю Международную конференцию по философской практике (ICPP-2020) «Философская практика: самопознание посредством интеллектуального творчества» прошла в июле 2020 г. и ее, совершенно неожиданно для организаторов, посетили более пятиста человек из 52 стран в течение трех дней работы конференции. Были организованы не только пленарное заседание, но и параллельно работали различные виртуальные площадки – панельные дискуссии, мастер-классы, лекции на русском и английском языках. Опыт оказался удачным и был высоко оценен зарубежными и российскими участниками. Важным стало то, что записи мероприятий стали доступны в очень короткое время и до сих пор представлены на сайте конференции. Конечно, в 2021 г. снова ЮУрГУ стал площадкой для проведения и 17 Международную конференцию по философской практике, но в связи с более тщательным отбором участников приняли «онлайн» участие 275 человек из 45 стран.

Ресурс платформы GoogleMeet, с университетским расширенным доступом, позволил в течении двух пандемийных лет успешно провести в онлайн-формате Дни философии, которые объединили кафедры ведущих вузов города, интереснейшие круглые столы профессора кафедры Артура Дыдрова «Человек в цифровую эпоху» (2020), "НОМО DIGITALIS: к вопросу о новой антропогранице" (2021), ряд студенческих научных мероприятий и многое другое. также коллектив кафедры философии принял участие в качестве организаторов и экспертов в цикле всероссийских форумов «Экоинжиниринг», проводимых в смешанном формате.

Профессорско-педагогический коллектив кафедры философии принимал участие и в различных философских онлайн-мероприятиях, проводимых другими российскими вузами, например, 14 Конгресс антропологов и этнологов России (2021), конференцию «Миф в истории, политике, культуре» (2021, 2022) и, собственно, Российский философский конгресс "Философия в полицентричном мире", то есть при необходимом уровне цифровой грамотности достаточно просто организовать научное мероприятие либо принять участие на любой площадке – Zoom, BigBlueButton, GoogleMeet и др.

Положительными моментами организации, проведения и участия философских научных мероприятий являются: 1) значительная экономия ресурсов и времени научно-педагогических сотрудников высшей школы; 2) возможность принять участие в любом доступном мероприятии, независимо от местонахождения вуза-организатора; 3) легкое применение мультимедиа; 4) знакомство и коллаборация с российскими и зарубежными учеными, практически независящая от границ и часовых поясов; 5) привлечение широкой публики из числа учащихся университета; 6) возможность посещения большего числа научных мероприятий, невозможное при очном участии. Стоит отметить и некоторые недостатки, особенно важные для философских мероприятий, – реальное, живое человеческое общение ученых во время дискуссии и в кулуарах конференции вряд ли возможно заменить даже активной перепиской в чате; к сожалению, технические проблемы (недостаточное качество связи и техники) способны испортить даже самый

интересный и актуальный доклад; невозможность передать печатные издания коллегам и т.д.

Перспективы проведения философских мероприятий в цифровом пространстве представляются самими широкими, даже с учетом специфики сложившейся социальной, культурной и политической ситуации. Сегодня российские производители ПО для видеоконференции представляют новые, достаточно удобные сервисы – видеосвязь «ВКонтакте», групповые видеозвонки Телеграм, Яндекс.Телемост и т.д. таким образом, научное общение между философскими коллективами и исследователями будет динамично развиваться благодаря цифровым технологиям.

Информация об источниках финансирования исследования. Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда. Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Список литературы

1. Борисов С.В. Философская практика во времена пандемии (по итогам работы международной онлайн-конференции ICPP2020) // Социум и власть. 2020. № 4 (84). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskaya-praktika-vo-vremena-pandemii-po-itogam-raboty-mezhdunarodnoy-onlayn-konferentsii-po-filosofskoy-praktike-icpp-2020> (дата обращения: 29.06.2022).

Голливудский постапокалипсис роботов:
человеческие иллюзии в паутине цифровых протоколов

Андрей Г. Некита

доктор философских наук

*Новгородский государственный университет имени
Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия, beresten@mail.ru*

Аннотация. В докладе рассматриваются тенденции, связанные с внедрением цифровых технологий в систему социальных отношений общества будущего. Художественные эксперименты голливудского постапокалипсиса являются одним из способов рефлексии по поводу трансформации системы социальной стратификации под влиянием тотального внедрения цифровых технологий в систему власти, производства и повседневности.

Ключевые слова: человек, робот, власть, цифровые протоколы, наука, повседневность.

Hollywood robot post-apocalypse:
human illusions in the Web of digital protocols

Andrei G. Nekita

*Dr. of Sci. (Philosophy), Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
Veliky Novgorod, Russia, beresten@mail.ru*

Abstract. The report examines trends related to the introduction of digital technologies into the system of social relations of the society of the future. The artistic experiments of the Hollywood post-apocalypse are one of the ways of reflection on the transformation of the system of social stratification under the influence of the total introduction of digital technologies into the system of power, production and everyday life.

Keywords: man, robot, power, digital protocols, science, everyday life

Современное развитие научно-технического прогресса привело к формированию новой технологической среды, требующей адекватных моделей социального управления. Понятие «цифровая эпоха» превратилось в одну из ведущих характеристик специфической конфигурации власти, науки, технологии и социальных отношений. Человечество только начало осознавать возможности цифровых технологий и начинает активно задумываться над формирующимися трендами технологизации власти, социума и повседневности. Если ученые, непосредственно погруженные в процесс технического прогресса, с неистовой увлеченностью конструируют новые цифровые гаджеты, то деятели культуры пытаются осмыслить социальные преимущества и антропологические опасности внедрения/насаждения «цифры» в официальные и повседневные практики.

Появление отдельного жанра постапокалипсиса в кинематографе предстаёт одной из наиболее значимых культурных рефлексий, пытающихся оценить шокирующие социально-антропологические параметры цифровизации, существенно деконструирующие традиционные производственные отношения, основанные на деятельном и вещественном преобразовании мира. И если сегодня электронные устройства в большей степени получили распространение именно за счет своего досугово-развлекательного функционала, о чем свидетельствует бешеная популярность компьютерных игр и социальных сетей, то в визуальных кинематографических проектах постапокалиптического будущего электроника и робототехника превращаются (в терминах марксизма) в самостоятельные производственные силы, а значит начинают претендовать на статус фактора, активно преобразующего/деформирующего социум, природу и человека.

Во многих голливудских сюжетах последних десятилетий цифровое будущее, создаваемое и продвигаемое научно-производственными корпорациями, неизменно связывается с образами роботов и андроидов. Антропоморфных, автоматических, электронных устройств, обеспечивающих уже не столько эффективную мускульную деятельность в рамках традиционных производств, сколько пытающихся быть проводниками властного контроля за реализацией комплекса повседневных задач обычных людей. Человек будущего, переключаясь на роботов наиболее тяжелую и рутинную работу, которую он сам был вынужден веками выполнять по принуждению власти, бессознательно воспроизводит тысячелетние социальные идеалы, связанные с формированием прослойки новых «цифровых» рабов, на фоне которых он бы впервые в истории выглядел «господином».

Именно так цифровые технологии на фоне высокотехнологичных интерьеров фактически позволяют воссоздавать рабовладельческую ментальность Античности в которой автоматические устройства, благодаря целенаправленно приданной антропоморфной внешности, превращаются в основание социальной пирамиды, в класс «сущест», изначально лишенных свободы воли. При подстрекательстве «невидимой» власти корпораций основная масса населения самонадеянно провозглашает себя «хозяевами» и «рабовладельцами», от которых фактически зависит содержание и сценарии применения протоколов управления роботизированной сервильной прослойкой.

Задавая подобную логику в отношениях человека и робота, диджитальная власть постапокалиптического будущего гарантированно защищает себя от возникновения любых элементов неопределенности в цифровой матрице социальной коммуникации. Обывательская цивилизация, культивирующая потребительскую практику лени и праздности, именно в таких формах коммуникации между человеком и машиной, пожалуй, впервые в истории цивилизации получает возможность обретения симулякра «земного рая», основанного на эгоизме, алчности и веками аккумулированной мести, активно вымещающей на роботах и с их помощью.

В то же время робот обязан быть по-человечески услужливым и всячески выказывать почтение «хозяину». Решение этой задачи оказалось весьма сложным и потребовало создания когнитивных протоколов, в которых роботы и цифровой искусственный интеллект получали возможность обучения, превращающего их из простых исполнителей в машины, имитирующие человеческие сомнения, терзания выбора и самоидентификацию. Формальные аналогии между человеком и «сомневающимся цифровым разумом» открывают путь к их взаимному отождествлению.

Такая властно-корпоративная практика выдвигает искусственный интеллект и цифровой разум в качестве наиболее эффективных инструментов социальной организации и управления, вытесняющих из сферы социальной коммуникации эмоционально-чувственное отношение к миру, которое в классических культурах выступало источником творчества, инноваций и неизбежных при этом слабостей, рисков и ошибок. В то же время голливудские визуальные проекты постапокалиптического будущего подробно рассказывают о крушении властных иллюзий по поводу возможности создания «чистого разума», целенаправленного пересобранного в антропоморфных, электронно-цифровых устройствах, лишенных эмоционально-чувственного «шума», неизбежно сопутствующего человеческой коммуникации.

Антропные аналогии, использованные в цифровых протоколах искусственного интеллекта, провоцируют бессознательный перенос на модели цифрового разума властных установок человека, трактующих любой подобный протокол как симулякр актов мышления и свободы воли. Именно поэтому голливудская постапокалиптическая сюжетика изобилует сценариями коллективного и индивидуального бунта антропоморфных машин, жестоко и изощренно мстящих своему «Создателю» и породившей его среде за фатальную обреченность социально-цифровой матрицы.

Однако отсутствие в цифровом разуме целеполагания, неизбежно обрекает на поражение его борьбу с человеком и природой, приговаривая к самоликвидации весь цифровой социум, единожды и самонадеянно допустивший возможность бесконтрольных спекуляций и лжи по поводу вековых предрассудков и заблуждений человека. Фактически, этот цифровой социум, сформированный в рамках традиционных, веками апробированных протоколов господства и подчинения, с необходимостью реализует процесс аннигиляции как самого себя, так и породившей его природной и человеческой среды.

Тигмотаксис: цифровой аспект

К.А. Очеретяный

кандидат философских наук

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В тексте идет речь об альтернативной стратегии проектирования интерфейсов — переходе от оптико-бихевиориальной модели, к тигмотактической, учитывающих неявную динамику данных, метафорические конструкции, степень телесной включенности, уровни открытости, а также взаимодействие с иными нечеловеческими агентами.

Ключевые слова: оптикоцентризм, геоны, тигмотаксис, интерфейс, телесность

Tigmataxis: digital aspect

K.A. Ocheretyanyi

Cand. of Sci. (Philosophy)

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The text deals with an alternative interface design strategy - the transition from an optical-behavioral model to a thigmotactic one, taking into account the implicit data dynamics, metaphorical constructions, the degree of bodily inclusion, levels of openness, as well as interaction with other non-human agents.

Keywords: optocentrism, geons, thigmotaxis, interface, corporeality

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации. Проект МК-169.2021.2. СПбГУ

Интерфейс – дисциплинарное пространство, он совмещает в себе как эпидемиологические, так и бюрократические практики, а следовательно, чтобы мы не производили в интерфейсе, мы прежде всего производим дисциплину собственного тела: бихевиориальную разметку жеста, канализированное внимание, седированное время отклика. Архитектурный критик С.Х. Голдхаген отмечает, что наша когнитивная активность зависима от геонов, инвариантов относительно точки зрения, наша визуальная система применяет платоновы тела и принципы евклидовой геометрии, чтобы помочь нам видеть — но наша современная архитектура есть в большей степени графический пользовательский интерфейс и те технологические протезы, которые он нам предлагает. Вместе с тем уже один из пионеров нейроанатомии, а затем и кибернетики Г. Клювер, еще в ходе исследований 20-х гг., изучая роль стриарной коры в зрении, и выявляя воздействия эквивалентных и неэквивалентных стимулов, показал как мескалин, производит сопоставимый с псилоцибином эффект, который создает в галлюцинациях пациентов геометрические фигуры, названные им «фигуры из паутины» и, чаще всего представляющие собой шахматную доску, туннель и спираль. В этом смысле платоновы тела, это скорее не видение образа, а образ видения. И действительно, когнитивные исследования метафоры (Дж. Лакофф) показывают в какой мере метафора предшествует языку и наследуют скорее опорно-двигательной, сенсорной и эмоциональной системе – то же характерно и для визуальной метафорики. Следовательно то, что мы принимаем за исключительно зрительное поле в интерфейсах, является продуктом сложной телесной организации. Дж. Гибсон, прибегнув к опытам гештальт-психолога К. Коффки, и заимствуя понятие *Aufforderungscharakter* (нем. валентность, возбуждающая способность) назвал аффордансом свойства материальных предметов или объектов окружающей среды сообщать о назначении, предлагать варианты использования, возможности действия. Наша экологическая ниша пронизана такими аффордансами – ожиданиями от

взаимодействия, материально обусловленными интенциями. Во многом они построены на геонах. Парадокс состоит в том, что, эксплуатируя геоны цифровые интерфейсы создают фантомные аффордансы – типы действия, которые не могут быть реализованы в действительности, но при этом продолжающих действовать как триггер, спусковой крючок невозможного (но истощающего, провоцирующего). У. Бион, исследующий психотические объекты, спонтанно вторгающиеся в сознание и приносящие логику сновидения в бодрствование, показал, что роль мышления – справляться с такими объектами, превращать бета-элементы (неметаболизированные психика/сома/аффективный опыт) в альфа-элементы (мысли, которые можно обдумывать), задача мышления – не понятийная дескрипция, а удержание аффективного равновесия между такого рода причудливыми объектами. Фактически интерфейсы сейчас представляют такой набор парадоксальных объектов – только альфа-элементы здесь провоцируют тот аффективный отклик, который не адекватен соматическому ресурсу. Задача состоит в том, чтобы при проектировании интерфейсов перейти от геонов к тигмотаксису – или перейти от эпидемиологической модели проектирования интерфейсов (необходимость сосуществования/выживания с парадоксальными объектами) к экологической, углубляющей и расширяющей способы доступа/взаимодействия. Тигмотаксис – экологическое понятие, оно означает разнообразие и пластичность точек соприкосновения тела со средой, которые позволяют сопротивляться течениям, занимать оптимальное положение тела и поддерживать тонус. До сих пор интерфейсы были подчинены монополии оптикоцентризма, — о чем свидетельствует по крайней мере количество мощностей выделяемых под обработку оптических сигналов в отличие от всех остальных, – но этот оптикоцентризм был фактически фантомным, поскольку, опираясь на геонты-фантазмы, стремился бихевиориально кодировать телесно-поведенческие аспекты. Напротив, глубокое внимание к альтернативным телесным способам взаимодействия позволит перейти от взаимодействия с цифрой к взаимодействию с помощью цифры — от интерактивности к итра-активности (концепт К. Барад); многообразию способов действия. Иными словами, не цифровые интерфейсы должны определять поведенческие техники, а с помощью цифровых интерфейсов должны быть выявлены скрытые варианты поведенческих техник, многообразие взаимодействий со средой. Такие проекты уже существуют, например в концепциях кибернетики второго порядка, предполагающую нечеловеческую программную агентность – т.е. вариант любой биофильной структуры как коммуникационного интерфейса; в урбанистических проектах дата-майнинга и визуализации скрытых данных сложных коллективных взаимодействий, подавленных видимыми знаками; в компьютерных играх с дополненной реальностью и геопозиционированием, где интерфейсы выполняют не столько бихевиориальную сколько нарративную и конструктивистскую функцию – возвращая от воздействия к сопереживанию. Все это позволяет предположить, что цифра и сеть более подобны природе, чем технологиям, интерфейс входит в тело как практика раньше, чем в сознание как дискурс, а его функция не только эпистемическая, но и терапевтическая – исследовать многообразные и комплексные способы нашей метафорической системы описания опыта мира – ее возможности и пределы.

К вопросу о цифровой философии

Регина В. Пеннер

*кандидат философских наук, доцент
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский), Челябинск, Россия*

Аннотация. Цифровые технологии проникают во все сферы и области современного мира: на уровне природы, предметов и социального устройства. С точки зрения социально-гуманитарных наук это проникновение необходимо отражать и впоследствии рефлексировать. Цифровая философия в этом аспекте презентует новую актуальную область знания, что выстраивает оптику видения мира, в том числе, через осмысление феноменов и технологий из пространства цифрового.

Ключевые слова: цифровая философия, цифровая грамотность, цифровая антропология, технологический детерминизм, STS

To the question of digital philosophy

Regina V. Penner

*Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor
South Ural State University (National Research University)
Chelyabinsk, Russia*

Abstract. Digital technologies penetrate into all spheres and areas of the modern world: at the levels of nature, objects and social structure. From the point of view of the social sciences and the humanities, this penetration should be reflected. Digital philosophy in this aspect presents a new topical field of knowledge that builds the optics of seeing the world, including through the understanding of phenomena and technologies from the digital space.

Keywords: digital philosophy, digital literacy, digital anthropology, technological determinism, STS

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)»

Мы существуем в мире цифровых технологий. Философ, впрочем, как любой другой человек, погружается в это пространство цифры. Как и перед любым другим человеком, перед философом стоит прикладной вопрос, как эффективно пользоваться цифровыми технологиями. В отличие от любого другого человека философ задается вопросом о том, что это такое, цифровые технологии; как они изменяют повседневную жизнь человека и общества, если изменяют вообще; какую эпоху в жизни человека и общества они создают; как человек может и должен реагировать на цифровые трансформации в своей реальности.

В разрешении прикладного вопроса все относительно понятно. Для оптимального существования в «постковидном» мире философу нужен компьютер или мобильный гаджет с доступом к интернету. Помимо технического плана, встает вопрос о способностях и умениях. Прочное место в контексте актуальных навыков занимает цифровая грамотность как, с одной стороны, практическое знание человека о пользовании устройств, имеющих доступ к интернету, и, с другой стороны, как гуманитарная установка, формирующая критическое отношение пользователя интернета к получаемой информации. Издавна философ являлся не столько получателем, он – транслятор информации. Об этом пишет Krzysztof P. Skowroński в контексте размышлений о проблеме эстетизации интеллектуальных нарративов. По его словам, традиционный

текстовый дискурс философии нужно корректировать в условиях диджитализации. В качестве направления корректировки польский философ видит формат визуальной коммуникации, т.е. частичный «перевод» философского текста на язык картинок и / или аудиовизуальных роликов, в том числе, на платформе youtube.com [8].

Размышления философов о цифре и цифровых технологиях по большому счету размещаются в смысловом пространстве между двумя методологическими концепциями о взаимоотношении человека с техникой, технологическим детерминизмом и Science and Technology Studies. Представители технологического детерминизма (Ж. Эллюль, М. Кастельс) утверждают, что в XX в. техника стала самостоятельным образованием, оказывающим влияние на развитие общества. Техника больше не определяется сквозь призму человека и общества; наоборот, она направляет социальное развитие. В перспективе сторонники технологического детерминизма видят социальное будущее сквозь призму технологической сингулярности, когда человек окончательно передаст творческую потенцию техники.

Джуди Вайсман, социолог из Великобритании, в контексте своего исследования «ускоряющегося времени» утверждает несостоятельность многих позиций из технологического детерминизма [2]. В том числе, она полагает, что сама идея «ускоряющегося времени» появилась задолго до вступления человека в т.н. «цифровую эпоху» (рубеж XX–XXI вв., время, когда широким массам стал открыт доступ в интернет и доступны цифровые технологии). Понятия пространства и времени подвергаются значительному пересмотру не в конце XX в., с открытием интернета и мобильной телефонии, а в XIX в., с развитием железнодорожных сетей и передачей мгновенных сообщений посредством телеграфа. Поэтому методологически корректнее, согласно ее позиции, современные социальные практики рассматривать сквозь призму STS подхода. Этот подход, в свою очередь, выстраивается в смысловом противостоянии между технологическим и социальным детерминизмом. В контексте STS подхода техника рассматривается как то, что оказывает влияние на человека и общество, внося значительные коррективы в мир повседневности; вместе с тем, человек и общество также формируют мир технических артефактов. С одной стороны, общество как бы «просеивает» новые технические устройства по критериям значимости, актуальности и применимости их в повседневности; с другой стороны, оно создает поле интерпретации, в котором представлены и существуют артефакты из мира техники.

Джуди Вайсман в рамках STS подхода резюмирует важность рефлексии над миром техники и технологий в XXI в. Обзор современной философской литературы в границах проблемы цифровых технологий демонстрирует, что идеи «цифровой философии» появляются на страницах зарубежных журналов в начале XXI в. Среди релевантных публикаций исследование Edward Fredkin 2003 г. [5]. В нем автор определяет “Digital Philosophy” как новое направление в рамках философии техники. Цифровая философия определяется автором через два концепта: биты – микроскопический уровень информации, и цифровой информационный процесс.

В 2015 г. исследователи из Австрии, Robert Gutounig и Uwe Unterberger, предложили “Web philosophy” в качестве гуманитарного междисциплинарного проекта [7]. По мнению авторов, одной из задач современной философии является т.н. «наведение» мостов, выстраивание диалога между техническими и гуманитарными науками. Поэтому цель веб-философии они видят в концептуализации исследовательских вопросов и создании условий для дальнейших исследований в эмпирически и технически ориентированных дисциплинах. Следует заметить, что термин «веб-философия» в исследовательской литературе значительно менее частотен в сравнении с «цифровой философией».

В подобном контексте «моста» цифровую философию дефинирует Andrej Gogoga, философ из Словакии [6]. Он утверждает, что цифровая философия как современное направление прикладной философии, устанавливает связь между

философией и цифровыми гуманитарными науками (digital humanities). Отсюда ее назначение в том, чтобы концептуализировать и методологически проработать связь между IT и гуманитарными науками.

Как показывают результаты поиска по базе данных РИНЦ, проблематика цифровой философии набирает обороты в отечественных исследованиях. Поиск по запросу выдает уже более 700 публикаций, авторы которых только очерчивают границы исследовательского поля [1, 3, 4].

Кажется, что выстраивание проблематики цифровой философии возможно в результате философской рефлексии следующих процессов:

1. *Топологизация* интернета. Понимание интернета в пространственных границах, как ойкумены, земли, состоящей из доменов и сайтов;

2. *Доместизация* сети, т.е. открытость сети пользователю 24/7;

3. *Профилизация* человека в сети. Представление человеком себя в интернете через создание своих профилей по алгоритмам тех платформ, на которых размещается публичная и приватная информация человека о себе;

4. *Рассеяние* информации о человеке по интернету. Формирование человеком цифровых следов, позволяющее различным агентам формировать представление о нем за границами виртуального;

5. *Метаморфозы* языка. В сети человек находится «online» и фактически доступен для различных электронных сервисов в режиме 24/7. В философском смысле, который еще только предстоит кристаллизовать, мы имеем дело с новым положением человека, – уже не в *космосе*, не в пространстве сосуществующих тел, пребывающих в измерениях поверхности и глубины, высоты и низа, горнего и дольнего, а в *нетосе*, – пространстве кодированных проекций на плоскости.

Список литературы

1. *Skowroński K.P.* Philosophy in Digital Culture: Images and the Aestheticization of the Public Intellectual's Narratives // *Eidos. A Journal for Philosophy of Culture*. 2020. Vol. 4. №1. P. 23-37.
2. *Вайсман Дж.* Времени в обрез. Ускорение жизни при цифровом капитализме. Россия: ЛитРес, 2020.
3. *Fredkin E.* An Introduction to Digital Philosophy // *International Journal of Theoretical Physics*. 2003 Vol. 42. P. 189-247.
4. *Gutounig R., Unterberger U.* Conceptualizing Web Philosophy: Humanities and the Analysis of the Digital Society // *The International Journal of Critical Cultural Studies*. 2015. Vol. 13 (3). P. 23-32.
5. *Gogora A.* Digital humanities and philosophy A problem of digital research // *World Literature Studies*. 2016. Vol. 8(3). P. 104-114.
6. *Артамонов Д.С., Устьянцев В.Б.* Цифровая философия истории: постановка проблемы // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2020. Т. 20. № 1. С. 4-9.
7. *Соколова Т.Д.* Философия и цифровые исследования гуманитарных наук // *Цифровой ученый: лаборатория философа*. 2021. Т. 4. № 4. С. 132-144.
8. *Сорочайкин А.Н., Сорочайкин И.А.* Формирование цифровой философии и цифрового человека в цифровой реальности // *Основы экономики, управления и права*. 2021. № 4 (29). С. 7-10.

Экспериментальная нейрoэтика: автономия vs патернализм

Вадим Ю. Перов

*кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В исследовании рассматриваются проблемы моральной автономии в контексте современной нейрoэтики. Изучение феномена когнитивных искажений под влиянием возникновения и развития поведенческих наук и экспериментальной моральной философии породили попытки этического оправдания возрождения морального патернализма. В исследовании показано, что обращение к практикам морального патернализма не только нарушает автономию личности, но и связано с нарушением принципов информированного согласия и морального равенства.

Ключевые слова: экспериментальная нейрoэтика, автономия личности, патернализм, информированное согласие, моральное равенство

Experimental neuroethics: autonomy vs paternalism

Vadim Yu. Perov

*Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*

Abstract. The study examines the problems of moral autonomy in the context of modern neuroethics. The study of the phenomenon of cognitive distortions under the influence of the emergence and development of behavioral sciences and experimental moral philosophy gave rise to attempts to ethically justify the revival of moral paternalism. It is shown that the appeal to the practices of moral paternalism not only violates the autonomy of the individual, but is also associated with a violation of the principles of informed consent and moral equality.

Keywords: experimental neuroethics, personality autonomy, paternalism, informed consent, moral equality

Проект РФФИ №20-011-00124

«Трансформация нравственной культуры под влиянием нейронаук».

За последние столетия одним из лейтмотивов развития этики была идея моральной автономии. Не имея возможности подробно останавливаться на различных ее теоретических и практических интерпретациях, следует обратить внимание на центральную предпосылку: люди понимаются в качестве морально вменяемых и самостоятельных существ. В более расширенном виде это можно сформулировать следующим образом: люди являются разумными в том смысле, что они в состоянии осознавать причины (мотивы) своих, в том числе моральных действий и могут на этих основаниях выстраивать контролируемое, то есть ответственное поведение. Конечно, это не происходит само собой, а требует от людей определенных усилий, прежде всего, связанных с их интеллектуальными способностями («развитие разумности»). Исторически такая установка нашла наиболее яркое выражение в знаменитой работе И. Канта «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?». В ней он формулирует главные тезисы моральных установок на автономию личности, в том числе отказ от этического патернализма. Под последним в широком смысле понимается необходимость моральной опеки за людьми как за «малыми и неразумными детьми», которые не знают, и что самое главное, не могут знать, в чём их благо. Следовательно, они оказываются неспособными к правильному моральному поведению, поэтому нуждаются в направляющей силе со стороны «старших товарищей», знающих, в чем это благо и умеющих «наставлять на путь истинный». Не

отрицая возможность и необходимость патерналистического отношения в особых, специально оговоренных случаях (например, несовершеннолетние, имеющие ограничения по дееспособности и т. д.), а также наличие патерналистических элементов в современном законодательстве и социальной политике (например, социальное страхование), следует согласиться с Э.Фроммом и его идеями об авторитарной и гуманистической этиках. Возможный морально оправданный патернализм обусловлен различиями в количестве имеющихся у людей знаний (рациональная компетентность).

Ситуация существенно изменилась в конце XX в. в связи с развитием когнитивных наук и появлением интереса к такому феномену как когнитивные искажения. В предельно обобщенном виде суть последних заключается в том, что особенности мышления людей, особенно в плане принятия решений, определяющих им поведение, не может быть представлено исключительно как расчётливо-рациональное мышление. Люди во многих случаях с неизбежностью руководствуются неосознаваемыми побудительными причинами (мотивами), особенно при принятии решений в отношении «правильности» своих предпочтений. Наиболее известной областью исследований, в которой данный феномен оказался востребованным является поведенческая экономика, начало которой положили работы Д. Канемана и А. Тверски, которые в 1974 г. выделили 20 когнитивных искажений. Справедливости ради стоит отметить, что эти исследователи сознательно ограничивали выявленные проблемы принятием статистически обоснованных экономических решений. Но в дальнейшем понятие когнитивных искажений стало активно использоваться за пределами экономических наук и их число постоянно растёт. Одним из следствий стало появление экспериментальной моральной философии, возникновение которой многие связывают с исследованиями Дж. Нобе (J. Knobe). Последний показал, что принятие морально значимых решений и оценок существенно зависит от формулировок описания ситуации («эффект Нобе») и во многом определяется имеющимися у людей неосознаваемыми стереотипами и предубеждениями. Дополнительный интерес к данной проблематике вызвали начатые Дж. Грином и получившие широкое распространение исследования, которые пытаются посредством сканирования мозговой активности найти нейрофизиологические детерминанты принимаемых моральных решений. Эта область современной экспериментальной нейротики в качестве своих теоретико-методологических оснований если не отрицает полностью, то по крайней мере существенно подрывает и ограничивает представления о людях как рациональных, морально вмняемых и самостоятельных существах. Тем самым не только ставится под сомнение идея моральной автономии, но и открываются возможности для расширения морального оправдания патернализма. При этом, для того чтобы это не выглядело возвратом в прошлое, зачастую используется новая терминология. Так, например, по аналогии с «либеральной евгеникой» появилось понятие «либеральный патернализм» (Р. Талер, К. Санстейн), суть которого заключается в том, что если речь идёт о морально правильном выборе, не нарушающем автономию людей и их свободу выбора, то этически оправданно влиять на их поведение. При этом расширенное понимание современного патернализма подразумевает не влияние рационально-компетентного авторитета, а использование процедур и технологий, использующих при помощи когнитивных искажений воздействие на стереотипы и предубеждения, в том числе и на их нейрофизиологические основания.

В качестве наиболее существенных возражений против такого поворота к патернализму можно сформулировать следующее.

1. Одной из существенных теоретических и методологических проблем современной нейротики является их соответствие принципам «информированного согласия», поскольку знание о проводимых в ходе экспериментов воздействиях на когнитивные способности могут существенно повлиять на получаемые результаты.

2. Важным является и то обстоятельство, на которое указывал К. Маркс: о необходимости воспитывать самих воспитателей. Применительно к экспериментальной нейроэтике это ставит вопрос о том «морально правильном выборе», которому мешают когнитивные искажения испытуемых. При этом создается впечатление, что сами экспериментаторы им неподвластны. В совокупности, уже эти возражения ставят под сомнение достоверность выводов из проводимых нейроэтических экспериментов, а также возможность их распространение за пределы экспериментальных условий. Это свидетельствует о том, что современные исследования в области экспериментальной нейроэтики не дают достаточных оснований для смещения позиций от идеи моральной автономии к патернализму.

Информационные технологии как фактор становления постиндустриального тоталитаризма

Александр С. Прошкин
аспирант,

*Российский государственный гуманитарный университет
Россия, Москва*

Аннотация. В данном докладе анализируется роль информационных технологий в формировании постиндустриального тоталитаризма. Эксплицируется центральный тезис классической теории тоталитаризма о ключевой роли технологического фактора в становлении тоталитарных режимов, который затем экстраполируется на общественно-политическую ситуацию начала XXI в. После анализа актуальных процессов цифровизации и сетевизации, автор доклада делает вывод о существовании материальных условий для тотальной реализации постиндустриального тоталитарного проекта.

Ключевые слова: тоталитаризм, неототалитаризм, постиндустриальный тоталитаризм, цифровой тоталитаризм

Information technologies as a factor in the formation of postindustrial totalitarianism Aleksandr S. Proshkin

*postgraduate student
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia*

Abstract. This report analyzes the role of information technologies in the formation of postindustrial totalitarianism. The central thesis of the classical theory of totalitarianism about the key role of the technological factor in the formation of totalitarian regimes is explicated, then it is extrapolated to the socio-political situation at the beginning of the 21st century. After analyzing the current process of digitalization, the author concludes there are material conditions for the total implementation of the postindustrial totalitarian project.

Keywords: totalitarianism, neototalitarianism, postindustrial totalitarianism, digital totalitarianism

Осмысление репрессивных социально-политических систем, сложившихся, главным образом, в фашистской Италии, сталинском СССР и третьем рейхе, продолжалось на протяжении всего XX в. Первые масштабные произведения, на страницах которых вышеперечисленные режимы системно анализировались в качестве «тоталитарных», создаются в начале 50-х гг.: «Истоки тоталитаризма» Х. Арндт (1951) и «Тоталитарная диктатура и автократия» (1956) Ф. Бжезинского и К. Фридриха, аккумулировали идеи Р. Михельса, З. Нойманна, Л. Мизеса, Ф. Хайека, К. Поппера и многих других авторов, изучавших отдельные грани этого сложного общественно-исторического феномена. Х. Арндт, размышляя над спецификой тоталитарных режимов, акцентирует внимание читателей на особенностях тоталитарных движений, а также государственном терроре как *sine qua non* тоталитаризма, который позволяет политическим элитам сначала целенаправленно атомизировать население, а затем мобилизовать изолированных индивидов для реализации хилястических тоталитарных программ [1, с. 423]. В свою очередь, перечень традиционных признаков тоталитарных режимов, отличающих их от всех существовавших ранее в истории типов диктатур, включает, согласно Бжезинскому и Фридриху, следующие характеристики: идеологию, единственную массовую партию, зачастую возглавляемую единственным лидером, систематический террор, а также монополии на СМИ, вооружение и принятие решений в экономической сфере. Однако, несмотря на некоторые различия в определении ключевых признаков тоталитарных систем, Арндт, Бжезинский и Фридрих, главные авторы классической теории тоталитаризма, указывают на центральную роль современных технологий в становлении и функционировании тоталитарных режимов:

«Существенным условием возникновения тоталитарной модели является современная технология. Эта черта тоталитаризма особенно заметно проявляется в

области вооружений и массовой коммуникации, она тесно сопряжена также с осуществлением террора, требующего новейших средств наблюдения за людьми и их перемещениями» [2, с. 87].

Таким образом, согласно классической теории тоталитаризма, для формирования тоталитарных институтов необходим определенный уровень развития науки и техники – в частности, доступность основных средств массовой коммуникации (радио, телевидения, кино, печатной прессы и др.), с помощью которых возможно производить и массовым образом распространять идеологические установки среди населения. Соответственно, за концептуальные скобки тоталитаризма выносятся все социально-политические системы, существовавшие в мировой истории до начала «короткого XX века».

Однако, возможно, что современные технологии являются не только материальным условием возникновения тоталитарных систем, но также определяют потенциальную степень их тотальности? По этой причине потерпели неудачу попытки тотального воплощения тоталитарных проектов в течение прошлого столетия: реальный материально-технический уровень индустриализма не соответствовал тотальным интенциям политических элит (неслучайно авторы знаменитых антиутопий обращались к технологиям будущего для реализации своих художественных замыслов [3]). Следовательно, аутентичный тоталитаризм возможен лишь в условиях развитой технической цивилизации, превосходящей по уровню научно-технологического развития индустриальное общество.

Экстраполируя данный вывод на информационную эпоху, для которой характерны как стремительный НТП в сфере сетевых и цифровых технологий, так и значительное усиление антидемократических тенденций в ряде стран с передовой экономикой (например, США и КНР), можно предположить, что в начале XXI в. складываются уникальные условия для формирования неототалитарных систем постиндустриального типа, потенциальная тотальность которых превосходит репрессивные возможности режимов XX в. Разумеется, формирующийся постиндустриальный тоталитаризм, значительно отличается от своей индустриальной версии. Так, например, под влиянием современных технологий трансформируются механизмы подавления флуктуирующих элементов социально-политической системы: на смену массовым репрессиям приходит точечное отключение пользователей от ключевых сетей, в которых обращаются экономические, социальные и культурные капиталы (на теоретическом уровне специфика данной трансформации хорошо заметна при сравнении концептов «надзора» М. Фуко [4] и «контроля» Ж. Делёза [5]).

Итак, по мнению автора данного доклада, тоталитаризм – это ещё один незавершённый проект модерна, тотальная реализация которого возможна только в условиях информационной цивилизации.

Список литературы

1. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю.А. Кимелева, А.Д. Ковалева, Ю.Б. Мишкенене, Л.А. Седова; Под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996.
2. *Игрицкий Ю.П.* Фридрих К., Бжезинский Зб. Тоталитарная диктатура и автократия: Реферат // Тоталитаризм: что это такое? (Исследования зарубежных политологов): Сборник статей, обзоров, рефератов, переводов. Ч. 2. М., 1993.
3. *Фененко А.В.* Информационный тоталитаризм. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/informatsionnyy-totalitarizm/> (дата обращения: 26.06.2022).
4. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова; Под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.
5. *Делёз Ж.* Переговоры / Пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2004.

Цифра во власти человека:
семиотический взгляд на природу цифровизации сознания

Григорий С. Смирнов
доктор философских наук, профессор
Ивановский государственный университет, Иваново, Россия

Аннотация. Материал посвящен семиотической динамике в рамках перехода биосферы в ноосферу. Показана специфика второй цифровизации сознания. Прочерчена транзитивность семиотических доминант в ноосферной истории человечества. Раскрыта сущность цифровой (числовой) революции сознания. Установлена дополнительность силлогистики и программатики как когнитивных парадигм сложного человеческого сознания. Отмечен фобиагенный характер современного этапа цифровизации сознания, обуславливающий когнитивные откаты в эволюции. Сделан вывод о возможной децифровизации сознания как закономерном этапе когнитивного развития человека и человечества.

Ключевые слова: семиотическая философия, считоводческое сознание, (де)цифровизация сознания, цифровая революция сознания, цифровизированное человечество, силлогистика и программатика, ноосферная цефализация, когнитивный откат

The number under the human's power:
semiotic view on the nature of consciousness digitalization

Grigorii S. Smirnov
Dr. of Sci. (Philosophy), professor
Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

Abstract. The material is devoted to semiotic dynamics within the framework of the transition of biosphere into noosphere. The specificity of the second digitalization of consciousness is shown. The transitivity of semiotic dominants in the noospheric history of mankind is drawn. The essence of the digital (numerical) revolution of consciousness is revealed. The complementarity of syllogistics and programmatics as cognitive paradigms of complex human consciousness is established. The phobiogenic nature of the current stage of the digitalization of consciousness, which causes cognitive rollbacks in evolution, is noted. The conclusion is made about the possible dedigitization of consciousness as a natural stage in the cognitive development of man and mankind.

Keywords: semiotic philosophy, reading consciousness, (de)digitalization of consciousness, digital revolution of consciousness, digitalized humanity, syllogistics and programmatics, noospheric cephalization, cognitive rollback

Семиотическая природа человека – один из существенных выводов философского осмысления сущности человека. Человек создает знаки для того, чтобы по результатам семиогенезиса создавать из знаков предметы. В какой-то мере основной вопрос «семиотической философии» – это вопрос о том, какие системы знаков возможны для воплощения идеального в материальное, виртуального в реальное, сознаниевого в орудийно-деятельностное и организационно-деятельностное. Знак в широком смысле слова предстаёт и как иероглиф (полупредметный знак), и как буква (почти безпредметный знак), и как цифра (небуквенный знак). Если раньше цифры могли обозначаться буквами, то сейчас начался обратный процесс – не только буквы, но и слова и тексты стали обозначаться невидимыми цифрами. Тем самым началась вторая цифровизация человеческого сознания. «Первая цифровизация» сознания была связана с изобретением «систем счисления», на основе которых родились арифметика, алгебра, а затем и «низшая» и высшая математика. «Считоводческое» (а позднее бухгалтерское) сознание всегда сопутствовало развитию человека, дополняя словесное качество цифровым количеством. «Закон взаимного перехода количественных и качественных изменений», по сути, является объяснением того, как соседствуют друг с другом букво-

словесное и цифро-числовое сознание в естественной жизни человечества, его практиках выживания и тонкой подгонки разумных действий.

В ноосферной истории человечества иероглифический знаковый синкретизм постепенно сменился доминированием буквенных репрезентаций мира и человеческой жизни, а затем «диалектика грамматики и арифметики» (а современная «большая математика» и «большая IT-программатика» семиотически предстают как цифро-буквенная ментальная субстанция) привела к тому, что доминантной «закономерно» стала видимо-невидимая цифра. Мифологическая формула «видимо-невидимо» (в значении «очень-очень много») отражает гносеологическо-эпистемологическую ситуацию, когда человек сталкивается с такими познавательными сложностями в реализации своей жизни и моделей своего выживания, что сил собственного индивидуального сознания и даже коллективного разума оказывается недостаточно. Возникает ситуация подобия, когда слабость человеческих рук (физических сил) привела к превращению лопаты в экскаватор, а слабость человеческого мозга (умственных сил и ментальных способностей) потребовала превращения «доски и мела» в «цифровую машину» компьютера. Человечество вступило в эпоху новой цифровой (числовой) революции сознания, пришедшей на смену буквенно-словесной революции человеческого сознания, которая на тысячи лет определила коэволюционные процессы развития мышления и сознания цивилизованно человечества.

Наступает новая эпоха – эпоха «цифровизованного человечества», которая к естественному разуму с его понятийным мышлением, простой и сложной рациональностью добавляет еще и искусственный интеллект, а это значит, что человек в добавок к силлогистике (как сосчитыванию слов-понятий, предложений-суждений и мыслей-умозаключений) получает возможности «программатики» (фактически электронно-цифрового сосчитывания моделей и форм предполагаемой будущностной реальности). Цифровизация значительно усложнила процесс «опредмечивания и распредмечивания», сделав его похожим на естественный процесс эволюции природы, но при этом значительно сократив время на перебор всех возможных вариантов развертывания человеческого космопланетарного Универсума. История XXI в. показала, что в действительности процесс перехода биосферы в ноосферу оказался значительно более сложным, чем предполагалось учеными ранее, он оказался опосредованным сложной эволюцией техносферы (как сферы усиления человеческих сил до уровня сил самой природы). Стихийное и взрывное развитие техносферы за последние несколько столетий нанесло огромный урон биосферной природе, но возникшие глобальные проблемы заставили человечество переосмыслить технико-технологическое качество своего планетарного бытия, а всеобщая цифровизация стала очередной надеждой на получение адекватных ответов в решении «трудных проблем» перехода биосферы в ноосферу, становления ноосферы.

Цифровизация напугала человечество еще сильнее, чем в свое время его напугала механизация и технизация. Это вполне понятно, так как то, что раньше проходило за столетия, теперь – с ускорением темпов – за десятилетия. Быстрота изменения сознания (как известно, следующего за изменяющимся бытием) приводит в ужас само сознание (самосознание), ибо полностью меняется когнитивная конституция Большой человеческой субъективности, взятой как становящееся единое ноосферное человечество. Человек оказывается мыслящим не как отдельный индивид (хотя такого никогда не было, но предполагалось, что такое возможно), но как организм единого человечества.

Ощущение вхождения в эпоху ноосферной цефализации (когда человек фактически превращается в интернет-нейрон единого мыслительного планетного пространства) закономерно порождает апокалипсический страх, ощущение абсолютной неуверенности и неизбежной растворимости в информационной среде, похожей на бесконечный океан. Эти страхи ведут к «откатам» (по принципу шаг вперед – два шага назад), неизбежным в любом эволюционном процессе, которые становятся больше похожи на революции.

Человечество притормаживает на очередном вираже своей хаотичной истории, чтобы оглядеться, взвесить шансы на успешное преодоление новых рубежей: за глобализацией последовала временная деглобализация, за «цифровизацией» последует «децифровизация». У человечества есть опыт такого совместного мышления, что заставляет думать о том, что выход найдётся, что не человек в конечном итоге окажется во власти цифры, а цифра окажется во власти человека.

Цифровое измерение ноосферной истории:
опыт когнитивно-семиотического анализа

Дмитрий Г. Смирнов

доктор философских наук, доцент

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия

Аннотация. В фокусе внимания автора исследовательское пространство на пересечении проблемных полей ноосферной истории и цифровой истории. Представлен категориальный анализ релевантных клио-парадигм. Показана ограниченность осмысления цифровой истории с инструментальных позиций, характерных для западно-европейской традиции. Предложен компаративный анализ ноосферной истории и цифровой истории через призму системного подхода. Сделан вывод о когнитивном соперничестве семиотического детерминизма и арифметического (цифрового) детерминизма как следствии коэволюции естественного разума и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: ноосферная история, семиотический детерминизм, цифровизация истории, арифметический (цифровой) детерминизм, естественный разум, искусственный интеллект, сетевая история

Digital dimension of the noospheric history:
experience of cognitive-semiotic analysis

Dmitrii G. Smirnov

Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

Abstract. The author focuses on the research space at the intersection of the problematic fields of noospheric history and digital history. A categorical analysis of relevant clio-paradigms is presented. The limited understanding of digital history from the instrumental positions characteristic of the Western European tradition is shown. A comparative analysis of noospheric history and digital history through the prism of a systematic approach is proposed. The conclusion is made about the cognitive rivalry between semiotic determinism and arithmetic (digital) determinism as a consequence of the co-evolution of the natural mind and artificial intelligence.

Keywords: noospheric history, semiotic determinism, digitalization of history, arithmetic (digital) determinism, natural mind, artificial intelligence, net-history

Ускоряющаяся динамика истории провоцирует не только верификацию актуальных клио-концептов, но и фальсификацию новых исторических парадигм, описывающих и объясняющих жизненный путь человечества. Возникшие на рубеже столетий концепции «глобальной истории», «большой истории», «инвайронментальной истории» во многом формализовали историю, сделав акцент на ее количественном измерении. Появившиеся «в дополнение» представления об «универсальной истории», «ноосферной истории» ознаменовали переход к качественной парадигме в понимании исторического процесса.

Ноосферная история как клио-парадигма показывает исторический процесс как разворачивание сознаниевого концепта. Можно говорить о разных сознаниевых концептах – научной мысли как планетном явлении (В. И. Вернадский), коллективном разуме (Н. Н. Моисеев), ноосфере (Вяч. Вс. Иванов). В нашем понимании ноосферная история представляет собой самоорганизующуюся систему, онтологию которой задают духовное производство, семиотический детерминизм и естественный разум. Диалектически ноосферная история являет собой «подстраивание материи под формы духа», когда материальное производство уступает первое место производству духовному. Исторический детерминизм в ноосферной истории обретает семиотическую сущность: история видится не столько как связь фактов, сколько как связь знаков и символов (в которые «превращаются» факты и события). Такой семиотический детерминизм, на наш

взгляд, более исторически продуктивен: он не только анамнестичен, но и диагностичен и прогностичен, что следует из когнитивной специфики знака как такового. Определяющим дискурсом ноосферной истории становится противоречивая дополнительность естественного разума и искусственного интеллекта как главных метаакторов современной истории.

Цифровая история как клио-парадигма – естественный результат процессов глобализации и цифровизации. Цифра как концепт проникла в разной степени практически во все сферы человеческой жизнедеятельности и рефлексии – экономика, (гео)политика, образование, медицина и т.д. Цифровизация истории – закономерный итог тотальной цифровизации бытия. Цифровая история (Х. Салми) в своей исходной трактовке оказывается не столько целостной концепцией, и даже не дисциплиной, а методологией [1, р. 7], или «ветвью исторической практики» [1, р. 78]. В рамках категориального анализа следует скорее говорить об «оцифрованной истории» (цифровизированной истории) как истории, получившей (в плане выражения) новую цифровую форму.

Концепт цифровой истории может быть рассмотрен в рамках ноосферного подхода. В этой системе референций следует вести речь не о цифровой истории в значении, обозначенном выше, а о «сетевой истории» [2], рядоположенной западноевропейской «связанной истории» (Л. П. Репина), «в которой историк действует как своего рода электрик, восстанавливая континентальные и межконтинентальные связи, которые национальная историография запутала, пытаясь сделать их границы непроницаемыми» [2, р. 30]. Информационно-цифровая метафора электрика в гуманитаристике может быть трансформирована в метафору семиотика, который восстанавливает символические связи посредством анализа исторических фактов как знаков. (Наиболее показательным «нарративным» примером такого семиотического связывания – пусть и не совсем в историческом контексте – является роман Умберто Эко «Имя Розы».) На валидность семиотического прочтения «связанной истории» указывает и то, что последняя имеет цель «разрушить разделение между ... "культурными ареалами"» [3, р. 299], то есть глокальными семиосферами, что возможно только через призму анализа знаковой / информационной составляющей.

В контексте представленных выше размышлений цифровая история с формально-логической точки зрения может быть рассмотрена как одно из измерений ноосферной истории эпохи информатизации. Цифровая история (как и ноосферная история в целом) в онтологическом ключе «подчиняется» основному ноосферному закону (И.В. Дмитриевская) – информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество. Однако, в отличие от ноосферной истории ее онтологию задают цифровое (материально-платформенное) производство, арифметический (цифровой) детерминизм и искусственный интеллект.

Цифровое производство (прежде всего, производство сетевого контента) имеет выраженную специфику. Если для духовного производства характерен акцент на производстве (генерации) новой информации, то цифровое производство «переносит» акцент на обмен и распределение. В рамках духовного производства генерация информации задается герменевтическими и интерпретативными практиками. Цифровое производство обуславливается гиперссылочными (ре)презентативными (в лучшем случае) или плагиат-практиками. Использование подобных гносеологических практик создает предпосылки для формирования арифметического (цифрового) детерминизма, в чем-то схожего с жестким (ньютоновско-лапласовским) детерминизмом. Отличительной чертой арифметического детерминизма является ориентация на простые (преимущественно двоичные), закрытые причинно-следственные связи, фактически лишаящие познающего субъекта когнитивной свободы. В когнитивном контексте знак всегда диалогичен (оставляет свободу выбора, в том числе и экзистенциального), тогда как цифра – монологична (императивна). По аналогии с киномышлением (Ж. Делез) возникает

феномен соцсетового мышления, где информация биологизируется, превращаясь в своего рода еду, а итог целеполагания видится в насыщении, а не в рефлексии. Антропологическую опасность представляет не сам арифметический, или алгоритмический детерминизм (он всегда присутствует на определенном этапе онтогенеза), а гиперболизация его когнитивной эффективности и продуктивности. Искусственный интеллект (даже в его слабой форме) в немалой степени трансформирует когнитивные способности современного человека. Беспокойство вызывает то, что ноосферная цефализация идет не по интенсивному, а по экстенсивному варианту развития, сокращая функционал памяти как ядра сознания, алгоритмизируя («оптимизируя») мыслительные операции, виртуализируя деятельностные практики, обедняя творческие интенции.

Подводя итог изложенным выше кратким размышлениям, подчеркнем, что соперничество естественного разума и искусственного интеллекта и, соответственно, семиотического детерминизма и арифметического (цифрового) детерминизма в контексте их коэволюции выигрывает на настоящий момент цифровизированный естественный интеллект. Этот кажущийся шаг вперед по когнитивно-семиотической лестнице (В. Кох), на самом деле может оказаться двумя шагами назад.

Список литературы

1. *Salmi H.* What is Digital History? Medford: Polity Press, 2020.
2. *Douki C., Minard P.* Histoire globale, histoires connectées: un changement d'échelle historiographique? Introduction // *Revue d'histoire moderne & contemporaine*. 2007. Vol. 5. № 54-4. P. 7-21.
3. *Subrahmanyam S.* Connected Histories: Notes towards a Reconfiguration of Early Modern Eurasia // *Lieberman V.* (ed.) *Beyond Binary Histories: Re-imagining Eurasia to c.1830*. MI: University of Michigan Press, 1999. P. 289-316.

Отчужденная телесность в эпоху современной экотехники

Анастасия А. Торопова

кандидат философских наук

РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Москва, Россия

Аннотация. В статье развивается концепция отчуждения Маркса. Помимо выделенных им четырех стадий отчуждения, автор выделяет пятую стадию - отчуждение от собственного тела, которое появляется в эпоху цифровизации общества. Автор статьи прибегает к термину французского философа Жан-Люка Нанси "экотехния", которое помогает осмыслить техническую среду как "ойкос" современного человека, которая способствует тому, чтобы проблематизировать тело в качестве неотъемлемой части идентичности человека.

Ключевые слова: телесность, тело, отчуждение, экотехния, техносфера, Маркс, Нанси

The alienated corporeality in the age of contemporary ecotechnics

Anastasiya A. Toropova

Cand. of Sci. (Philosophy)

Gubkin State University of Oil and Gas, Moscow, Russia

Abstract. The article develops Marx's concept of the alienation. In addition to his four stages of the alienation, the author identifies a fifth stage - alienation from one's own body, which appears in the era of digitalization of society. The author resorts to the term of French philosopher Jean-Luc Nancy "ecotechnics", which helps to comprehend the technical environment as an "oikos" of modern man, which contributes to the problematization of the body as an integral part of human identity.

Keywords: corporeality, body, alienation, ecotechnics, technosphere, Marx, Nancy

Категория отчуждения благодаря немецкой идеалистической философии Фихте, Шеллинга и Гегеля стала актуальной в философии XIX в. Ницше писал, что отчуждение возникает, когда культурный человек блокирует свои инстинкты. Фрейд интерпретировал отчуждение как конфликт культуры и желаний. Карл Маркс в работе Экономическо-философские рукописи 1844 г. разработал оригинальную концепцию, согласно которой отчуждение – это состояние, в котором люди ощущают неподлинность своего существования, перестают творить и чувствовать себя свободными. По Марксу, феномен отчуждения выражается в том, что рабочий создает вещи и при этом воспринимает их как чужие предметы, которые восстают против него – обогащают других и обедняют творца. Маркс писал, что в период капиталистической формации дух отчуждения охватывает все общество.

Сегодня добавляется новый фактор, влияющий на социальную жизнь, и усугубляющий процесс отчуждения: в современную цифровую эпоху развивается особого рода экотехния. Жан-Люк Нанси вводит термин «экотехния» (écotechnie), образованный из древнегреческих слов: οἶκος («обиталище, жилище, дом») и τέχνη («искусство, мастерство, умение»). Будучи по своей сути разновидностью техники, экотехния особым образом подключает нас к искусственным приспособлениям [1]. Манипулируя людьми посредством техники, вписанной в культуру, экотехния помогает удовлетворять потребности и желания, но вместе с тем создает отчуждение в межлической коммуникации.

Стоит обратить внимание на то, что возникает новый тип отчуждения, который не был зафиксирован Марксом – это отчуждение человека от собственной телесности. Телесность – это неотъемлемая составляющая любой человеческой идентичности, которая

является не естественным образованием, а формируется как культурный конструкт. Для начала следует различить понятия тело и телесность, поскольку зачастую их используют как синонимы. Тело – это природная вещь, телесность – процесс и результат культурного воздействия, это искусственно созданная система отношений между плотью и наносимыми на нее знаками культуры.

Маркс одним из первых стал трактовать телесность как эффект общественных отношений. Это позволило включить телесное измерение человека в философскую систему. Человек вынужден трудиться, что побуждает его расширять диапазон своих телесных возможностей. Именно в процессе труда человек конструирует собственное тело. «Предмет, которым человек овладевает непосредственно, — мы не говорим о собирании готовых жизненных средств, например, плодов, когда средствами труда служат только органы тела рабочего, — есть не предмет труда, а средство труда. Так данное самой природой становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлиняя таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего» [2, с. 190].

Не только процесс труда влияет на формирование человеческого тела, но также и результаты труда. Всякая экотехния порождает медиа. Мы понимаем медиа в духе Маршалла Маклюэна широко - как любую форму передачи чувственного опыта и мыслительных процессов человека [3].

С одной стороны, медиа — это неотъемлемая часть антропогенеза, человек — это медийное животное. Ведь медиа это протезы наших тел, которые расширяют возможности каналов восприятия. С другой стороны, медиа сами структурируют и оформляют поступающий к человеку поток информации. И эти эффекты медиа в цифровую эпоху практически невозможно полностью отрефлексировать. Маклюэн для описания этого эффекта ввел специальный термин – «нарциссический наркоз», который бы описал эту ситуацию, когда человек не замечает психических и социальных последствий влияния технологий на себя, людей и мир. Любая человеческая культура — это способ расширить человеческие возможности. Все вещи, которые нас окружают, – это телесные амплификаторы, то есть расширители свойств и возможностей тела. Как и Маклюэн, Маркс также указывал на компенсаторный характер отношений человека с миром: природное тело, присущее человеку, в процессе труда обнаруживает свою ограниченность, что вынуждает человека искать во внешнем мире материалы и инструменты, помогающие человеку выживать и удовлетворять свои потребности. «Родовая жизнь как у человека, так и у животного физически состоит в том, что человек (как и животное) живет неорганической природой, и чем универсальнее человек по сравнению с животным, тем универсальнее сфера той неорганической природы, которой он живет. <...> Практически универсальность человека проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его неорганическое тело, поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности. Природа есть неорганическое тело человека, а именно - природа в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело. Человек живет природой. Это значит, что природа есть его тело, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть» [4, с. 564-565].

Поскольку человеку свойственно укореняться в мире, в этом ему помогает техника, которая, с одной стороны, расширяет возможности человеческого тела, но с другой, формирует ложный образ человеческого тела как вещи, инструмента в ряду прочих инструментов. Хайдеггер сделал вывод, что тело отчуждается от человека, если мыслить его инструментально, используя для представления тела образ машины: «тело не менее мифологично, чем душа. В древних культурах главенствующим образом действия тела было в первую очередь священнодействие, ритуал, а это никакая не машинальность» [5]. Эти рассуждения Хайдеггера приводят нас к мысли о том, что телесность человека

формируется в зависимости от того, как человек выстраивает отношения с миром – как он пользуется языком, техникой и другими культурными посредниками.

В цифровую эпоху развивается виртуальное пространство, вследствие чего проблематизируется сама необходимость для человека тела. Радикальный проект предложила киберфеминистка Донна Харауэй: увидеть в цифровом пространстве не опасность, а освобождение, возможность получить протеичную бестелесную личность – которая способна отказаться от границ, заданных телом. Кроме того, тело не только является «темницей души», которая страдает, стареет и подвластна смерти. Из опыта тела рождается дуальность мышления, которая сковывает разум бинарными оппозициями. освободить человека от влияния тела. Но это можно осуществить лишь в киберпространстве, в виртуализированном мире. Харауэй считает, что там человек сможет проявить свою субъектность как полную свободу от каких-либо ограничений – возраста, пола, даже принадлежности к человеческому роду [6].

Экотехния – это способ производства пространства для жизни. А расширение власти виртуального пространства углубляет не коллективное сознание, а индивидуализированное. Происходит отчуждение между людьми нового - пятого - порядка, о котором Маркс еще не догадывался. Термин *écotechnie* выражает состояние пантехнизма, в котором *oikos* является обителью технизированных тел, а инструменты и разного рода техника становятся продолжением индивидуализированных тел.

Сегодня экотехния по сути создает гомогенное время и пространство, которое создает предрасположенность для эскапизма и одиночества, но не для создания коллективов и творческой деятельности.

Список литературы

1. *Нанси Ж.-Л.* Corpus. М.: Ad Marginem, 1999.
2. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т.1 (Кн.1) // Сочинения в 39 т. Т. 23. М., 1960.
3. *Маклюэн М.* Понимание медиа. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц., Кучково поле, 2003.
4. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Фр. Энгельс Из ранних произведений. М.: Госу. изд-во полит. литературы, 1956. С. 517–642.
5. *Мурзин Н.Н.* Хайдеггер о технике: существо вопроса // Vox. 2009. № 6. URL: <https://vox-journal.org/content/vox6murzin.pdf> (дата обращения: 03.03.2022).
6. *Харауэй Д.* Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство: Антология: 1970–2000. М.: РОССПЭН, 2005. С. 322–369.

Роль деятеля в цифровом универсуме

Анастасия Б. Тупиленко

*соискатель, Севастопольский государственный университет
Севастополь, Россия*

Аннотация. В современной научной литературе концепт «деятель», почти не затрагивался, специально не исследовался и остаётся малоизученным. Понятие «цифровой универсум» включается в информационно-аналитический раздел научного знания (big data) и философских наук в частности, и распространяется далеко за пределы отношений человек-общество, охватывая отношения человек-техника, человек-космос. В условиях глобального мировоззренческого кризиса идея деятеля прежде всего как мыследеятеля приобретает особую актуальность. Деятель рассматривается как сеятель справедливости в мире, а степень «деятельностного» оценивается как мера человеческого начала в человеке.

Ключевые слова: деятель, цифровой универсум, ответственность, справедливость

The role of the figure in the digital universe

Anastasiya B. Tupilenko

applicant, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

Abstract. In modern scientific literature, the concept of "doer" has hardly been touched upon, has not been specifically studied and remains poorly understood. The concept of "digital universe" is included in the information and analytical section of scientific knowledge (big data) and philosophical sciences in particular, and extends far beyond the human-society relations, covering the relations of man-technology, man-space. In the context of a global ideological crisis, the idea of a figure, first of all, as a follower, becomes particularly relevant. A doer is regarded as a sower of justice in the world, and the degree of "activity" is assessed as a measure of the human principle in a person.

Keywords: figure, digital universe, responsibility, justice.

Современное человечество имеет всё большее к отношению к цифровой реальности и новым цифровым технологиям, человек взаимодействует с техникой чаще, чем когда-либо в истории. Эти «близкие» отношения между человеком и техническими устройствами можно смело назвать тесным сотрудничеством. И самой главной задачей в данном консумеризмическом взаимодействии представляется ценностный аспект, а так же момент целеполагания.

Ответ на вопрос: «Что делает IT-сфера и Цифра вообще с человеком»? кроется в сущности того, что можно сегодня называть цифровым универсумом (*digital universe*). Процесс постепенной трансформации человеческих взаимоотношений, форм их коммуникаций, включая самих людей, т.е. преобразовании их в цифровой код (qr-код) происходит неизбежным и естественным образом, похожим на завтрашний день и будущее вообще. Полнота переживания собственной жизни реализуется человеком через осознание себя как неотъемлемой части Универсума. Цифровой универсум как современная реальность даёт нам представление о нас самих. Человек есть деятель, это самое адекватное определение, которое вмещает представления о человеке как микрокосме и самотождественном элементе равном всему человеческому роду. Поступки деятеля совершаются во благо всего человечества, руководимые высшими жизненными ценностями: самоотречение, самоотвержение и подвижничество. Это атрибуты человеческого начала в человеке-деятеле.

Ключевую роль деятеля в процессе создания цифровых технологий невозможно переоценить. Деятель реализуется в пространстве науки, культуры и философии в движении между опасностью и спасительным освобождением и порабощением,

активностью и пассивностью. Чрезвычайно важен вопрос: «Каковы возможные сценарии социальной игры и актуальные представления с участием деятеля в цифровом пространстве»? Вариантами возможных сценариев в качестве ответа на этот значимый вопрос думается будут следующие:

- Россия, в условиях надвигающейся изоляции, будет самостоятельной системой во всех сферах жизнедеятельности;
- в России автономизируется сеть Интернет;
- будут приниматься независимые стратегические решения в сторону развития новых цифровых технологий;
- усовершенствуется инновации и методология науки, изменится образ повседневной жизни населения;
- произойдёт полная перефокусировка народного сознания и перенаправление мышления в массовом порядке, направленное на борьбу за передовые технологии;
- переформулируются цель и задачи технологического развития нашей страны;
- произойдёт суверенизация национальной денежной системы;
- экстенсификация евразийской интеграции.

Вышеперечисленные возможные сценарии являются одновременно и условиями, а соблюдение этих условий представляются усилением мер национальной безопасности России.

Евразийская интеграция является неизбежной, поскольку занимает крупнейший континент на земном шаре, постсоветские страны расположены максимально удачно в геополитическом отношении. Единая евразийская государственная структура сможет контролировать бы два из трёх самых развитых и экономически продуктивных мировых регионов. Один взгляд на карту позволяет представить позитивные перспективы развития России и общества, населяющего эти просторы. Понимание, что приблизительно 75% мирового населения живёт в Евразии, и большая часть всех природных источников также находится там как в её недрах. Биометрические данные Евразии также внушают надежду на светлое будущее, ведь они свидетельствуют, что и промышленные предприятия данного региона производят около 60% мирового ВВП и около трёх четвертей известных мировых энергетических запасов.

В геополитическом и чисто физическом плане, Евразия хорошо структурирована и целостна, но слишком большие территории, чреватые тем, что в ментальном и политическом отношениях им сложно сохранять должное единство. Идеальным сценарием обозримого будущего представляется глубокая, внутривнутриполитическая кооперация и многоуровневое единство Евразии вокруг общей цели – мировое лидерство. Достижение этой благой цели помогло решить целый ряд проблем современности: урегулирование конфликтов и устойчивый мировой порядок. Сохранение корреляций во всех сферах жизнедеятельности между странами на постсоветском пространстве способствуют укреплению идеи евразийской интеграции. Цифровые технологии всё более насыщают пространство евразийского универсума – это данность и неспоримый факт. Роль деятеля, как человека разумного, состоит в том, чтобы подчинить мысль своей воле. Наладить внутренний диалог. Внутреннюю суть структурировать согласно аксиологическим установкам. Человечество либо полностью перестроится под мыследеятельное начало внутри себя, либо исчезнет. Широкий диапазон возможностей открыт перед человечеством: ему предстоит саморазвитие, самоосмысление и детальная рефлексия по поводу исторического момента для того, чтобы сделать выбор между смертью (децифровка) и жизнью (оцифровка). Внутренний мир современного человека чрезвычайно интересен и богат: подвижен, благоразумен и любвеобилен.

Современному человеку, абсолютно каждому, необходим план его действий и жизни: в нём необходимо прописать полезные, благородные цели, наполнить повседневность ответственным трудом и благом.

Необходимо убедить его в твёрдом осознании собственной ценности потому, как он не достаточно устойчив. Твёрдость и постоянство ведут к укреплению воли. Рекурсия воли отразится и на других областях жизни: карьера, здоровье, досуг, благосостояние и самореализация. Нужно самую кропотливую и скучную деятельность превратить в осознанное действие. Деятель сможет выполнить с удовольствием то, что другим не по силу. Разумный человек, даже в цифровую эпоху – не сможет быть механическим работником, деятель, по-прежнему, остаётся разумным и справедливым человеком.

Резюмируя отметим: деятель – это носитель эйдетической (Платон) идеи справедливости.

Деятель является мыслителем – это императив (Кант), поскольку без предварительно посланной мысли отсутствует и само действие. В идеале, цель деятеля как человека разумного подчинить мысли своей воле. Наладить внутренний диалог. Деятель в состоянии свою внутреннюю суть структурировать согласно аксиологическим установкам. В обозримом будущем человечество раскроет свой мыследеятельный (Л.С. Выготский) потенциал.

Вывод: Целеустремлённость и целеполагание отличают людей от животных. Деятельность всегда детерминирована целью. Статистические исследования подтверждают тезис о том, что в большинстве своём люди ставят цели, т.е. способны к процедуре целеполагания. Очевидно, что деятель – это, прежде всего, мыследеятель, и в контексте цифрового универсума ему всё ещё присущи атрибуты «человеческого». Разумный человек, даже в цифровую эпоху – не сможет быть механическим работником, деятель, по-прежнему, остаётся разумным человеком.

Лайфлог в контексте Digital Humanities: стратегии цифровизации памяти

Елена Э. Чеботарева

кандидат философских наук,

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Доклад рассматривает практику лайфлогинга – ведение цифрового дневника с тотальным документированием поступающей информации – как один из проектов в сфере Digital Humanities. Автор оценивает перспективы лайфлогинга в современном цифровом пространстве, обращая внимание на то, что эта практика не оправдывает изначально возложенных на неё ожиданий.

Ключевые слова: лайфлог, лайфлоггинг, дигитализация, большие данные, память

Lifelog in the context of digital humanities: Strategies for memory digitization

Elena E. Chebotareva

Cand. of Sci. (Philosophy),

Saint Peterburg State University

Saint Peterburg, Russia

Abstract. The talk considers the practice of lifelogging - keeping a digital diary with total documentation of incoming information - as one of the projects in the Digital Humanities field. The author assesses the prospects of lifelogging in the modern digital space, paying attention to the fact that this practice does not justify the expectations originally placed on it.

Keywords: lifelog, lifelogging, digitalization, big data, memory

История лайфлога формально начинается с проекта Гордона Белла (2004), исследователя Microsoft Research, который стремился к тотальному фиксированию и сохранению личной информации. Хотя следует отметить, что Белл не был первооткрывателем лайфлоггинга, профессор из Торонтского университета Стив Мэнн уже в 1994 г. он начал круглосуточно транслировать в интернете данные о своей повседневной жизни, полученные с помощью носимой камеры и через несколько лет запустил сообщество лайфлоггеров.

Собственно, направление Digital Humanities, как отмечает исследователь этой области Манфред Таллер, начинается с проекта оцифровки библиотеками печатных изданий. Далее решаются проблемы специфики работы с данными, разработки более совершенного инструментария, сохранения оцифрованного наследия и так далее [1]. Очевидно, что такая стратегия как лайфлог является одним из ярких примеров проектов в сфере Digital Humanities.

Белл начинал с оцифровки книг, затем сканировал все фото и документы, попадавшие ему в руки, и в итоге пришел к выводу, что хорошо бы оцифровывать, структурировать и сохранять любую входящую информацию. Он также решил использовать геотрекер, сохраняющий данные о своих перемещениях, и камеру SenseCam с инфракрасным датчиком и сенсором освещённости, фиксируя все свои передвижения и всех людей, попадавших в кадр. Научно-исследовательский проект Белла длился 15 лет, за это время он накопил 150 тысяч фото, 750 тысяч оцифрованных страниц текста и 20 тысяч сообщений электронной почты. Размышляя над смыслом и результатами своего исследования, Белл написал несколько книг, отмечая превосходство подобной цифровой памяти над биологической, которая, как известно, достаточна слаба и уязвима, и при этом не предназначена для хранения такого объема информации.

Лайфлоггинг можно рассматривать как технологическое продолжение ведения дневника. Однако в данном случае человек представляется не субъектом исследования собственного бытия, а объектом, пассивно фиксирующим непрерывный поток «входящей информации», которая затем ожидает своего структурирования. В этом смысле мы работаем не с личным опытом субъекта, а с тем, что можно назвать формированием базы больших данных, учитывая, что потоки информации коррелируются между собой (например, с помощью показателей носимых медицинских гаджетов оценивается реакция на документируемые впечатления), а затем загружаются на внешний ресурс. Добровольно передавая данные исследователям, человек может узнать о некоем общем паттерне в своем поведении, что, вероятно, поможет ему понять свою специфику и перспективы, иными словами, будет способствовать саморазвитию в том смысле, в котором эта практика понимается в конкретно-историческом периоде.

Идея лайфлоггинга, очевидно, долго «вита в воздухе» в ожидании возможности своей технической реализации, поэтому наиболее интересен вопрос не о том, кто был инициатором этой практики, а о том, какая культурная среда обеспечила предпосылки для появления подобной идеи. При всём при этом мы наблюдаем сравнительно небольшой интерес к лайфлоггингу в настоящее время, учитывая то, какие надежды возлагали на эту практику Белл, Мэнн и другие лайфлоггеры. Очевидно, что к настоящему моменту мы не обнаруживаем тех целей и задач лайфлоггинга, которые могли бы сделать его привлекательным для большинства людей и тем самым способствовать разработке инструментария для работы с массивами личной информации.

С одной стороны, причиной падения интереса к этой практике оправданно считают озабоченность приватностью и безопасностью. С другой стороны, как представляется, для самих пользователей, при глобальной тенденции к паноптикумизации своего существования, возможность формирования некоего привлекательного образа, желанной социальной идентичности с помощью выверенного контента в соцсетях выглядит гораздо более интересной перспективой, нежели нерасчлененный и неотредактированный поток личной информации. Концепция ценности повседневных моментов, развиваемая адептами лайфлоггинга, очевидно, не выглядит достаточно значимой для большинства пользователей. Исследователь Ричард Хирсминк, который занимается экологией памяти и распределенных идентичностей в конструировании нарративных ниш, отмечает, что личное прошлое субъекта становится строительным материалом повествовательной идентичности «Я», иными словами, воспоминания всегда структурируются и редактируются [2]. Возникает вопрос, возможно ли создать подобную компьютерную программу, работающую над личными «большими данными» с целью формирования идентичности субъекта, и насколько эта опция может быть востребована. Кроме того, важным философским вопросом остается структура воспоминаний в ценностном контексте и степень её зависимости от биологических и культурных детерминант.

Список литературы

1. Thaller M. Controversies around the Digital Humanities // Historical Information Science. 2012. № 1. P. 5-13.
2. Heersmink R. Narrative niche construction: Memory ecologies and distributed narrative identities // Biology and Philosophy. 2020. Vol. 35(5). P. 1-23.

Наука и техника как идеология в эпоху цифровых технологий

Лада В. Шиповалова

доктор философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Институт философии РАН, Москва

Россия

Аннотация. Описывается проект Франкфуртской школы, предполагающий критику науки и техники как идеологии, а также развитие этого проекта в критической теории технологий Э. Финберга. Ставится вопрос о том, насколько возможна легитимация науки и технологий в современности, учитывающая их неизбежную связь с социально-политическим контекстом и идеологией. Выдвигается тезис о том, что в контексте этой легитимации конструктивно применять различие реальной и формальной предвзятости Финберга к совместному анализу науки и технологий, делая акцент на том, что структура цифровых технологий может соответствовать как легитимации господствующего дискурса, так и его критике.

Ключевые слова: наука, цифровые технологии, идеология, рациональность, легитимация

Science and Technology as ideology in the digital era

Lada V. Shipovalova

Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia

Abstract. The paper describes the project of the Frankfurt School, which involves the criticism of science and technology as an ideology, as well as the development of this project in the critical theory of technology by A. Feenberg. The author discusses the question on legitimization of science and technology in contemporaneity, taking into account their inevitable connection with the socio-political context and ideology. She puts forward the thesis that discussing such legitimation, it is constructive to apply the distinction between real and formal bias to the joint analysis of science and technology, emphasizing that the structure of digital technologies can correspond to both the legitimization of the dominant discourse and its criticism.

Keywords: science, digital technologies, ideology, rationality, legitimation

Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ (проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение № 075-15-2020-798).

Для представителей Франкфуртской школы было очевидно, что наука и технологии в XX в. перестают рассматриваться исключительно как силы, обеспечивающие прогрессивное развитие общества [1]. Кроме этого они оказываются средствами легитимации господства, в каком бы классовом обличье оно не представало. Более того, технократия, скрывая свою инструментальную легитимирующую функцию, создает иллюзию альтернативы существующему порядку, вербуя в свои ряды сторонников освобождения, но не обеспечивая их надежды. Потому сегодня иррациональное, субъективное основание научной технологической воли (личностного знания в терминах М. Полани) должно быть не столько объектом защиты от рационализации управления, подобно тому, как это было в эпоху становления научной политики, сколько предметом разоблачения или, скажем мягче, рефлексии. Союз науки и идеологии, давно обстоятельно критикуемый историками науки, должен анализироваться также в своих актуальных выражениях, в том числе и по преимуществу скрываемых под маской объективизма. Такой анализ становится, настоятельно необходимым тем более в эпоху постправды, когда внимание к факту и научному суждению в его репрезентативистской значимости

начинают уступать место в общественном сознании убедительности и практической действенности. Однако критика субъективности науки и технологий сама может стать иррациональной, если она будет отвергать конструктивность своих объектов, не замечать действительную гетерогенность власти, ими обеспечиваемую. Расколдовывание науки и технологий (У. Бек), подобно расколдовыванию мира, совершаемого модерном (М. Вебер), не уничтожает, но проблематизирует их существование, выходящее за рамки само собой разумеющейся легитимации.

Новая легитимация науки и технологий должна удовлетворять нескольким условиям. Во-первых, она должна представлять альтернативную рациональность, не отменяющую, но дополняющую инструментальную технологическую. Следует сказать, что такую работу отчасти осуществляет отечественная эпистемологическая традиция, эксплицируя содержание неклассической или рефлексивной научной рациональности. Кроме того, понимание «дискретности» сознания (М.К. Мамардашвили) может быть соединено с идеей «ситуационного знания» (Д. Харауэй) и раскрыто через конкретику современных социальных и гуманитарных исследований, рефлексующих собственную неустранимую субъективность. Во-вторых, такая легитимация должна быть не только эпистемологической, демонстрирующей неполноту и субъективный характер классической науки, но и социально-политической, раскрывающей неустранимость, но вариативность связи науки и идеологии. Остановимся немного подробнее на этом условии. Следует отметить, что даже историко-научные исследования, обращающиеся к существованию науки, например, в советский период в России, в эпоху Третьего Рейха в Германии или маккартизма в США, отмечают, что не всегда идеологические аргументы негативно влияли на развитие исследований или становление институциональной определенности дисциплин [2]. Хотя, из этого не следует, что активизация научных дискуссий или реализация изобретений с качестве следствий могут служить оправданием идеологического давления на исследования как одной из их причин. Такое отношение демонстрирует, скорее, связь политического и эпистемического контекстов знания в эпоху после научно-технической революции, связь, которая может быть не только линейной, но и коммуникативной (Ю. Хабермас).

Дополнительную альтернативу способа взаимодействия политического и эпистемического аспектов развития науки и технологий раскрывает Э. Финберг, различая реальную и формальную предвзятость [3]. Первая представляет собой классический способ действия идеологии, при котором частное представление, скажем производимая в определенных политических интересах низкая оценка интеллектуальных или физических особенностей какой-то общности, выдается за всеобщее, научно обоснованное суждение, и таким образом служит основанием дискриминации. Такого рода идеологическое «включение» обнаруживается в социальных науках особенно в периоды международных конфликтов, когда ученые посредством «войн духа» становятся актуальными участниками политики воюющих государств [4]. Несмотря на то, что ученые в таких ситуациях по большей части отдают себе отчет в различии идеологических и научных элементов их дискурса, критическая составляющая научных суждений и полнота анализа причинных связей как правило приносятся в жертву политической действенности выводов. Связь науки с такой реальной предвзятостью представляет собой закономерный предмет философской критической рефлексии.

Формальная же предвзятость, в соответствии с идеей Финберга, обнаруживает, что структурная определенность технологии – например конвейерного производства, заставляющего включенных в него рабочих механически повторять одну и ту же операцию – создает условия «приспособления» ее для системы угнетения [2, с. 223]. Важно, при этом, что такого рода приспособление присутствует в самой структуре технологии, а не навязывается ей как нейтральной извне, а также то, что приспособление может быть различным. Так, можно представить себе технологии, структура которых отвечает не угнетению, но освобождению. Такого рода технологией оказывается, скажем,

зимбабвийский втулочный насос, гибкость которого в процессе функционирования делает его моментом, включающимся в сотрудничество жителей деревни, которое является как причиной работоспособности технологии, так и ее следствием [4].

То есть формальная предвзятость технологии может быть поводом ее как позитивной, так и негативной оценки. Кроме того, социально-политический смысл технологии процессуален и создается и трансформируется совместно с использующим ее сообществом. Финберг в этом контексте приводит в пример Интернет, развитие которого изменяет его от средства коммуникации, осуществляемой в военных целях, до сети публичного пользования, обеспечивающей открытость и вариативность информации и, оказывающейся, в силу этого, условием информационного противостояния пропагандистскому ресурсу тоталитарных обществ. Представляется, что критическая теория технологий, осуществляющая развернутую рефлексию идеологии относительно техники, может быть применена и к науке. Такого рода применение представляется третьим условием современной легитимации науки и техники. Классическая научная рациональность, построенная по образку техники, осуществляет в современности легитимацию господства, используя технологии, в том числе цифровые, в качестве инструмента этого господства. Можно ли в результате анализа структуры встроенных в научное исследование современных цифровых технологий, раскрыть их, а также соответствующую им научную практику как «приспособленную» и для освобождения? Если на этот вопрос может быть дан положительный ответ, то получит дополнительное технологическое обоснование новая научная нормативность, включающая открытость научных выводов публичным дискуссиям, творческое взаимодействие ученых с непрофессионалами в процессе исследовательских практик, а также заботу об этической релевантности исследований и их результатов. При этом сами технологии будут конкретизированы посредством науки в своей неизбежной, но адекватной прогрессивному общественному развитию социально-политической ангажированности.

Список литературы

1. *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология» // Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М., 2007. С. 50–116.
2. *Walker M.* Introduction. Science and Ideology // Science and Ideology. A Comparative History / Ed. by M. Walker. London and New York, 2003. P. 1–16.
3. *Финберг Э.* Средство как смысл: рациональность и действие в критической теории технологий // Онтологии артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира / Под ред. О.Е. Столярова. М., 2012. С. 214–248.
4. *Гурный М.* Великая война профессоров. Гуманитарные науки. 1912-1923. СПб., 2021.
5. *Лэст М. де, Мол А.* Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии // Логос. 2017. Т. 27. № 2. С. 171–232.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ В ПРОЕКЦИЯХ

Свет *Алетейи* «Тёмного» Гераклита

Татьяна Б. Батыр

кандидат философских наук

*Тараклийский государственный университет им. Гр. Цамблака
Кишинёв, Республика Молдова*

Аннотация. Рассматриваются смыслы основных положений Гераклита из Эфеса, показано их непреходящее значение для развития философского мышления, привлечено внимание к многофункциональности образа реки, обосновывается необходимость включения гераклитовского наследия в горизонт знаний современного человека

Ключевые слова: Гераклит из Эфеса, «Тёмный», Алетейя, Πάντα ῥεῖ, река, образ–понятие

Aletheia's Light of “Dark” Heraclitus

Tat'yana B. Batyr

Cand. of Sci. (Philosophy)

Taraclia State University “Gr. Tsamblak” Kishinev, Moldova

Abstract. The senses of the main concepts by Heraclitus from Ephesus are considered, their imperishable significance for the development of philosophical thinking is shown, attention is drawn to the multifunctional image of river, the need to include Heraclitus heritage in the horizon of knowledge of modern people is substantiated.

Keywords: Heraclitus from Ephesus, «Dark», Aletheia (Ἀλήθεια), Πάντα ῥεῖ, river, image-concept

Философия — это целостный ансамбль «подлинного мышления», встроенный в сознание исторической памятью, растянутый на тысячелетия, в котором нет места «пройденным этапам». Река времени, проносящая культуры и цивилизации, события и мысли, безостановочна в своем все меняющем течении. Сформулированная Гераклитом из Эфеса идея Πάντα ῥεῖ стала одним из символов античной философии и вошла во все формы элитарной и массовой культуры.

По мнению английского исследователя П. Бёрка для того, чтобы «заново» и лучше узнать явление, предмет нужно отказаться от их восприятия как чего-то хорошо знакомого, попросту «разнакомиться» с ними. С другой стороны, «чтобы мы могли понимать прошлое не хуже, чем это делали наши предшественники, по мнению П. Бёрк, «приходится мчаться со всех ног, чтобы оставаться на месте» [1, 275]. Полагаем, что с каждым более или менее известным культурным текстом следует на время «разнакомиться», чтобы вновь ознакомившись, открыть новые смыслы, «глубинные подтексты», увидеть возможности для дополнительных интерпретаций, проекций на сегодняшнюю действительность, другими словами — активировать прошлое, вступить с ним в культурный диалог и единый исторический процесс.

К изучению гераклитовского наследия также следует подходить с позиции «вновь ознакомления». Многие положения древнегреческого мыслителя, несомненно, должны быть включены в горизонт знаний современного человека. Закрепившаяся в период поздней античности за Гераклитом репутация «темного» (Σκοτεινός) философа не помешала его популярности при жизни и «в последующие времена». Российский философ Лебедев А. В. в предисловии к своему фундаментальному труду «Логос Гераклита. «Реконструкция мысли и слова» пишет: «Во всей истории философии трудно найти мыслителя, которого бы считали близким себе представители самых разных, подчас

непримиримых, направлений и школ мысли» [2, 3]. М. Хайдеггер также указывает на «славу, не поблекшую на протяжении многих веков» благодаря доступности его сочинений [3, 38]. Немецкий философ считает, что истинного мыслителя «часто с лёгкостью называют «неясным» и «тёмным» [3, 38]. При этом Кессиди Ф. Х. отмечает, что не все разделяли общее мнение относительно непонятного изложения знаменитым эфесцем своих идей. Так, историк и философ–перипатетик Антисфен с Родоса, живший в III–II вв. до н. э. считал его «светлым». «Ссылаясь на Антисфена, Диоген говорит следующее: «Иногда в своем сочинении он высказывается светло и ясно, так что даже тупоумному нетрудно понять и почувствовать подъем духа. А краткость и вескость его слога несравненны». Имела также хождение такая эпиграмма: для посвященного в тайны стиля Гераклита темнота становится светлее солнца» [4, 38]. Исследователи объясняют сложность понимания изложения мыслей философа его своеобразным стилем, обилием образов–понятий, художественных сравнений, метафор, символов, «нередко его мысли выражены в форме парадоксов, афоризмов и загадочных изречений, а суждения <...> представляются вызовом здравому смыслу». «Путь вверх и вниз — один и тот же». [4, 68], «согласное разногласное, созвучное несозвучное, из всех — одно, из одного — все» [3, 191], «...они тут, но их нет [3, 149]... Предварив свою книгу словами «К логосу существу всегда непонятливы бывают люди», Гераклит тем самым провел черту, отделяющую Логос Философа от логоса обывателя. На особенность обывательского сознания не замечать одновременности существования и не-существования обратил внимание Лосев А. Ф. [5, 80]

Запоминающийся образа реки, равной и неравной себе в одно и то же время, многофункционален и передает следующие идеи: 1) постоянства одновременности движения и покоя сущего; 2) единства противоположностей не в процессе чередования, а в одновременном сосуществовании (единство вечного миропорядка); 3) связи возникновений и исчезновений, соединений и рассеиваний со временем, познание времени через происходящие изменения [4, 67]; 4) времени как «неуловимой границы» между прошлым и будущим: Всякое «теперь» есть в то же время «не теперь»; 5) релятивизм настоящего и прошлого: «Будущее, приближаясь, становится настоящим; становление настоящего есть в то же время его удаление в прошлое» [4, 81].

Из относительного характера прошлого, настоящего и будущего проистекает относительность живого и неживого (бывшего живым и ставшим неживым): «Одно и то же — <...> бодрствующее и спящее, молодое и старое, ибо первые, изменившись, есть те, и те, изменившись, есть эти» [4, с. 60, 68]. Эта максима, ставшая уже прописной истиной, содержит не только онтологическое объяснение мироздания, но является также императивом нравственности. Отношение к прошлому как прошедшему, пройденному, безвозвратному, сведение его к воспоминаниям либо забвению умаляет его бытие («событийность»). Спрашивая «имеется ли во всеобщем потоке какой-либо порядок и разумный смысл, т. е. Логос, или же это — игра природных стихий, в которой нет никакого логоса и никакой цели? Не драматична ли участь людей, стремящихся жить, а тем самым умереть, <...> и оставлять детей, рожденных для смерти?» [4, 82], Гераклит, как никто другой, поднялся до прояснения смысла «текучести», взятой самой по себе, как отдельного явления, в меньшей степени предаваясь поиску условных смыслов внутри неё. Предполагаем, что философ так и не смог принять «открытый» им преходящий характер сущего, хотя и «нет оснований делать вывод о его отрицательном эмоциональном отношении к потоку времени и смене вещей» [4, 82]. И сегодня он плакал бы, не только наблюдая за суетностью и мелочностью занятий, на которые люди затрачивают отпущенное им стремительно уходящее время, но и от того, что мироздание, «задумано» αἰεὶ (всегда, постоянно, вечно) быть беспощадно уносящим.

В XX–XXI вв., не сопоставимых в техническом отношении ни с одним историческим периодом, «тёмный», «плачущий», «загадочный», и вместе с тем, «светлый» философ–мыслитель–мудрец–поэт–мифолог востребован, наверное, больше,

чем в предыдущие тысячелетия. На собственные вопросы, Гераклит из Эфеса дал неопределенно-точные ответы, парадоксальность которых открывает истину (Ἀλήθεια) яснее и глубже огромного множества других логически не противоречащих теорий, положений, концепций. Гераклиту дано было понять, что́ нужно человеку во все времена для познания, самопознания и самоуглубления, сопричастности Бытию и общечеловеческому Логосу.

Список литературы

1. Бёрк П. Антропология итальянского Возрождения // Образ в истории 1993: Образ «другого» в культуре. М., 1994. С. 272–283.
2. Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова. СПб., 2014.
3. Хайдеггер М. Гераклит. СПб., 2011.
4. Кессиди Ф.Х. Гераклит. М., 1982.
5. Лосев А.Ф. История античной философии. М., 1989.

Философия как диалог: от собеседника к пустоте

Дмитрий Г. Валуйев

ассистент

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Симферополь, Россия

Аннотация. Автор предлагает взглянуть на философию через призму диалогического подхода, рассмотреть различные режимы философствования в соответствии с их диалоговой структурой, т.е. с «кем?» и «о чем?» осуществляется диалог для философа. Предлагается несколько различных режимов философствования: Субъект-Предмет-Субъект или философия соучастия; Субъект-Предмет (Субъект) или философское исследование; Субъект-Предмет/Субъект или философия опыта; Субъект-Пустота или философия погружения.

Ключевые слова: философия, диалог, Другой

Philosophy as a dialogue: from the interlocutor to the void

Dmitrii G. Valuev

assistant

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Simferopol, Russia

Abstract. The author proposes to look at philosophy through the prism of a dialogic approach, to consider various modes of philosophizing in accordance with their dialogic structure, i.e. with whom?" and "about what?" dialogue is carried out for the philosopher. Several different modes of philosophizing are proposed: Subject-Subject-Subject or the philosophy of participation; Subject-Subject (Subject) or philosophical research; Subject-Object/Subject or philosophy of experience; Subject-Emptiness or philosophy of immersion.

Keywords: philosophy, dialogue, Other

Доклад подготовлен при поддержке РФФИ, грант № 20-011-00622 А
«Философия как действие: прагматика текстового поведения»

Вопросы «Что такое философия?» и «Как это – мыслить философски?» любопытно ровно настолько, насколько и банальны. Продолжительная неспособность философ прийти к конвенциональному определению границ философской деятельности и режима развертывания философской мысли, вызывают у не погруженной публики только отторжение и не понимание. Безусловно, внутри иных сфер производства знаний, будь то наука или даже религия, также происходят дебаты и дискуссии о природе знания, методе их получения и т. д., но все же приверженцы и глашатаи могут донести оттуда базовый набор «истин» о самих себе, доходчиво и внятно. Тем не менее, философия как была, так и остается непотопляемым кораблём в океане человеческой культуры, к которому с некоторой периодичностью обращаются за помощью во время шторма. Почему история философии, с такой легкостью намекает якобы на отсутствие содержательного и методологического единства? Почему столь динамичную и изменчивую практику мысли, человечество никак не может отправить на музейную полку? Может ли философия сама сообщить что-то о развитии человеческой мысли и культуры, на что не способны другие сферы производства знаний?

Пластичность, динамичность, изменчивость философии можно объяснить не только сквозь призму социальную и политическую историю, но и через форму самого акта философского мышления. Сутью философии было и есть *вопрошание*, в ходе которого человек обнаруживает себя в *присутствии*, предстоящим и схватывающим бытие в изначальной неизвестности [1, с. 15-19]. Философский акт, подобен *диалогу*,

сообщаемости человека и бытия в его проявлениях: вопрос философа – это проба бытия, попытка всколыхнуть его и уловить обратное сообщение. Как считал русский философ П. Флоренский, диалог есть «литературная форма философии» [2, с. 145], движение философской мысли осуществляется в *ритме вопрос-ответа*, драмы *соучастия* всех участников диалога при приближении к истине. Тогда уместно считать, что от того с «кем/чем?» человек вступает в диалог и «о чем?» они будут вести речь, зависит режим философского акта и его прагматика. Наше предположение таково – в истории философии, помимо диалога равных, с некоторой периодичностью возникали и иные режимы диалога и даже монолога, но в современности место собеседника, Другого, на самом деле никто не занимает – это пустой топос.

Мы не будем пытаться обнаружить причины появления того или иного режима, как и не будем объяснять закономерности смены доминант. Данная работа, по сути своей, просто попытка дать краткое и поверхностное описание диалоговых режимов философии. Стоит учесть, что последующий не отменяет предыдущий, они наслаиваются, пополняя стратегии развертывания философской мысли, какие-то из них доминирует в один период человеческой истории, другие в иной. Итак, можно выделить несколько режимов диалога:

1. Философия как *беседа равных*. Самый «свободный» из всех режимов, в некотором смысле, именно он суть подлинный диалог, встреча субъекта с равным субъектом. Такова философия Сократа, как она дала нам в диалогах Платона. Маевтика Сократа не подразумевала целевого воздействия на собеседника, благодаря которому можно было бы «овладеть» им перестроить. Если Сократ и воспитывал, то именно как проводник, но не как надзиратель. Собеседники равны и свободны, они обладают право быть кем угодно и считать что угодно. Этим объясняется «комичность» диалогов Платона, к примеру «Федра» [3], что это если не рассказ о веселой встрече и ненавязчивых размышлениях, кои будучи сначала между строк, позже занимают место центральных тем. Подобный философский акт предполагает равенство возможностей его участников, следовательно, должно оставлять пространство для ответа на любую реплику. Этого невозможно добиться внутри опосредованного диалога, к примеру, через текст. Текст создает провал в диалоге, остановку мысли и последующего ответа на него, поэтому философия, в режиме подлинного диалога – «есть речевая деятельность» [4, с. 18], иначе говоря, мы имеем дело с *философией соучастия*. Вспомнил пример М. Мамардашвили, чьё письменное наследие почти полностью состоит из лекций и транскрибаций аудиозаписей с его выступлениями. Мамардашвили отличный пример того, как подобный режим философии. Разворачивание собственного мышления перед слушателем в живую, живой потом философии – единственно возможный путь для входа в подлинный диалог.

2. Философия как *спрашивание самого предмета*. Иная линия развития философствования связана с её потенциалом как исследовательской деятельности. Если в предыдущем режиме раскрытие сути предмета происходило при соучастии Другого, то почему бы не попробовать обратиться к нему на прямую? Таков подход наукоподобной философии, когда цель вскрыть предмет словно консервную банку самостоятельно, используя подручные инструменты мышления, т. е. метод. Не будем утверждать, будто первым практикующим такое философствование был Аристотель, но сложно отрицать утверждение, что его концепция античной науки дала существенный толчок к развитию в этом направлении. Другой вытесняется из философского акта, его задача стать оценщиком и комментатором его результата. Фактически, в лице наукоподобной философии мы имеем дело с философией, чьё ядро представляет собой редуцированный диалог. Получить ответ от предмета, означает получить не насыщенное смыслом и личным опытом утверждение, но пакет характеристик и свойств, трактовать которые можно «технически». Философия становится *философским исследованием* (исследованием в смысле нововременной науки). Единственно подлинным человеческим измерением здесь остается вопрос о доступности предмета разуму, т.е. спекулятивно-методологическая

сторона философии. Такова философия Р. Декарта и Ф. Бэкона, апофеоз – критика И. Канта.

3. Философия как *испытание собеседника*. Философское исследование, как оно описано ранее – первый шаг к десубъективации философии, объективации участников вопрос-ответной ритмики. Он не мог перейти и на самого говорящего. Попытка выйти к субъекту, тем не менее, должна пониматься как сущностная черта философского акта. Критика И. Канта, начатая именно с философского исследования, тем не менее, побуждает его задаться вопросом о собственном положении по отношению к предмету, подводит к антропологической проблематике – формальной этике. Но мысль Канта и здесь оставалась исследовательской, он строил формальную схему, предмет мысли, который можно покрутить в руках и изучить. Еще до него М. Монтейн поставил напротив себя собственную персону. Его работа «Опыты» [5] является памятником не только самоописания мышления, но и конструирования образа собственной мысли для Другого. Жанр эссе, можно перевести не только как «опыт», но и как «попытку» – попытку посмотреть, что будем с «моим» мышлением если идти дальше. Хорошим примером подобного опыта выступает вся философия С. Кьеркегора. Как утверждает Б. Гройс, Кьеркегор сделал собственную жизнь философским экспериментом, а каждая его работа может трактоваться как этап осмысления этого эксперимента: что происходит с «моей» субъективностью, если я взгляну на неё со стороны, как на предмет собственных действий [6, с. 20-44]. В этом диалоговом режиме место Другого, занимаю я сам, отчуждаясь, делаясь неизвестным и подвластным собственной философии. Другими словами, этот режим философствования можно именовать *философией опыта*.

4. Философия как *обращение к пустому топосу*. Обнаружение опыта отдельной субъективности, стало отличной почвой для утверждения множественности вместо целостности. Всё же Кьеркегора и его философию уместно рассматривать как одну из самых серьезных интеллектуальных реакций на дискурс абсолютизма и тотальности, достигшим своего могущества в виде гегельянской философии. Вместо утверждения плюральности это неминуемо приводит к сомнению в исключительности любой субъективности. Может что-то кроется за ней и её содержанием, нечто определяющее и сводящее их всех к общему знаменателю? Конечно, мы не утверждаем, будто этот кризис породил именно Кьеркегор, его мысль интересна только как симптом. «Философия сомнения» опирающаяся на триаду Маркс-Ницше-Фрейд в совокупности с экзистенциальным движением в философии стали хорошей почвой для постмодернистской критики, беспощадно сводящую любое явление лишь к «поверхности» бытия, растворяя их в потоках неопишуемой глубины. Структуры, стоящие за явления столь глубоки, что обращения к ним есть обращение к неваражаемому, следовательно, Пустому. Тот, кто стоит напротив философского вопрошания отныне не более чем место, сквозь которое проносятся любые образы и лица. Не удивительно, что хтонические, ктулхианские метафоры заполнили современный философский дискурс. Желание понять для чего же существует это место напротив меня, в чем его глубина и почему человеку не удастся к нему приблизиться и разглядеть внимательнее – главный пафос спекулятивной философии. Голос, что слышан философу от «собеседника» тяжело расслышать, это гул, не подвластный интерпретации. Здесь мы сталкиваемся с *философией погружения*.

Описанные режимы можно уместить в несколько удобных диалоговых схем, построенных по принципу кто противопоставляется вопрошаемому: 1) Субъект-Предмет-Субъект (философия соучастия); 2) Человек-Предмет-(Человек) (философское исследование); 3) Субъект-Субъект/Предмет (философия опыта); 4) Субъект-Пустота (философия погружения). Данный набор не более чем набросок режимов философствования, нуждающийся в корректировке и дополнении. Однако диалоговый подход к сущности философии может оказаться эвристически полезным для понимания

результатов философской деятельности и прагматики философских текстов и речей, через которые она и совершается.

Список литературы

1. *Хайдеггер М.* Бытие и время. [Пер. с нем. В.В. Бибихин]. М.: Академический проект, 2013.
2. *Флоренский П.* У водоразделов мысли. Том 2 / П. Флоренский // Сост. Игумен Андроник, М.С. Трубачева. М.: Издательство «Правда». 1990.
3. *Платон.* Федр / [ред. Ю. А. Шичалин]. М.: Прогресс, 1989.
4. *Зарапин О.В.* Философия как действие: к метафизике диалога // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского: Философия. Политология. Культурология. 2020. Т. 6 (72). № 3. С. 17-31.
5. *Монтень М.* Опыты. [Пер. с фр. Н. Рыковой, А. Бобовича, Ф. Коган-Берштейн]. М.: АСТ, 2021.
6. *Гройс Б.* Введение в антифилософию / [пер. с нем. И англ. Б. Гройс.]. М.: Ад Маргинем. 2021. С. 20-44.

Сущностное пространство в онтологии М. Хайдеггера

Александр Г. Волков
доктор философских наук, профессор
Мелитополь, Россия

Аннотация. Исследование присутствия, по М.Хайдеггеру, возможно через рассмотрение настроения и настроенности посредством указание на местность пребывания в пространстве. Выделяется сущностный закон, согласно которому сосредоточение и сбережение изначально должно присутствовать у человека для обозначения цели, что обусловлено причастностью человека к логосу. Трактовка пространства свидетельствует про онтологизацию прагматизма.

Ключевые слова: присутствие, сущее, пространство, место, расположение, имение дела, подручное, публичность

Essential space in ontology of M. Heidegger

Aleksandr G. Volkov
Dr. of Sci. (Philosophy), professor
Melitopol, Russia

Abstract. The study of presence, according to M.Heidegger, is possible through the consideration of mood by indicating the place of stay in space. As essential law is distinguished, according to which concentration and saving should initially be present in a person to designate a goal, which is due to the person's involvement in the logos. The interpretation of space testifies to the ontologization of pragmatism.

Keywords: presence, being, space, place, location, business estate, handy, publicity

В онтологии Хайдеггера выдвигается *требование различать присутствие в зависимости от способа бытия сущего в пространстве*. Сущее не только есть присутствие, оно экзистенцирует, есть Я сам, что предполагает различение собственности и несобственности присутствия. Присутствие рассматривается в аспекте его бытийственного устройства, которое именуется *бытием-в-мире*. В нем выделяется наличие «*в-мире*», далее, собственно *сущее*, и *бытие-в* как таковое. «Бытие-в» – это бытие в чем-то, предполагает указание на пространственную соотнесенность. При этом сущее, которое есть Я сам, предполагает его устройство в мире, то есть расположение.

Кроме *бытия-в*, Хайдеггер говорит о наличии *бытия-при*, которое проясняется после того, как располагается сущее в пространстве. При этом исключается со-расположенность сущего и мира, а есть со-расположенность одного сущего и другого. Поэтому два сущих, которые безмирны, никогда не могут встретиться. Присутствие имеет бытие в пространстве только на основе бытия-в мире. Оно экзистенциально, поэтому выдвигается требование *вникнуть в пространство существования*. Это предполагает уточнение способов бытия-в, к которым относятся *изготовить, обрабатывать, предпринимать что-либо, опрашивать, указывать* и т. д. Безусловно, они есть проявление заботы, по отношению к которому различаются *дефектные* модусы, такие как *небрежение, халатность, отказ* и т. д.

Присутствие нельзя рассматривать само по себе, оно всегда есть бытие-в-мире *рядом с другим сущим*, которое не есть Я сам, а кто-то другой. Поэтому невозможно «иметь мир», а можно «быть в мире». Возникает необходимость рассмотрения того, каким образом сущее устроено в мире, как расположено в пространстве. Таким образом присутствие онтически конструировано бытием-в-мире, обусловлено проявлением заботы к подручному, выявляет феномен отсылания, указывает на отнесение бытийственной структуре бытия в полезности, позволяет выявить применимость чего-либо.

Сущее – это всегда Я, которое пригодно в каком-то применении, поэтому располагается в *имении дела*, что является *подручным*. Отсюда возникает для чего и ради чего. Его исполнение происходит в мире, поэтому имеет пространственное расположение. Это обусловлено тем, что ближайшее подручное есть вблизи, которым можно орудовать и употреблять. Понятно, что такое подручное может выступать таким сущим, как Я сам. Использование средства для этого указывает на *место*, где оно располагается. В «Гераклите» можно также найти трактовку места как части в пространстве, то, что именуется по-гречески *топос*, что ограничено краями. При этом отличие «друг от друга» предполагает отношение «друг до друга». Другими словами, разграничение предполагает связь и отношение.

Место рассматривается как взаимосвязь сущих в мире, соответственно, принадлежности средства. Указание на место предполагает фиксирование *расположения*, которое таким образом *конституируется*. Именно поэтому такое сущее как Я, предполагает рассмотрение, что есть *вокруг нас*. Соответственно, пространство расщеплено на места, благодаря чему возможна встреча одного сущего с другим. Таким образом, Хайдеггер обосновывает пространственность присутствия из способа бытия сущего. Определение расположения ставится в зависимость от распознавания *от-деления* и *направления* от другого сущего.

Сущее должно быть распознано, поэтому ставится вопрос о «кто» присутствии, соответственно, другого в повседневности событий и признанных людей. Вопросы о «кто» присутствии предполагает просветление, кто есть Я сам со стороны онтического своеобразия, прояснения самости. Поэтому Хайдеггер подчеркивает, что Я как сущностная определенность присутствия должна интерпретироваться экзистенциально. Соответственно присутствие других следует рассматривать как *со-присутствие*, поскольку каждое Я имеет свое место присутствия. Я и другие имеют общий мир, поэтому должны встретиться. Хайдеггер выявляет модусы быть друг з другом с помощью феномена *заботы*. К *дефектным* относятся такие модусы, как «*быть без другого*», «*проходить мимо друг друга*», «*не иметь дела друг до друга*». В качестве позитивных модусов заботливости рассматриваются две возможности, что характеризуют отношение к месту, что занимается. Первый вид заботы есть *постановка себе на место другого, замена его*, в результате следствием чего он может стать *зависящим и подвластным*. Другая заботливость предполагает желание *заступить за него*, в результате чего он обретает свободу.

Бытие друг с другом включает в себя наличие *дистанции*, поскольку Я могу *быть за них*, или *против них*, *оставать* от них или *подтянуться* до них, *презойти* или быть в *зависимости* от них. Я могу принадлежать к другим и усиливать их власть, которые есть люди, что имеют способ и манеру быть. Наличие дистанции з ними может побуждать быть в *середине*, в результате чего оригинальность устраняется, что приводит к возрастанию возможностей. Эта сфера *публичности*, что приводит к *отказу от подлинности*. Публичность, по Хайдеггеру, способствует *помутнению*, не способствует принятию решения, провоцирует возникновению безответственности. Это состояние определяется как *повседневность присутствия*, где каждый есть другим, но не самим. Этот признак повседневности, где устраняется самость своя и других. Я как *самость* не есть ничто, она выявляется на людях. Соответственно, Хайдеггер рассматривает людей как исходный феномен к позитивному устройству присутствия.

Для выявления самости предлагается совершить расчистку *спрятанности* и *затемнения*, устранения *искажения*. Для этого исследуется бытия-в в аспекте конкретного познания мира в проявлении заботы. Именно в этом аспекте возникает экспликация буття-в, которое разделяется на экзистенциальную конституцию *тут* в повседневном бытии *тут* в *падении* присутствия. Это исследуется с точки *расположения* и понимания. Считается, что *онтическая* трактовка расположения проявляется через *настроение* и *настроенность*, в аспекте своеобразия их модусов, главным с которых выделяется *страх*.

Желание показать временность пространственного обуславливает указание *на местность*, причастность к ней.

При рассмотрении трактовке логоса у Гераклита Хайдеггер обращается к определению сущностного пространства. Он приводит сущностный закон, по которому следует, что по отношению к внутренней возможности *сосредоточения и собирания воедино, сбережение доминирует* и уже изначально должно присутствовать у человека, если скоро осуществляется его *сосредоточенное признание иметь цель, направление, широту* и вместе с этим – сущностное пространство. Такое понимание *пространства как сущностного* исходит из трактовки логоса как самого бытия, как «*собирание*» и «*сосредоточение*». При этом по Хайдеггеру им не может быть деятельность человека, поскольку они трактуются в «*смысловой тональности*», в результате чего возникает возможность видеть сущностный порядок *сосредоточенности и собирания*. Благодаря тому, что такая сосредоточенность имеет *смысловую тональность*, появляется возможность рассматривать *пространство расположения*. Хайдеггер отмечает, что по Гераклиту сущность собирания и сосредоточенности имеет отношение к действиям людей и потом переносить его на бытие в целом. Такое понимание логоса свидетельствует про очеловечение мира. Ответом на этот, по Хайдеггеру, в том, что сам человек имеет в себе $\lambda\epsilon\gamma\epsilon\acute{\iota}\nu$ и $\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$, который содержит отношение к логосу сущего. Это обусловлено тем, что человек как живое существо имеет душу, что содержит в себе логос, имеется в виду, что логос души имеет отношение к самому этому логосу.

Советский проект в интерпретации евразийцев и Ивана Ильина:
два вектора российского консерватизма

Илья В. Демин

доктор философских наук, доцент

Самарский национальный исследовательский университет

имени академика С.П. Королева

Самара, Россия

Аннотация. Проводится сравнительный анализ двух трактовок Русской революции и большевизма, представленных в философско-политической публицистике Ивана Ильина и евразийцев.

Ключевые слова: Русская революция, большевизм, идеология евразийства, политическая философия И.А. Ильина, критика европоцентризма

The Soviet Project as interpreted by Eurasians and Ivan Ilyin:
two vectors of Russian Conservatism

Ilya V. Demin

Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor

Samara National Research University, Samara, Russia

Abstract. The author conducts a comparative analysis of two interpretations of the Russian Revolution and Bolshevism presented in the philosophical and political journalism of Ivan Ilyin and the Eurasians.

Keywords: Russian Revolution, Bolshevism, Eurasian ideology, I.A. Ilyin's political philosophy, critique of Eurocentrism

Работа подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации,
проект МД-2252.2021.2

«Политический язык российского консерватизма: культурно-семиотический анализ»

Революция 1917 г. стала переломным событием не только в общественно-политическом развитии России, но и в истории отечественной мысли. Ни один из русских философов не обошёл вниманием это событие. Дискуссии о русской революции, большевизме, советском строе не прекращались на протяжении трех десятилетий (20–40-е гг.) и стали затихать лишь в конце 40 – начале 50-х гг., вследствие ухода из жизни виднейших представителей русской эмигрантской философской мысли.

При всем многообразии конкретных оценок и трактовок, в среде русской эмиграции события 1917-го г. воспринимались по преимуществу как *национальная катастрофа*. Наиболее непримиримую и бескомпромиссную позицию по отношению к революции и советскому проекту занимал Иван Александрович Ильин. В десятках статей, не жалея отрицательных эпитетов, он разоблачал революцию как «величайшее насилие» и «величайшую ложь» [1], «неизжитый бунт крепостной души и крепостной злобы» [1], «узаконение уголовщины и политизацию криминальной стихии» [1]. На этом фоне оценка революции евразийцами 20-х гг. (Н.С. Трубецким, П.Н. Савицким, Н.Н. Алексеевым) отличалась большей сдержанностью и была куда менее однозначной.

Обратимся вначале к тем мировоззренческо-идеологическим установкам, которые являются общими для Ильина и евразийцев.

И Ильин, и евразийцы усматривали духовные истоки и предпосылки революции в умонастроении русского предреволюционного общества, прежде всего – русской интеллигенции. Ильин не менее последовательно, чем евразийцы, обличал ту «западническую» традицию русской общественной мысли, идейным вдохновителем которой был Чаадаев. Марксизм в этой связи рассматривался им как одно из направлений идеологически многоликого русского западничества, не имевшего ничего общего с отечественной духовно-исторической традицией и органически враждебного русскому православию. Примечательно, что, разделяя общую установку на ценностный примат национальной самобытности, И.А. Ильин и евразийцы, обмениваясь в публицистических статьях 20-х гг. резко полемическими выпадами, заведомо упрощая и огрубляя позицию противоположной стороны. Каждая сторона обвиняла другую именно в игнорировании самобытности России.

Ильин усматривал в русской революции разрыв исторической преемственности, а в Советском Союзе – своего рода *анти-Россию*. Он определял революцию как «сатанинский эксперимент», движимый одной только силой разрушения [1], растянувшееся во времени *национальное самоубийство* [2, с. 120]. С начала 20-х гг. на протяжении трех десятилетий Ильин писал о недопустимости смешения национальной России с Советским Союзом, «русского» с «советским».

Для евразийцев же советское государство было *продолжением* многовековой истории России-Евразии. Косвенно оппонируя Ильину, Н.С. Трубецкой выступал против тех деятелей белой эмиграции, которые видели в революции «не стадию русской истории, а лишь перерыв в русской истории» [3, с. 388], для которых «естественная жизнь России как бы прекратилась с момента большевистского переворота» [3, с. 388]. Вопреки этой распространенной в эмигрантской среде точке зрения, идеолог евразийства утверждал, что «несмотря на всю искусственность доктрин коммунизма, большевистскому правительству тем не менее силою вещей приходится осуществлять в целом ряде вопросов ту политику, которая является для России естественной» [3, с. 388].

Евразийцы последовательно различали *коммунизм* как идеологию, имевшую свои истоки в западноевропейском («германо-романском») культурно-историческом контексте, и *большевизм* как социально-политическое явление, во многом укорененное в русской исторической традиции. Ильин же подобное различие безоговорочно отвергал. Примечательно в этой связи, что Трубецкой использует термин «иго коммунизма», тогда как Ильин называет одну из своих статей «Иго большевизма».

В контексте евразийской публицистики 20-х гг. главным жупелом, квинтэссенцией всего антинационального, был «европеизм» (коммунизм же рассматривался как одно из ответвлений «европеизма» и «западничества»). У Ильина же таким жупелом выступал большевизм, отождествляемый с коммунизмом. Примечательно, что Ильин и евразийцы использовали одни и те же выражения для описания того начала, в котором видели главную угрозу русской национальной самобытности. Н.С. Трубецкой писал о «ядах и соблазнах европеизма» [3, с. 388], И.А. Ильин – о яде и соблазне большевизма [1].

Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев и другие теоретики классического евразийства видели в революции не только закономерный итог всего предшествующего исторического развития, но и возможность возвращения российской государственности к её исконным – евразийским – началам, надежду на преодоление губительной для России европоцентристской культурно-цивилизационной и геополитической ориентации. Евразийцы подчеркивали парадоксальную природу революционных трансформаций: возвращение к исконной национальной традиции подспудно осуществляется *вопреки* провозглашенным большевиками антинациональным коммунистическим принципам. Столь же неоднозначно оценивался евразийцами и советский политический строй. Советская государственность, согласно евразийской трактовке, была *идеократической* по своей природе, и в то же время *антиидеократической* (материалистической и атеистической) по своей идеологии. Согласно же трактовке Ильина, ничего

парадоксального в русской революции и большевистском строе нет. Революция в публицистике Ильина получает вполне однозначную характеристику антидуховной, антинациональной, антигосударственной стихии, губительной и разрушительной не только для исторической России, но и для всего человечества.

Список литературы

1. *Ильин И.А.* О революции. URL: <https://eshatologia.org/apostasia/bolshevizm/statii/o-revolutsii> (дата обращения: 22.05.2022).
2. *Ильин И.А.* Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней. Собрание сочинений: М.: Русская книга, 2001.
3. *Трубецкой Н.С.* Наш ответ // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: АГРАФ, 1999. С. 382-394.

Проблематика культурного Другого в межкультурной философии

Наталья С. Калимбет

*Крымское художественное училище имени Н.С. Самокиша
Симферополь, Россия*

Аннотация. Представленный обзор межкультурных исследований 20-21 вв. демонстрирует размытые рамки межкультурной философии, ее неопределенный статус и роль. Установка новой «философской ориентации», «стадии развития сравнительной философии» постулирует в широком смысле отказ от европоцентристских притязаний на рациональную монополию, от принижения традиций, не вписывающихся в привычные рамки европейских исторических и теоретических схем.

Ключевые слова: философия культуры, межкультурная философия, философская компаративистика, культурный Другой, диалог, полилог

Problems of the cultural Other in intercultural philosophy

Natal'ya S. Kalimbet

Samokish Crimea Art School, Simferopol, Russia

Abstract. The presented review of intercultural studies of the 20th-21st centuries demonstrates the blurred framework of intercultural philosophy, its uncertain status and role. The attitude of the new “philosophical orientation”, “the stage of development of comparative philosophy” postulates in a broad sense the rejection of Eurocentric claims to a rational monopoly, the belittling of traditions that do not fit into the usual framework of European historical and theoretical schemes.

Keywords: philosophy of culture, intercultural philosophy, philosophical comparative studies, cultural Other, dialogue, polylogue

Теоретическое осмысление отношений «Я – Другой» в культурном контексте имеет давнюю историю, в которой важная роль отведена выделившейся из исследований в области естествознания и сравнительного языкознания философской компаративистике и получившей во второй половине XX в. институциональное оформление межкультурной философии, выросшей из компаративистских поисков. На начальных порах межкультурных исследований наблюдалось и сопоставление восточных традиций с философскими традициями Запада с акцентом на особенностях и различиях, и высказывались точки зрения о невозможности синтеза культур, ведущего к опустошению обеих культур. Современный этап межкультурной философии представлен рядом исследователей (Р.А. Малл, Ф. М. Виммер, Х. Киммерле, Р. Форнет-Бетанкур, М.Т. Степанянц, В. Г. Лысенко, А.С. Колесников, О.А. Назарова, Л.В. Полушина), при том, что статус и роль межкультурной философии неоднозначны, ввиду неясности самого словосочетания *межкультурная философия*.

Так, Р.А. Малл следует тактике негативного определения, указывая, чем межкультурность (*interculturality*) не является: не модное выражение; не романтическая идея, возникающая в эпоху глобального технологического развития и мирового туризма; не компенсаторный шаг неевропейских культур; не реакция на встречи мировых культур; не конструкция и не абстракция; не синкретическая идея; не конкретная система философии. Межкультурная философия, скорее, является «философской ориентацией или протофилософской традицией, позволяющей и поощряющей реализацию духа философии в различных культурных контекстах» [1]. Ф.М. Виммер подчеркивает неубедительность утверждения, будто философия *in strict sense* развилась только однажды – в европейской, западной культуре. Имеются источники, которые указывают на развитие философии в различных локациях (Африке, Америке, Азии, Европе), где обнаруживаются не

монолитные системы, а представлена больше сеть способов мышления и аргументации [2]. А. Чакрабартти и Р. Вебер полагают, что межкультурная философия – это следующая стадия сравнительной философии, на которой сравнение философий сменяется философским сравнением. Цель такой философии слияния (*fusion philosophy*) – возведение, обнаружение, размывание и разрушение границ между философскими традициями, происходящими из разных частей мира, разных периодов времени, разных дисциплинарных слияний [3]. Практические аспекты понимания и выстраивания диалога с культурным Другим отражены в работе Э. Холенштейна «Дюжина практических правил, позволяющих избежать межкультурных недопониманий» [4]. Перечень правил-рецептов, среди которых: отказ от рассмотрения других культур как алогичных/дологичных; неприятие приписывания бессмысленного, нечеловеческого или незрелого поведения (ценностей) представителям других культур; несогласие с отношением к представителям других культур как к объектам или средствам исследования, а не как к равноправным партнерам по исследованию, тем не менее, завершается правилом агностицизма, гласящим, что «существуют загадки, которые так и останутся в качестве загадок для всех культур (*in all cultures*) и между всеми культурами (*across cultures, transculturally*)» [4].

Столь размытые рамки межкультурной философии, и вместе с тем, широта предмета ее исследования затрудняют выделение и обозначение роли актора/представителя, т.е. конкретного культурного Другого. Упомянутые выше наработки межкультурных и сравнительно-философских исследований послужили важным подспорьем для размывания вестерн-центрированной парадигмы и ее монопольного рационализма, но все же они недостаточны для применения к конкретным культурным феноменам. Достоинство в том, что комплекс мер призван отбросить европейский глазомер, выбраковывающий «неевропейское» как недостаточно «европейское» и якобы не имеющее интеллектуальной ценности, и потому относящееся к традиции, религии и проч. Недостаток же кроется в отсутствии действующей, работающей методологии в отношении интерпретации и понимания *конкретного культурного Другого* и его конкретных (ино)культурных понятий, идей и практик.

Список литературы

1. *Mall R.A.* Intercultural Philosophy: A Conceptual Clarification. URL: https://www.academia.edu/26537956/Intercultural_Philosophy_A_Conceptual_Clarification
2. *Wimmer F.M.* Is Intercultural Philosophy a New Branch or a New Orientation in Philosophy? / *Interculturality of Philosophy and Religion*. Bangalore: National Biblical Catechetical and Liturgical Centre. 1996, P. 45-57.
3. *Comparative Philosophy without Borders* / Ed. By A. Chakrabarti and R. Weber. URL: https://www.academia.edu/18968035/Comparative_Philosophy_without_Borders_together_with_Arindam_Chakrabarti
4. *Holenstein E.A.* Dozen Rules of Thumb for Avoiding Intercultural Misunderstandings. URL: <https://them.polylog.org/4/ahe-en.htm>

Встреча человека и мира в проекциях языка

Вера А. Лобастова

кандидат философских наук, доцент

*Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Конкретная метафизика как философская концепция П.А. Флоренского формирует и определяет отношение человека и мира, которое органично раскрывается в тождестве макро- и микромиров. Человеческое существо утверждается в качестве символа Вселенной. Антиномичная структура символа в динамическом единстве чувственного и рационального, образного и конкретного отсылает к общности человека и мира, проявляющейся в соприкосновениях и взаимопроникновениях различного и многообразного. Основными стратегиями символического диалога человека с миром становятся познание и коммуникация, которые в полной мере разворачиваются в пространстве языка. В своих разъединяющих и объединяющих интенциях язык способен выразить через слово и имя двуединство человека и мира.

Ключевые слова: язык, слово, имя, символ, смысл, диалектика, П.А. Флоренский

The meeting of man and the world in the projections of language

Vera A. Lobastova

Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor

*St Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design, Saint Petersburg, Russia*

Abstract. Concrete metaphysics as a philosophical concept of P.A. Florensky forms and defines the relationship between man and the world, which is organically revealed in the identity of macro- and microcosms. The human being is established as a symbol of the universe. The antinomic structure of the symbol in the dynamic unity of the sensuous and rational, figurative and concrete indicates the community of man and the world, manifested in the contacts and interpenetrations of the various and diverse. The main strategies of symbolic dialogue between a person and the world are cognition and communication, which are fully deployed in the space of language. In its separating and unifying intentions, language is able to express through a word and a name the duality of man and the world.

Keywords: language, word, name, symbol, meaning, dialectic, P.A. Florensky

В цикле «У водоразделов мысли» П.А. Флоренский разрабатывает этапы пути, приводящие к построению и утверждению цельного мировоззрения, объединяющего в синтезе философию, богословие, науку, искусство – по сути дела все создаваемые человеком духовные формы, в которых он обретает свое бытийное выражение и воплощение. Одним из этих этапов понимания мира как целого становится антроподицея. Данное учение, в убедительном намерении русского мыслителя, определяет человека как существо, жизнь которого может состояться только в мире и вместе с миром. Прочное и устойчивое единство человека и мира может быть сформировано благодаря многообразным взаимоотношениям, которые утверждает человек в своем жизненном и творческом порыве. На первый план жизненных устремлений человека выходит познавательная деятельность, целью которой становится понимание и выражение сущности мира. Погружение человека в бесконечные лабиринты мысли также связано с пристальным вниманием к человеческому бытию, раскрытие тайны которого тесно переплетено с осознанием глубинной сущности мирового бытия.

Предпосылкой человеческих действий становится реальность, подлинное, а не гипотетическое или вероятностное существование которой человек осознает, непосредственно соприкасаясь в своих переживаниях с конкретными феноменами. Познавательные акты формируют символы различных родов и видов, через которые устанавливаются отношения человека с существующей реальностью. Символическая

деятельность человеческого сознания раскрывается и утверждается в единстве чувственного и духовного, феноменального и ноуменального.

Ни один из символов не демонстрирует устойчивого и неизменного состояния. Будучи связным единством, символ находится в постоянном и непрерывном диалектическом движении. С древних истоков своего становления философия определяет диалектику как искусство вопрошания, выражающее бескорыстное влечение к полноте истинного знания. Первоначальный вопрос вызван состоянием удивления, в котором рождается мысль, пройдя горнило борьбы смятений и влечений. Во внутреннем диалоге мышления протекает ритмическое развертывание вопросов и ответов, в ходе которого найденный ответ побуждает к новому вопросу, продолжая поиск смысловых зерен. Сложный процесс собирания и соотношения мыслей создает возможность вести внешнюю беседу с другими лицами. Так взгляды неизбежно приводят к переговариванию. Антиномичность диалектического рассуждения позволяет раскрыть уникальную истину как тезиса, так и антитезиса в процессе глубокого взаимодействия на основе их совместного противопоставления. «Диалектика, - пишет Флоренский, - есть непрерывный опыт над действительностью, чтобы углубиться в последовательные слои ее реальности» [1, с. 123].

В мгновенном созерцается вечное, в конкретном усматривается универсальное, единичное возвышается до всеобщего – так символ все в себе объединяет, соединяет, синтезирует. Если пристально всмотреться в сотрудничество частей и целого, то можно заметить, что часть, воплощаясь в целом, выходит за пределы себя самой, становясь равной целому. Соотношение частей и целого Флоренский иллюстрирует примером: «роза – не лепестки, но лепестки – роза» [1, с. 138]. В слове заложена антиномия внутреннего и внешнего, противоречивое сопряжение «вещности» и «деятельности». В. фон Гумбольдт, а также последователи гумбольдтианской школы понимания природы языка Г. Штейнталь и А.А. Потебня выделяют в языке ряд антиномий. Это прежде всего антиномия объективности и субъективности слова, когда язык становится способом объективации субъективных представлений, затем антиномия речи, высказываемой говорящим, и понимания, конституируемого слушающим, а также антиномия свободы импрессионистического личностного самосознания и необходимости монументальной универсальности национального духа. Антиномичность структуры языка задает динамику его развития, в котором происходит непрерывное движение сохраненных в повторяющихся воспроизведениях привычных форм и мгновенное возникновение новых элементов в потоке словесных выражений, а также шлейфом сопровождают языковой поток россыпи тончайших смысловых оттенков, совершенствуясь в благозвучности, ясности и наглядности. Подлинное состояние языка проявляется в живой речи, которая формируется в актах воспроизведения языковых форм при активном взаимодействии говорящего и слушающего.

Активно используя и развивая свои познавательные способности, человек творит символический мир, устанавливая смыслы его бытия. Любой образ и символ слово способно заменить соответствующими им описаниями действительности. Таким образом, слово становится коммуникативным мостом, соединяющим человека с реальностью. Слово рождается в языке, который демонстрирует антиномичность своего существа, ведь язык развертывается одновременно и через слово, даваемое предложением, и через предложение, состоящее из слов. Модусами описания и объяснения язык способствует всестороннему и всевязному познанию действительности, придавая подвижному и импульсивному течению мысли порядок и форму выражения. «Язык — самое глубокое из проявлений Я, и Я, без языка, — уже окончательно не выраженное во вне, — перестает быть объектным даже для себя; оно тогда всячески не действительно» [1, с. 174]. Русский мыслитель обращает внимание не только на то, что язык служит органом выражения мысли, отливая и чеканя ее в ясно согласованных формах, но он также подчеркивает, что сила организующего воздействия языка распространяется и за пределы умозрительных

процессов, созидая личность в целом. «Дар слова есть дар всеприменимый, и область слова — не менее области сознания, если только не более. Все, растворимое сознанием, претворяется в слово» [1, с. 116]. Смысловая энергия слова в большей степени воплощается в имени. В акте называния предмета сочетается несколько действий: с одной стороны, человек дает предмету имя, а с другой стороны, возвещает, провозглашает названное другим людям. Имя становится символическим ключом к пониманию человека и мира.

Список литературы

1. *Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Флоренский П.А. Соч.: В 4 т. Т. 3 (1) / Сост. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой; Ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев). М.: Мысль, 2000.*

Биографика петербургской философии

Алексей В. Малинов

*доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В докладе рассматриваются электронная база данных «Словарь философов Санкт-Петербургского университета», позволяющая проводить просопографические исследования русской философии. Отмечается, что просопография направлена на изучение «коллективной биографии» той или иной профессиональной корпорации. В данном случае – это преподаватели философии Санкт-Петербургского университета.

Ключевые слова: история русской философии, просопография, база данных, коллективная биография, социальная история науки

A biography of St. Petersburg philosophy

Aleksei V. Malinov

*Dr. of Sci. (Philosophy), professor
St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*

Abstract. The paper examines the electronic database "Dictionary of Philosopher of St. Petersburg University," which allows for prosopographical studies of Russian philosophy. It is noted that prosopography is aimed at studying the "collective biography" of one or another professional corporation. In this case, it is the teachers of philosophy at St. Petersburg University.

Keywords: history of Russian philosophy, prosopography, database, collective biography, social history of science

Исследование подготовлено в рамках проекта РФФИ (№ 20-011-00071)

Исторические, в том числе историко-философские исследования в последние годы обращаются к методам просопографии, позволяющие составлять коллективные биографии научного сообщества. Опробованные в историографии, эти методы начинают применяться к истории русской философии, в частности, к истории корпорации философского сообщества Санкт-Петербургского университета. Просопографические исследования философии имеют свою специфику и определенные проблемы [см.: 1; 2]. Они сосредоточены, прежде всего, на изучении профессиональной или университетской философии и позволяют воспроизвести как динамику этой профессиональной корпорации, так и показать ее особенности и «коллективный портрет». Просопографические исследования следует отнести не к привычной для философии истории идей и концепций, а к социальной истории науки, раскрывающей ее социальный, политический, даже бытовой контексты и показывающей «нормальный» образ науки для той или иной эпохи. Они не заменяют традиционные биографические работы, написанные на основе разнообразных источников [напр., 3], а дополняют их.

Просопографические исследования требуют значительной подготовительной работы по сбору однотипного материала, отражающего биографии преподавателей философии. Какая-то часть сведений может быть получена из открытых источников, в первую очередь, из энциклопедий и словарей. Однако это касается в основном университетских ученых, оставивших какой-то след в науке. Большая же часть

профессиональных философов ограничивалась преподаванием или их вклад в науку был очень скромным, поэтому он не нашел отражения в справочной литературе. По этой причине основным источником биографической информации остаются архивы. Собранный и однотипно структурированный материал представляет собой базу данных, которая размещается на электронном ресурсе. Минимальный временной период, который требуется для создания такой электронной базы, составляет пять лет. В дальнейшем определенные алгоритмы и программы позволяют структурировать биографические материалы, проводить обобщения и давать интерпретации, создавая новое «коммуникативное событие» [4].

Примером подобного просопографического исследования может служить «Словарь философов Санкт-Петербургского университета»¹ [5], который является частью более широкого проекта «Биографика СПбГУ»² [6; 7]. В рамках этого проекта, в частности, был составлен «коллективный портрет» кафедры философии Императорского Санкт-Петербургского университета (1819–1917) [8] и проведены биографические исследования таких представителей философского сообщества, которые при традиционном подходе никогда бы не стали предметом изучения (например, Д.М. Михайлина [9]). В настоящее время база данных «Словарь философов Санкт-Петербургского университета» содержит около трех сотен биографий. Общее же количество биографических статей должно превысить семь сотен.

Список литературы

1. Пешперова И.Ю. Проблемы просопографических исследований петербургской философии // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2021. № 7 (37). С. 54-70.
2. Пешперова И.Ю. Просопографические исследования петербургской философии // Архонт. 2021. № 6 (27). С. 61-70.
3. Шаронов В.И. «Не герой, а самый обыкновенный человек...»: Литовский период жизни Л.П. Карсавина // Философский полилог. 2019. № 1. С. 177–193. DOI: <https://10.31119/phlog.2019.5.11>
4. Михайлова Е.Е. Дискурсивная полилогичность трудов Н.И. Кареева // Философский полилог. 2021. № 2. С. 43–50.
5. Пешперова И.Ю. Исследовательский проект «Университетская философия в Санкт-Петербурге: опыт просопографического исследования» // Вече. 2020. № 32. С. 208-218.
6. Сосницкий Д.А. История С.-Петербургского университета в сетевом пространстве // Клио. 2013. №10 (82). С. 145–148.
7. Сидорчук И.В. Биографика в контексте современных исследований по истории Петербургского университета // Международные отношения и диалог культур. 2016. № 4. С. 224–235.
8. Ростовцев Е.А., Сидорчук И.А. Кафедра философии Петербургского университета (1819–1917) // Философские науки. 2016. № 3. С. 135–147.
9. Баринов Д.А., Сидорчук И.В. «У нашей Натальи все люди каналы»: Дмитрий Мартынович Михайлин – декан философского факультета ЛГУ 1948–1951 гг. // Интеркультурная философия: полилог традиций. СПб.: Интерсоцис, 2020. С. 247–258.

¹ <https://bioslovhist.spbu.ru/philosophy.html>

² <https://bioslovhist.spbu.ru/>

Русская философия в информационном пространстве

Изольда Ю. Пешперова

кандидат юридических наук, доцент

Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В докладе рассматриваются информационные ресурсы в сети Интернет, посвященные истории русской философии. Основное внимание уделяется сайту «Русская философия: история, источники, исследования», истории его создания и структуре. Отмечается значение информационного ресурса для консолидации исследований по истории русской философии и коммуникации между учеными.

Ключевые слова: история русской философии, информационный ресурс, библиотека, исследования

Russian philosophy in the information space

Izol'da Yu. Peshperova

Cand.. of Sci. (Law), associate professor

Saint Petersburg, Russia

Abstract. The paper considers information resources on the Internet devoted to the history of Russian philosophy. The main attention is paid to the site "Russian Philosophy: History, Sources, Studies", the history of its creation and structure. Notes the value of information resource for the consolidation of research on the history of Russian philosophy and communication between scholars.

Keywords: history of Russian philosophy, information resource, library, research.

Исследование подготовлено в рамках проекта РФФИ (№ 20-011-00071).

В Интернете существует несколько информационных ресурсов, посвященных истории русской философии. Правда, большинство из них представляют собой или библиотеки, как правило, включающие не только философскую литературу (например, *Filosofia: An Encyclopedia of Russian Thought*, <http://filosofia.dickinson.edu/>; Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы, <http://www.vehi.net/>; Некоммерческая электронная библиотека «ImWerden», <http://www.imwerden.de/>), или страницы об одном русском мыслителе (например, Н.Ф. Федоров. Энциклопедия, <http://enc-nffedorov.ru/>; Библиотека-музей Н.Н. Страхова, <http://strakhov.bsu.edu.ru/>), или синтетические проекты по русской истории, культуре, философии (например, Руниверс, <https://runivers.ru/>, *Filozofia Rosyjska*, <http://www.filozofiarosyjska.uz.zgora.pl/>; Международная лаборатория исследований русско-европейского интеллектуального диалога, <https://reid.hse.ru/>; Объединенное движение «Русская философия», <http://odrf.org/>), или электронные издания (например, Русофил, <http://russophile.ru/>; Русский мир, <https://rusmir.media/>; Русская культура, <http://russculture.ru/>).

Десять лет назад был создан информационный ресурс «Русская философия: история, источники, исследования» (<http://www.philhist.spbu.ru>). Первоначально ресурс назывался «Философия, теория и методология истории в России». Нынешнее название сайт получил в 2015 г. Он был создан в результате работы по двум грантам РГНФ (№ 12-03-12020, № 15-03-12006) [1; 2]. Техническая составляющая информационной системы базируется на свободном программном обеспечении, в том числе CMS Joomla и ряда модулей и расширений. Он включает в себя несколько разделов: «Библиотека» (с подразделами «Источники» и «Исследования»), «События», «Персоналии», «Научные проекты», «Диссертации», «Материалы партнерских научных сообществ», «Международные чтения по истории русской философии», «Словарь философов Санкт-

Петербургского университета». Наиболее востребованным является раздел «Библиотека», поскольку изначально он создавался для студентов, изучающих русскую философию. В библиотеке размещались издания источников, а позднее и исследований, в том числе и современных иностранных авторов. Раздел «Исследования» делает более доступными результаты работ историков русской философии, особенно учитывая маленькие тиражи изданий. Сайт дает возможность полнее показать контексты (исторические, политические, культурные, социальные и др.), в которых раскрывается русская мысль и преодолеть «партикулярный, “провинциальный” способ мышления» [3, с. 56], угрожающий философии в ее национальной и поэтому, кажется, ограниченной форме.

Работа над сайтом сопровождалась исследованиями, часть из которых была опубликована в виде монографий [4; 5]. В ближайшее время на ресурсе «Русская философия: история, источники, исследования» предполагается разместить информацию о Международном центре изучения русской философии и ежегоднике русской философии и культуры «Вече», ранее располагавшуюся на сайте института философии СПбГУ. Также ресурс выступает в качестве информационной основы для ряда конференций, прежде всего, Международных чтений по истории русской философии. Сайт постоянно пополняется новыми текстами и материалами, привлекает исследователей русской философии из многих стран мира, сплетая «сетевую коммуникацию между многочисленными воображаемыми “другими”» [6, с. 26].

Список литературы

1. Малинов А.В. Информационный ресурс «Русская философия: история, источники, исследования» // Соловьёвские исследования. 2016. № 3. С. 164-170.
2. Ворочай В.В., Севрюков С.Ю. Информационная система «Русская философия: история, источники, исследования» // Вече. 2016. Вып. 28. С. 283-286.
3. Шиповалова Л.В. Идея соборности А.С. Хомякова: трансформация смысла в разных контекстах // Философский полилог. 2019. № 1. С. 53-66.
4. Малинов А.В. Исследования и статья по русской философии. СПб.: РХГА, 2020.
5. Куприянов В.А., Малинов А.В. Академик В.И. Ламанский: Материалы к биографии и научной деятельности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020.
6. Бильченко Е.В. Этика Другого и этика того же: отличие vs. сходство // Философский полилог. 2021. № 1. С. 25-38.

Цифровая индология

Рузана В. Псху

*доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Центр исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама»
Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия*

Андрей В. Парибок

*кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Центр исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама»
Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия*

Лилия Г. Роман

*аспирант, лаборант-исследователь
Центр исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама»,
Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия*

Аннотация. Классическое разделение наук на: науки о природе и науки о духе сегодня, в частности под влиянием постнеклассической научной рациональности, преодолевается и превращается в методологический синтез, в основании которого лежит математический анализ, и главным образом, математическая статистика. В рамках этой современной методологии, имеют место быть как машинные алгоритмы, так и интерпретации субъекта-исследователя, объединение качественного и количественного анализа, а вместо оппозиции детерминизм-случайность на первое место выходит понимание детерминированной вероятности¹.

На сегодняшний день самым главным и ярким воплощением такой методологической установки является использование цифровых технологий (Digital technology), иначе цифровизация, что распространяется на многие сферы жизни человека, и на сферу науки, в частности.

Что касается области гуманитарного знания, то здесь цифровые технологии давно уже пользуются спросом. Особую актуальность эта методология получает при работе с текстовыми источниками: обработка информации, редакция, реконструкция как грамматическая, так и смысловая, определение авторства текста и т.д.

Индология как наука, включающая в себя комплексные исследования философских и иных мировоззренческих текстов Древней и Средневековой Индии пока совсем скромно реализовывается, а где-то и не реализовывает вовсе потенциал цифровых технологий.

Таким образом, нами представляется актуальным и важным формирование проекта Цифровой Индологии (Digital Indology), реализующего свои историко-философские цели и задачи, основываясь на современной цифровой методологии. В докладе будут обозначены главные тенденции формирования Цифровой Индологии, сильные стороны проекта, а также возможные слабые стороны, выражаемые в скрытых опасностях и угрозах увлечением цифровизацией как впадением в предельную дискретность и алгоритмичность.

Ключевые слова: Digital Indology, компьютерная обработка текстов, индология, цифровизация, текстовые базы данных, история философии, индийская философия

Digital Indology

Ruzana V. Pskhu

*Dr. of Sci. (Philosophy), professor, leading researcher
Purushottama Research Centre, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN)
Moscow, Russia*

Andrei V. Paribok

*Cand. of Sci. (Philology), researcher
Purushottama Research Centre, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN),
Moscow, Russia*

© Псху Р.В., Парибок А.В., Роман Л.Г., 2022

¹ То есть такая методологическая установка, при которой признается наличие причинно-следственной связи, однако вероятность наступления определенного следствия может количественно варьироваться.

Liliya G. Roman
postgraduate student, laborant-researcher
Purushottama Research Centre, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN)
Moscow, Russia

Abstract. The classical division of sciences into: the Natural Sciences and the Spiritual Sciences today, in particular under the influence of post-non-classical scientific rationality, is being overcome and transformed into a methodological synthesis based on mathematical analysis, and mainly mathematical statistics. There are both machine algorithms and interpretations of the subject-researcher, combining qualitative and quantitative analysis in this modern methodology, and instead of the opposition determinism-randomness, the understanding of deterministic probability¹ comes to the fore.

Today the most important embodiment of such a methodological position is the use of digital technologies, otherwise digitalization, which applies to many areas of human life, and to the field of science in particular.

As for the field of humanitarian knowledge, digital technologies have long been in demand here. This methodology is very relevant and important in the process of working with text sources: information processing, editing, reconstruction, both grammatical and semantic, determining the authorship of the text, etc.

Indology as a science, which includes complex studies of philosophical and other classical texts of Ancient and Medieval India, is still quite modestly realizing, and somewhere it does not realize the potential of digital technologies at all.

Thus, we consider it relevant and important to form the Digital Indology project, which accomplishes its historical and philosophical goals and objectives, based on modern digital methodology. The presentation will outline the main trends in the formation of Digital Indology, the strengths of the project, as well as possible weaknesses, expressed in hidden dangers and threats of digitalization as a fall into extreme discreteness and algorithmicity.

Keywords: Digital Indology, computer text processing, Indology, digitalization, text databases, history of philosophy, Indian philosophy

Работа подготовлена при поддержке Мегагранта Минобрнауки (VIII очередь) № 075-15-2021-603 «Разработка методологии и интеллектуальной базы нового поколения по изучению индийской философии в ее соотношении с другими ведущими философскими традициями Евразии» (получатель: Псху Р.В.: идея, первоначальная разработка, написание, коррекция; Парибок А.В.: примеры приложений к базам данных, написание, коррекция), а также при поддержке гранта № 104701-2-000 «Познавательные стратегии основных философских традиций Евразии» Программы стратегического академического лидерства РУДН «Приоритет-2030» (получатель: Роман Л.Г.: методологическое исследование, написание, коррекция)

Как известно, пару столетий назад произошло разделение наук на «науки о духе» и «науки о природе», что было продиктовано главным образом методологическими различиями. Так, первые отличались субъектно-ориентированными подходами в своих исследованиях (метод «понимания» Дильтея, ценностная методология неокантианцев, преоладание индивидуализирующего подхода вместо обобщающего и т. д.). Эти подходы часто встречали критику с точки зрения недостаточной объективности, психологизма и т. д. Науки о природе, напротив же, отличались объектно-ориентированным подходом, что составило классическую методологию науки, базирующуюся преимущественно на эмпирической основе, индуктивной логике и верификации.

Сегодня мир науки преодолевает классическую научную объектно-ориентированную методологию. Это выражается в смене типов рациональности, когда научное рациональное знание представляет собой не просто знание о самом объекте, но включает в себя такие факторы как средства и методы познания, ценностно-целевую структуру субъекта и др. Исследования в таких естественно-научных областях знаний, как квантовая физика, говорят нам о том, что микромир живет несколько иначе, чем предполагает классическая научная парадигма, микромир случаен, в нем нет четкой

¹ That is, such a methodological position, in which the existence of a causal relationship is accepted, however, the probability of a certain consequence occurring can vary quantitatively.

детерминированности, он носит противоречивый характер, что, например, ярко представлено в феномене корпускулярно-волнового дуализма. [1]

Таким образом, сегодня можно говорить о слиянии, взаимопереплетении субъективного и объективного, а активно и повсеместно используемые цифровые технологии, основанные на математической статистике, являются «воплощением» этого слияния. Статистика как наука сама по себе вероятностна; она оперирует такими понятиями, как «среднее квадратическое», «среднее арифметическое» и т. д. Статистика указывает на связь между необходимым и случайным, причем случайность понимается здесь совсем в ином свете. Случайность — это не просто результат нашего неполного знания, но и объективный закон природы. Таким образом, мы не можем сказать, что детерминизма нет, но следует говорить об определенном характере детерминизма. У причины все также есть следствия, но эта связь не всегда актуализируется на 100%, теперь мы оперируем вероятностями – детерминированной вероятностью.

Таким образом, математическая статистика преодолевает резкую дихотомию объективный – субъективный, детерминированный – случайный. А цифровые, или иначе Digital, технологии, основанные на математической статистике, являются «воплощением» этого преодоления и представляют собой новый методологический подход.

Цифровая Философская Индология относится к таким сферам исследований, как лингвистика, история, философия, культура, литература и другие реалии Индии (в смысле, релевантном индийской философии), и которая основана на активном использовании цифровых материалов, технологий в совокупности с обычными методологиями гуманитарных наук и различными цифровыми подходами анализа философских текстов Индии (метод математической статистики и метод контекстуального анализа).

В связи с этим можно выделить некоторые направления Цифровой Философской Индологии, которые можно использовать для анализа текстов индийской интеллектуальной традиции. Наиболее актуальными на сегодняшний день направлениями разработки Цифровой Философской Индологии являются: (1) создание открытых баз данных индийской философии, (2) разработка специальных программ для «чтения» различных индийских рукописей, (3) применение новых методов анализа философских текстов с использованием цифровых технологий.

В рамках работы с текстами обязательными элементами являются их оцифровка, которая сейчас происходит на базе различных исследовательских центров, отделов или библиотек. Эта задача способствует сохранению целостности историко-философского наследия. Кроме того, не только оцифровка, но и создание цифровых баз данных значительно облегчают работу ученым.

Цифровые технологии предоставляют исследователям новые инструменты для работы с текстами: исследователь приобретает возможность статистического анализа данных. Более того, как уже было сказано выше, с философско-методологической точки зрения статистический анализ является несколько новым подходом, преодолевающим привычную для классической научной методологии дихотомию субъективное – объективное.

Таким образом, анализ цифрового текста может включать как количественные, так и качественные виды анализа текста. Объективность исследования достигается за счет использования логических и математических расчетов, а также использования некоторой эмпирической базы (заранее заданных параметров, связанных с текстом: истоков и т. д.). Учитывается и предметная составляющая исследовательской направленности, так исходя из ценностно-целевой структуры исследователь самостоятельно и свободно устанавливает категории для дальнейшего анализа. Именно здесь, в рамках цифрового статистического анализа, происходит момент, который Карл Поппер назвал творческой интуицией. [2]

К основным цифровым методам анализа философских текстов относятся (1) статистический анализ основных философских терминов и понятий, определяемых как ключевые для исследуемого текста [3], (2) контекстный анализ этих терминов и понятий (которые нуждаются в дальнейшем детальном описании).

В частности, можно выделить следующие методы статистического анализа текста:

- 1) количественные исследования;
- 2) контент-анализ;
- 3) ранжирование данных;
- 4) частотный анализ;
- 5) Закон Брэдфорда-Ципфа.

Эти методы используются для социологических, антропологических и исторических исследований. Их результаты также важны при заполнении библиотечных коллекций и поиске информации по определенной теме. В большинстве случаев метод ранжирования используется для организации информационных массивов в глобальной сети Интернет, а именно для работы поисковых систем.

В данной работе мы предлагаем использовать спектральные методы, основанные на преобразованиях Фурье и вейвлет-преобразованиях, для статистического анализа текстов. Исследуемый текст представляется в виде векторов, ранжированных «рядами-сигналами». Компонентами этих векторов могут служить определенные семантические признаки, словосочетания или отдельные слова. Рассчитаны дискретные спектры мощности этих серий. Эти спектры можно использовать для эффективного распознавания или расшифровки текстов.

Применение цифровых методов к индийской философии, тем не менее, имеет свои опасности. Такими скрытыми опасностями использования цифровых технологий для академической сферы исследований в целом и для интеллектуальной традиции Индии в частности являются: социологическое вмешательство, математизация результатов и минимизация роли философской интерпретации.

Философская индология как философия имеет свою специфическую область исследования, компетенции, цели и задачи. Она не должна переходить в компетенцию других наук, например социологии, с одной стороны, и точно так же не должна сползать в предельную математизацию результатов, с другой. Социальные отношения между учеными, анализ предпочитаемых ими терминов и языковых выражений, взаимных влияний и т. д. представляют собой очень интересные темы для исследования, но они не имеют отношения к философской индологии. Между тем цифровая технология могла бы предоставить ученому такую информацию при изучении текста и его исследованиях, проводимых другими учеными. Две другие опасности (математизация результатов [4], минимизация роли философской интерпретации) взаимно коррелируют друг с другом: если ученый концентрируется на математическом видении своих результатов (количестве терминов и т.д.), то философская интерпретация этих результатов будет минимальной.

Главной особенностью методологии философской индологии как философии в целом является сохранение баланса в преодолении объективно-субъективной дихотомии. Поэтому трудность здесь как раз и состоит в правильном соблюдении такой диалектики. Утверждение Гегеля, что диалектика есть движущая душа всякого научного развития мысли, которая есть единственный принцип, вносящий в содержание науки имманентную связь и необходимость, говорит, что диалектическое преодоление составляет ядро методологии познания. [5]

Таким образом, философское исследование с определенной областью компетенции, даже в рамках методологии, основанной на цифровых технологиях, включающей в себя междисциплинарный аспект, должно исходить из самого себя и прийти к себе, оно должно обеспечивать задачу трансцендирования. Выход за пределы, трансцендирование устраняет опасность вхождения в какую-либо из сторон дихотомии или выхода в сферы компетенции других наук.

Главный вывод нашего «Манифеста» – настойчивое напоминание о том, что Цифровая Индология – это всего лишь инструмент или методология нового типа, которая обеспечивает ученого новыми данными для исследований в области индийской философии. Дальнейший же философский анализ должен производиться лично ученым, имеющим определенную философскую позицию.

Список литературы

1. *Герштейн С.С.* Корпускулярно-волновой дуализм // Физическая энциклопедия: [в 5 т.] / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1990. Т. 2: Добротность – Магнитооптика. С. 464–465. ISBN 5-85270-061-4.
2. *Поппер К.* Логика научного исследования // Перевод с английского под общей редакцией В.Н. Садовский. М.: Республика, 2005. 447 с.
3. *Савельев В.* Статистика и котики. М., 2021. 170 с.
4. *Кодоньо Маурицио.* Математика за чашечкой кофе. Минск, 2020. 160 с.
5. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.

Эссе как практика созерцания в культуре Модерна

Елена Г. Шкорубская

соискатель

КФУ им. В.И. Вернадского

Симферополь, Россия

Аннотация. В докладе рассматривается эссе как текст, фиксирующий практику созерцания. Отмечаются такие особенности эссе как выраженное присутствие автора, монологичность и субъективность. В силу того, что эссе как текстовый жанр формально не определим в силу своей мультижанровости, необходимо осмысление его содержательных характеристик. В качестве сущностной характеристики эссе выделяется его принципиальная неопределённость и порождаемая ей свобода выражения мысли автора. Такая открытость к мыслепоиску и субъективность эссе делают его одним из ключевых текстов культуры Модерна

Ключевые слова: эссе, эссеизм, созерцание

Essay as a practice of contemplation in the culture of Modern

Elena G. Shkorubskaya

external doctorate student

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Simferopol, Russia

Abstract. The report considers the essay as a text that fixes the practice of contemplation. Such features of the essay as the pronounced presence of the author, monologue and subjectivity are noted. Due to the fact that the essay as a textual genre cannot be formally defined due to its multi-genre nature, it is necessary to comprehend its content characteristics. As an essential characteristic of the essay, its fundamental uncertainty and the freedom of expression of the author's thought generated by it are singled out. Such openness to thought search and the subjectivity of the essay make it one of the key texts of the Modern culture.

Keywords: essay, essayism, contemplation

Доклад подготовлен при поддержке РФФИ, грант № 20-011-00622 А

«Философия как действие: прагматика текстового поведения»

Свобода формы эссе, не скованная явными правилами и требованиями, всегда задаёт свободу мысли, как и свободу её выражения. Монологичность и субъективность эссе, представленность автора, голос автора, позволяют рассматривать эссе как текст, фиксирующий практику созерцания. Выраженное присутствие автора закладывается уже на этапе зарождения европейского эссе, как отмечает М. Эпштейн: «В том, что у эссе оказался индивидуальный творец, Монтень, выразилось существенное свойство данного жанра, направленного на самораскрытие и самоопределение индивидуальности» [1, с. 335]. Действительно, родоначальником этого жанра заслуженно считается Мишель Монтень. Однако его опыт самоописания, будучи крайне индивидуальным – ведь, по его предположению, «Это, вероятно, единственная в своем роде книга с таким странным и несуразным замыслом» [2, с. 395], – повторялся вновь и вновь совершенно разными авторами. По всей видимости, причина этому – специфика эпохи Нового времени, которая воплотилась в этом безусловно уникальном жанре, столь же свободолобивом, сколь и модернистский разум, его породивший.

Само название «эссе» указывает на его неопределённость. Раскрывая этимологию французского слова *essai*, А. Жолковский пишет: «смысловым ядром этого существительного, как и соответствующего ему глагола *essayer*, “пытаться, пробовать”, является попытка – именно попытка, будь то житейская или литературная, а не ее интеллектуальное осмысление и эмоциональное переживание, приводящее к накоплению

опыта (для чего есть слово *expérience*), и не ее осуществление в порядке опыта научного (*expérience, expérimentation*)» [3].

«Попытка» ни к чему не обязывает автора, который волен, обращаясь к формату эссе, «пробовать» любые темы и способы письма, любую форму выражения мысли. Попытка не предполагает определённого результата, а значит, он может быть каким угодно или его может не быть вовсе. Как правило, эссе завершаются некоторым выводом, своеобразным итогом, как в эссе Георга Лукача «О сущности и форме эссе» [4]. Некоторые эссе могут обрываться будто на середине мысли, как в эссе Вальтера Беньямина «Париж, столица девятнадцатого столетия» [5]. Мысль может продолжиться, а может и прекратиться – всё здесь подчинено воле автора, но автор увлечён течением мысли, что воплощается в процессуальности эссе.

Формирование современной эссеистики нередко возводят к двум истокам: европейскому эссе Монтеня и японскому дзуйхицу Сен Сёнагон. Хотя эти жанры возникли в разное время и едва ли испытывали заметное взаимовлияние до начала XX века, невозможно не отметить их сущностное родство. Более того, само название «дзуйхицу» весьма эвристично для понимания сути эссеистики, его дословный перевод – «по следам кисти». Следование мысли, порождение мысли течёт в свойственном ей темпе и ритме – вот то, что можно назвать эссеизмом как специфической формы созерцания посредством текста. Витим Кругликов пишет: «Сознание эссеиста в этом случае как бы отпускается на полную свободу записывания промелькнувших интуиций, намеков мысли, оно работает в режиме как бы “письма за мыслью”, вслед узорам мыслительных ощущений и переживаний. Здесь требуется свободное усилие мысли и действительно осуществляется возможность “удержания мысли” (А. Пятигорский), так как приходится постоянно ускорять темп мыслительного движения, когда пером владеет мысль, существующая лишь в потенции» [6]. Взаимозависимость воли автора и течения мысли порождает особую мыслительную свободу, которая позволяет писать текст ни для кого, и в то же время для кого угодно.

При этом стоит отметить принципиальную мультижанровость эссе, что заставляет говорить скорее не об эссе, а об эссеизме как таковом. Это, с одной стороны, усложняет задачи исследователей эссе, а с другой стороны, демонстрирует нечувствительность эссе к форме и содержательную специфику этого типа текстов. Так, В. Шкловский в работе «Литературный опыт (*essai*) в его формальном окружении» [7] указывает, что эссе может быть рецензией на книгу, письмом, очерком, этюдом, дневником, элементом более объёмного произведения (романа или монографии), в конце концов, критико-биографический, литературно обработанный некролог, по его мнению, также может быть эссе (и таким примером может служить эссе Марины Цветаевой на смерть Максимилиана Волошина «Живое о живом» [8]).

Эссе – это нескованный жанром неумолимый поиск, попытка ухватить, удержать неуловимую мысль, возможность помыслить о чём угодно и выразить это свободным течением текста. Именно это делает эссе и эссеизм, по мнению М. Эпштейна, воплощением культуры Нового времени: «Эссеистическое мышление всегда движется в модусе открытости, это его основное свойство, которое иначе можно назвать антитоталитарной тотализацией. Одним актом сознания эссе может расщепить ложную, заостеневшую целостностью и воссоздать из ее частиц новую, внутренне подвижную» [1, с. 377].

Список литературы

6. *Эпштейн М.Н.* На перекрестке образа и понятия: эссеизм в литературе Нового времени // Парадоксы новизны. М.: Советский писатель, 1988. С. 334–380.
7. *Монтень М.* О родительской любви // *Опыты* [пер. с франц. Н. Рыковой, А. Бобовича, Ф. Коган-Берштейн]. М.: АСТ, 2021. С. 395–414.

8. *Жолковский А. Эссе / А. Жолковский // Иностранная литература. 2008. № 12. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2008/12/esse-6.html>Жолковский (дата обращения: 08.10.2022).*
9. *Лукач Г. О сущности и форме эссе (письмо Лео Попперу) // Своеволие философии: собрание философских эссе. М.: Изд. дом ЯСК, 2019.*
10. *Беньямин В. «Париж, столица девятнадцатого столетия» // Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе. М.: Медиум, 1996. С. 141-162.*
11. *Кругликов В. Возможности эссеизма в понимании культуры. URL: <https://proza.ru/2006/12/25-234> (дата обращения: 08.10.2022).*
12. *Шкловский В. Литературный опыт (essai) в его формальном окружении // Новый ЛЕФ. 1927. № 6. С. 39-47.*
13. *Цветаева М. Живое о живом: Волошин. Цветаева о Волошине. – URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%96%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D0%B5_%D0%BE_%D0%B6%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D0%BC_\(%D0%A6%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B0\)](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%96%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D0%B5_%D0%BE_%D0%B6%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D0%BC_(%D0%A6%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B0)) (дата обращения: 08.10.2022).*

Биографема и big data: как возможна «интеллектуальная (авто)биография»?

Яна Г. Янпольская

кандидат философских наук

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия*

Аннотация. В тезисах рассматривается вопрос о том, может ли быть биография и автобиография философским жанром сегодня на материале современных и классических изданий т.н. интеллектуальных или критических (авто)биографий. Автор высказывает предположение о том, что новейшие опыты в этом жанре стилистически во многом предопределены big data как технологией и идеологией. В то время как издательский расцвет «интеллектуальных биографий» оставляет без рефлексии сам вопрос о возможности пройти между двух полюсов – биографии интеллектуалов, истории идей. Сартров вопрос: «что можно знать о конкретном человеке сегодня?», упреждающий утопию «больших данных», сегодня может быть актуализирован обращением к понятиям «биографема» (Р. Барт), «гипобиография» (Ж.-Ф. Лиотар), «текст-палитра» (М. Фуко). Особенности (авто)биографического текста предполагают переосмысление оппозиции вымышленное/документальное.

Ключевые слова: биографема, интеллектуальная биография, философская автобиография, биография идей, big data, гипобиография

Biographeme and big data: how is "intellectual (auto)biography" possible?

Yana G. Yanpolskaya

Cand. of Sci. (Philosophy)

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia*

Abstract. The abstract considers the question of whether biography and autobiography can be a philosophical genre today on the material of modern and classical publications of the so-called intellectual or critical (auto) biographies. The author suggests that the latest experiences in this genre are stylistically largely predetermined by big data as a technology and ideology. While the publishing heyday of "intellectual biographies" leaves without reflection the question of the possibility of passing between two poles - the biography of intellectuals, the history of ideas. Sartre's question: "what can you know about a particular person today?", anticipating the utopia of "big data", today can be updated by referring to the concepts of "biographeme" (R. Barthes), "hypobiography" (J.-F. Lyotard), "text-palette" (M. Foucault). The features of the (auto)biographical text suggest a rethinking of the fictitious/documentary opposition.

Keywords: biographeme, intellectual biography, philosophical autobiography, biography of ideas, big data, hypobiography

Актуальное перепроизводство изданий типа «критических» или «интеллектуальных» биографий - повод присмотреться к заявленному жанру. Нередко за вариациями «интеллектуальная/философская авто/биография» скрывается концептуальная подтасовка: то ли это просто жизнеописание философа/интеллектуала, в котором «склад идей» заведомо вторичен и нивелирован – сведён к болезни, одарённости, проклятию; то ли системное изложение идей автора с периодическим (психоаналитическим или вульгарно социологическим) «вторжением жизни». Пройти между сциллой и харибдой – идеей и историей, интеллигибельностью и жизнью – удаётся нечасто. В ряду многочисленных «интеллектуальных биографий», изданных в последние годы, пожалуй, лишь «гипобиография» А. Мальро, написанная Ж.-Ф. Лиотаром [1], является уникальным решением обозначенной выше дилеммы и случаем «критической» биографии, где «жизнь» и «идея» – равные соучастницы текста.

Отдельный случай представляет собой интеллектуальная автобиография. Четверть века назад М. Маяцкий вслед за «*Otobiographies*» Ж. Деррида задавался вопросом о причинах периферийности автобиографии как жанра в философии: «Почему философу разрешается и разрешалось, разумеется, писать автобиографию, но не как философу?» [2, с. 29]. Прецедентными интеллектуальными/философскими автобиографиями сегодня остаются «Автобиография» Р. Дж. Коллингвуда и «*Killing time*» П. Фейерабенда [3]. Можно ли говорить об особенностях «авто/биографического текста», черты которого проступают в тех редких интеллектуальных авто-биографиях, где ни одна из составляющих не редуцирована в пользу другой? Можно ли рассматривать новейшие «биографии N года» [4; 5] как своеобразный ответ на вопрос о не/возможности интеллектуальной биографии и истории, обусловленный *big data* как технологией и идеологией?

Наконец, развивая предположение о том, что теория нередко выступает скрытой автобиографией [6], можно говорить об интересе к отдельной «биографеме» (Р. Барт)[7] в противовес ставке на «большие данные», о решающем значении «текста-палитры» (М. Фуко) в интеллектуальной жизни, приходя к выводу, что автор чьей-либо интеллектуальной биографии также определённым образом представляет собственную теорию. Ж.-П. Сартр в своё время обозначил такого рода эксперимент выражением «рассмотрение конкретного случая человека» [8, 7]. Примеров подобного опыта «написания чужой истории» в течение всей собственной жизни (как способа интеллектуального проживания своей жизни в плоти другого, в его документах, источниках) мы обнаруживаем множество: Г. Флобер – св. Антоний; Ж.-П. Сартр – Ш. Бодлер, Г. Флобер, Тинторетто; А. Мальро – Лоуренс Аравийский; Ж.-Ф. Лиотар – А. Мальро; Ж.-А. Миллер – Ж. Лакан и т.д. М. Фуко в собственном кратком опыте «философии конкретного человека», посвященном Г. Флоберу, показывает, насколько неочевидно соотношение воображаемого и документального в подобного рода жизнеописаниях идей.

Биографии в стиле *big data* увлекательны, ироничны и остранёны, они балансируют между абсурдизмом и инфортейнментом. Биография-теория (или текст-палитра) нередко сосредотачиваются на отдельной структурном элементе – биографеме в жизни биографируемого или исследуемого автора. В свою очередь это «вторжение жизни» конкретного человека, жизнью и идеями которого случается жить и заниматься, становится собственной биографемой исследователя. «Большие данные», несомненно, дают большие возможности – в том числе для уточнения «биографем» (соответствующие технологии привлекали в том числе и Р. Барта в конце 70-х), однако демонстрируют интеллектуальную наивность своих пользователей и интерпретаторов. И в этом с смысле они возвращают нас к проблемной повестке интеллектуальной истории и лингвистического поворота, позволяющих поставить под вопрос нарративную и дискурсивную нейтральность количественных методов работы с информацией.

Список литературы

1. *Лиотар Ж.-Ф.* За подписью Мальро. СПб.: Владимир Даль, 2015.
2. *Маяцкий М.* Декорации/Зависимости. Оммаж Жаку Деррида. Штрихи к автопортрету одного философского поколения. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.
3. *Фейерабенд П.* Убийство времени: Автобиография. М.: Rosebud Publishing, 2021 г
4. *Иллиес Ф.* 1913. Лето целого века. М., «Гараж», Ad Marginem, 2022.
5. *Осбринк Э.* 1947. Год, в который всё началось. М.: Ad Marginem, 2019.
6. *Томэ Д., Шмид У., Кауфманн В.* Вторжение жизни. Теория как тайная автобиография. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.
7. *Барт Р.* Ролан Барт о Ролане Барте. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
8. *Сартр Ж.-П.* Идиот в семье. Гюстав Флобер от 1821 до 1857. СПб.: Алетейя, 1998.

ЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Логицизм и антилогицизм

Владимир Л. Васюков

доктор философских наук

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация. Рассматривая взаимоотношение логики и математики в XXI веке, можно прийти к выводу, что налицо две противоположные тенденции: логики утверждают, что математика порождается логикой, а математики, напротив, полагают, что логика возникает внутри математики. Эти две тенденции оформлены в виде двух парадигм: логицизма и антилогицизма. Логико-философскому анализу этой ситуации и будет посвящен мой доклад.

Ключевые слова: логицизм, теория множеств, теория категорий, теория типов, антилогицизм

Logicism and Antilogicism

Vladimir L. Vasyukov

Dr. of Sci. (Philosophy)

RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia

Abstract. Considering the relationship between logic and mathematics in the XXI century, we can come to the conclusion that there are two opposite trends: logicians argue that mathematics is generated by logic, and mathematicians, on the contrary, believe that logic arises within mathematics. These two tendencies are framed in the form of two paradigms: logicism and antilogicism. My report will be devoted to the logical and philosophical analysis of this situation.

Keywords: logicism, set theory, category theory, type theory, antilogicism

В 1991 г. Г. фон Вригт предсказал, что в XXI в. логика растворится в прикладных проектах математики и компьютерной науки. Его предсказание сбылось отчасти в виде роста антилогицистских тенденций в современной математике и возникновении новой логико-философской парадигмы – антилогицизма. При этом не менее известный финский логик Я. Хинтика (ученик фон Вригта) заметил, что знаменитый результат Курта Гёделя о неполноте элементарной арифметики показывает лишь то, что цифровой автомат не может механически перечислить все истины элементарной арифметики и выявляет ограниченность вычислительных машин, а не людей или их логики и математики, и тем более не человеческого разума.

Логицизм – это тезис о том, что математика выводится только из логики. К сожалению, программа логицизма начала XX в. была неудачной, поскольку утверждала существование объектов, в то время как многие философы считают, что логика не должна этого делать. Более поздний логицизм был заменен совершенно другим изложением основ математики, в котором математика рассматривалась как изучение аксиом и их следствий в моделях, состоящих из множеств, описанных теорией Цермело-Френкеля (ZF). В математическом мире с этой точки зрения существует только один вид сущности – множество. Все множества строятся из определенных простых (на самом деле можно начать только с \square) такими операциями, как пересечение \cap , объединение \cup и дополнение $-$. Внутренняя логика множеств является классической, так как алгебра подмножеств, замкнутых относительно теоретико-множественных операций, является булевой алгеброй, которая является моделью классической логики.

Первое нарушение от этого правила было вдохновлено интуиционистской математикой. Здесь алгебра подмножеств является алгеброй Гейтинга, и соответствующая

внутренняя логика становится интуиционистской логикой. Но такое отклонение незаметно, потому что булева алгебра всегда будет толковаться как частный случай алгебры Гейтинга.

Второе нарушение произошло в 1936 г., когда Г. Биркгоф и И. фон Нейман обнаружили, что алгебра замкнутых подмножеств в конечномерном гильбертовом пространстве является не булевой алгеброй, а ортомодулярной решеткой. Поскольку этот формализм был использован в квантовой теории, то он привел к рождению так называемой квантовой логики.

А уже в 1961 г. Жан Дьёдонне утверждает, что математика вот-вот переживет вторую революцию. Она в некотором роде завершит работу первой революции, освобождая математику от слишком узких условий теории множеств, и теперь математики будут иметь дело с теорией категорий и функторов, чей диапазон и последствия еще трудно оценить.

Наиболее общей вселенной математического дискурса этого периода стала категория *Set*, чьими объектами являются множества, а стрелки – функции. Основные теоретико-множественные операции и атрибуты могут быть описаны ссылкой на стрелки в этой категории и эти описания интерпретируются в любой категории.

Однако аксиомы категорий являются «слабыми», и во многих контекстах интерпретации теоретико-множественных понятий могут вести себя совершенно иначе, чем их аналоги в *Set*. Возникает вопрос, когда категория выглядит и ведет себя как *Set*? Это имеет место в случае так называемого *топоса* – категории, структура которой настолько похожа на *Set*, что в ней интерпретации основных теоретико-множественных построений ведут себя так же, как и в теории множеств.

Для каждого топоса можно определить язык, который будет использоваться в качестве удобного инструмента для получения утверждений об объектах и стрелках рассматриваемых топосов или даже для доказательства теорем о них. В топосе существует также внутренняя логика, которая «логически» отражает свойства топосов, т.е. которые делают то же самое, что и булева алгебра для множеств. Последовательная формулировка логики топоса, как и ожидалась, интуиционистская. Тем не менее, существуют некоторые логические отклонения в универсуме с теорией категорий.

Примечательно, что язык топоса является типизированным языком с каждым объектом в качестве типа. Теория типов в последнее время переживает ряд преобразований, претендуя на роль нового основания математики. В теории типов, в отличие от теории множеств, объекты классифицируются с использованием примитивного понятия типа, аналогичного типам данных, используемым в языках программирования. Эти тщательно структурированные типы могут быть использованы для выражения подробных спецификаций засекреченных объектов, что порождает принципы рассуждений об этих объектах.

Одним из наиболее поразительных различий между классическими основаниями и теорией типов является идея релевантности доказательства, согласно которой математические утверждения и даже их доказательства также становятся математическими объектами. В теории типов математические утверждения представляются типами, которые можно рассматривать одновременно как математические конструкции и как математические утверждения – концепция предложений как типов. Соответственно, мы можем рассматривать терм $a: A$ как элемент типа A и в то же время доказательство предложения A .

Логика «предложений как типов», предложенная традиционной теорией типов, не является «классической» логикой, знакомой большинству математиков. Но она также отличается от логики, иногда называемой «интуиционистской», в которой может отсутствовать как закон исключенной середины, так и аксиома выбора. Ее можно назвать конструктивной логикой (учитывая, что термины «интуиционистский» и «конструктивный» часто используются по-разному).

Теория типов служит основополагающим языком для математики, т. е. альтернативой теории множеств Цермело-Френкеля. Тем не менее, он ведет себя иначе, чем теория множеств в нескольких важных отношениях. Теоретико-множественные основания имеют два «слоя»: дедуктивную систему логики первого порядка и, сформулированные внутри этой системы, аксиомы той или иной теории, такой как ZF. Таким образом, теория множеств – это не только множества, но и взаимодействие между множествами (объектами второго слоя) и предложениями (объектами первого слоя).

Напротив, теория типов является собственной дедуктивной системой: она не должна быть сформулирована внутри какой-либо надстройки, такой как логика первого порядка. Вместо двух основных понятий теории множеств, множеств и предложений, теория типов имеет одно основное понятие: типы. Предложения (утверждения, которые мы можем доказать, опровергнуть, предположить, опровергнуть и т. д.) отождествляются с определенными типами. Таким образом, математическая деятельность по доказательству теоремы отождествляется с частным случаем математической деятельности построения объекта – в данном случае внутреннего элемента типа, представляющего собой суждение. В каком-то смысле это означает, что теория типов включает в себя логику, определяя ее язык и доказательства, логика становится «чистой» внутренней конструкцией. Если логицизм сводит математику к логике, то здесь мы имеем еще одну редукцию, когда логика сводится к математике – *антилогицизм*.

К вопросу о решениях спора о действиях и оценке делиберативных аргументов
(на примере рассуждения князя Владимира о принятии православия)

Елена Н. Лисанюк

*доктор философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В докладе предложен алгоритм анализа делиберативной аргументации и демонстрируется методика его практического применения на примере рассуждений киевского Великого князя Владимира (ca. 960-1015) о принятии православия, о которых сообщает «Повесть временных лет». Алгоритм основан на концепциях логико-когнитивной теории аргументации, диалектическом модульном подходе к оценке делиберативных аргументов и способе оценки делиберативных аргументов на основе предъявляемых автором приоритетов и предпочтений, заимствованном из деонтической логики. При помощи применения предлагаемого алгоритма анализа делиберативной аргументации к рассуждениям Владимира удастся подтвердить ранее полученный результат о том, что его позиция слабо убедительная, общий спор с послами и Философом имеет частичное решение, частью которого выступают и доводы Философа, и что объединенный спор с послами и Философом является тертиарным, то есть нацелен на убеждение третьей стороны.

Ключевые слова: делиберативная аргументация, оценка аргументов, контраргумент, критика, решение спора, князь Владимир, принятие православия в Киевской Руси

On the issue of resolving a dispute about actions and evaluating deliberative arguments
(on the example of Prince Vladimir's reasoning about the adoption of Orthodoxy)

Elena N. Lisanyuk

*Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*

Abstract. The report proposes an algorithm for the analysis of deliberative argumentation and demonstrates the methodology for its practical application on the example of the reasoning of the Kyiv Grand Duke Vladimir (ca. 960-1015) about the adoption of Orthodoxy, which is reported by The Tale of Bygone Years. The algorithm is based on the concepts of the logical-cognitive theory of argumentation, the dialectical modular approach to the evaluation of deliberative arguments, and the method of evaluation of deliberative arguments based on the author's priorities and preferences, borrowed from deontic logic. By applying the proposed algorithm for analyzing deliberative argumentation to Vladimir's reasoning, it is possible to confirm the previously obtained result that his position is weakly convincing (cogent), the general dispute with the ambassadors and the Philosopher has a partial solution, to which belong the arguments of the Philosopher, and that the joint dispute with the ambassadors and the Philosopher is tertiary, that is, aimed at convincing a third party.

Keywords: deliberative argumentation, evaluation of arguments, dispute solution grand duke Vladimir, adopting orthodox Christianity in Kievan Rus, counterargument, critique

В докладе предложен алгоритм анализа делиберативной аргументации и демонстрируется методика его практического применения на примере ситуационного исследования рассуждений киевского Великого князя Владимира (ca. 960-1015) о принятии православия из летописи «Повесть временных лет» [1]. Рассуждение князя Владимира об отклонении католицизма, ислама и иудаизма в пользу православия ранее служило примером для реконструкции практических аргументов по поводу действий и для уточнения критериев их оценки [2].

Мы рассматриваем рассуждения Владимира как двух-частную дискуссию князя с послами об их верах, вторая часть которой представляет собой нарратив – служащее

доводом в поддержку православия объяснение особенностей православных вероучения и богослужения специально приглашенным для этого Философом. Для анализа мы используем комплексную методику, основанную на следующих трех концепциях. Унифицированная репрезентация делиберативного спора как спора относительно разделяемой его сторонами цели обсуждаемого действия была предложена в логико-когнитивной теории аргументации [3]. Она позволяет объединить две дискуссии с неодинаковым составом участников, Владимира с послами и с Философом, в один диалог относительно разделяемой его сторонами цели избрания наилучшей веры, несмотря на прагматические различия этих диалогов, первый из которых является эпистемическим и акциональным, будучи направлен на установление особенностей вер и отклонение неподходящих для принятия, второй – сугубо эпистемическим, или информационным, а вместе они составляют тертиарный спор, рассчитанный на убеждение третьей стороны [4]. Диалектический модулярный подход к оценке делиберативных аргументов [5] дает возможность оценивать аргументы при помощи критических вопросов, учитывая многосортные доводы, например, индуктивные обобщения, объяснения, выводы из правдоподобных предположений и дедуктивные умозаключения как части одного сложного аргумента, что существенно для оценки аргументов Владимира, послов и нарратива Философа. И, наконец, способ оценки делиберативных аргументов на основе предъявляемых автором приоритетов и предпочтений заимствован из деонтической логики, имеющей дело с нормами и ценностями, что сближает ее с делиберативной аргументацией [6]. Он открывает перспективу оценки делиберативного аргумента с учетом некогнитивных элементов его строения, таких как желания или намерения, проверить истинность которых невозможно, в отличие от утверждений, выражающих когнитивные состояния агентов.

Делиберативной, или практической, называют аргументацию по поводу действий – о том, что делать в создавшейся ситуации или как надлежит поступить ради достижения поставленной цели, направленную на эпистемическое или акциональное изменение взглядов адресата аргументации, то есть на изменение взглядов адресата об истинности какого-либо предложения или о линии поведения в той или иной ситуации. Делиберативная аргументация выступает обобщением теоретической аргументации, направленной исключительно на эпистемическое изменение взглядов адресата. Например, рассуждение (1) представляет собой теоретическую аргументацию, обосновывающую истинность предложения 1.1 при помощи 1.2, а рассуждение (2) – делиберативную аргументацию, и выражает конкуренцию линий поведения, нацеленных на принятие наилучшей веры, где линию поведения 2.1 обосновывают посредством предложения 2.2:

(1) 1.1 *Католической веры русский народ не примет, потому что 1.2 она не согласуется с традициями предков*

(2) 2.1. *Нам не стоит принимать католическую веру, потому что 2.2 она не согласуется с традициями предков.*

Логические, диалектические и акциональные особенности делиберативной аргументации помещают ее между рассуждением и действием. В основе и теоретического и делиберативного аргумента лежит умозаключение - переход от посылок к заключению. Это логическое свойство роднит делиберативную аргументацию с рассуждением, и при помощи разграничения между демонстративными и недемонстративными умозаключениями позволяет характеризовать делиберативную аргументацию как недемонстративную.

Диалектическая особенность аргументации состоит в том, что она подразумевает не только создание умозаключения в уме автора аргумента, но и оценку его адресатами в диалоге, где оно предъявлено. Диалектическая особенность дает возможность провести границу между объяснением и аргументацией и открывает перспективу уточнения методики оценки делиберативного аргумента посредством использования дополнительных критериев, расширяющих ARS- или ПРД-критерии, применяемые в

диалектических подходах [7]: приемлемость, то есть корректность строения аргумента, его релевантность и достаточность, или способность аргумента эпистемически или акционально изменить взгляды адресатов. Объяснение заключается в удовлетворении запроса адресата о дополнительной информации о чем-либо, будь то истинность предложения или обоснованность поступка, оно отвлекается от диалектической особенности, подчеркивающей расхождение автора и адресата во мнениях по обсуждаемому вопросу или в оценках аргументов, как например, в [8]. В случае делиберативной аргументации подобное отвлечение невозможно, потому что авторы и адресаты вступают в нее с нетождественными линиями поведения по достижению поставленной цели. Так, (1) может быть объяснением или аргументом в зависимости от диалога, где оно предъявлено, но (2) – только аргументом, потому что подразумевает призыв автора к адресатам придерживаться линии поведения 2.1, и для этого отказаться от их прежней линии поведения.

Дополнительные агентный, деонтологический и консеквенциалистский критерии зиждутся на кантовской идее универсализации по агентам, ценностям и последствиям и уточняют ПРД-критерии пригодности аргументов путем выяснения, соответственно, может ли предлагаемое действие быть примером для других агентов в смысле достижения поставленной цели; являются ли достойными сама цель, а также нормы и ценности, на которые ссылаются в обосновании данного действия; и обеспечивает ли предлагаемая линия поведения достижение поставленной цели.

Методика анализа аргументации состоит из трех этапов: установить вид спора, обнаружить и оценить каждый аргумент при помощи критических вопросов, связанных с корпусом критериев пригодности, и определить решения спора – подмножества его исходов, принадлежащих позиции той или иной стороны, где исходами выступают множества аргументов, не отклоненных контраргументами. Результат частичного применения этой методики к анализу рассуждения князя Владимира, реализованного в [2], состоит в следующем. Во-первых, в споре Владимира с послами от других религий позиция князя Владимира слабо убедительная, то есть его аргументы успешно отклоняют доводы послов, но контраргументации не встречают, и нет возможности оценить, способны ли они ей противостоять, чтобы составить сильно убедительную позицию. Во-вторых, спор имеет частичное решение, состоящее из не отклоненных аргументов Владимира, и не имеет полного решения, которое включало бы аргументы послов, во многом из-за того, что он сводится к контраргументации Владимира по поводу аргументов послов и не включает возражений послов или аргументов Владимира в поддержку православия, которые приводятся во второй части его диалога с Философом.

Способ оценки делиберативного аргумента на основе приоритетов и предпочтений заключается в получении ответа на критический вопрос о совместимости некогнитивных частей такого аргумента между собой, за неимением возможности проверить их истинностную совместимость. Приоритетами агента выступают желания, упорядоченные от наименее до наиболее важного в смысле удовлетворения. В случае Владимира это будут предъявляемые им желания следовать различным традициям предков, обладать территориальной целостностью и т.п., а предпочтениями – соответственно упорядоченные ситуации их реализации. Критические вопросы к аргументам Владимира позволят проверить, совместимы ли защищаемые им заключения, выражающие линии поведения, будучи реализованными в конкретных ситуациях, и заявляемым им порядок предпочтений таких ситуаций. Например, приоритетность желаний, о которых Владимир «слушает всласть» мусульманского посла - «совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами» он устанавливает таким образом, что «ему нелюбо: обрезание и воздержание от свиного мяса, а о питье, напротив, сказал он: "Руси есть веселие пить: не можем без того быть» [1]. Значит, при оценке ислама и других вер наиболее предпочтительными для него будут ситуации, когда не требуется делать обрезания и допускается есть свинину и выпивать, то есть множество ситуаций, где

эти признаки выполняются, является наибольшим подмножеством ситуаций, для которых эти признаки характерны, среди прочих.

При помощи применения предлагаемого алгоритма анализа делиберативной аргументации к рассуждениям Владимира о принятии православия удастся подтвердить ранее полученный результат о том, что его позиция слабо убедительная, общий спор с послами и Философом имеет частичное решение, частью которого выступают и доводы Философа, и что объединенный спор с послами и Философом является тертиарным, то есть нацелен на убеждение третьей стороны.

Исследования Лисанюк Е.Н. поддержаны РФФИ, проект № 20-011-00485

Список литературы

1. Повесть временных лет XI – 1-я пол. XII в. / Подг. текста и ком. О.В. Творогова; Пер. Д.С. Лихачева. М., 1978. С. 98–122.
2. Лисанюк Е.Н. Три критерия оценки делиберативного аргумента // Прагматика философского текста: материалы Всероссийской научной конференции XV Таврические философские чтения «Анахарсис» (Республика Крым, Судак, пос. Новый Свет, 16-19 сентября 2019 г.) / (ред.) Зарапин О.В. и др., Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2019. С. 143–146.
3. Лисанюк Е.Н. Аргументация и убеждение. СПб.: Наука, 2015.
4. Елагин Г.Б., Микуртумов И.Б. Споры в Интернете: поколения X, Y и Z // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 6. С. 5–19.
5. Macagno F., Walton D. Practical Reasoning Arguments: A Modular Approach // Argumentation. 2018. Vol. 32. P. 519–547.
6. Benthem J. van, Grossi D., Liu F. Priority structures in deontic logic // Theoria. 2014. Vol. 80. P. 116–152.
7. Johnson R. H., Blair J. A. Logical Self-Defense. N.Y.: Idebate Press, 2006.
8. Galitsky B., Kovalerchuk B., de la Rosa J.L. Assessing plausibility of explanation and meta-explanation in inter-human conflicts // Engineering Applications of Artificial Intelligence. 2011. № 24. P. 1472–1486.

Диалогическая логика «Немецкого конструктивизма»

Виктор Т. Мануйлов

кандидат философских наук, доцент, Курск, Россия

Аннотация. Рассматриваются методы и средства обоснования логической теории, характерные для «Немецкого конструктивизма» или «Эрлангенской школы» (диалогической логики). Выявляются различия методов построения логического знания в аналитической и конструктивной теории науки. Рассматриваются структурные правила построения «строгого», «эффективного» и «классического» диалогов в «Немецком конструктивизме».

Ключевые слова: аналитическая философия науки; конструктивная философия науки; нормативные суждения; диалогическая логика; структурные правила диалога; строгие, эффективные и классические диалоги

Dialogical logic of "German constructivism"

Victor T. Manuylov

Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Kursk, Russia

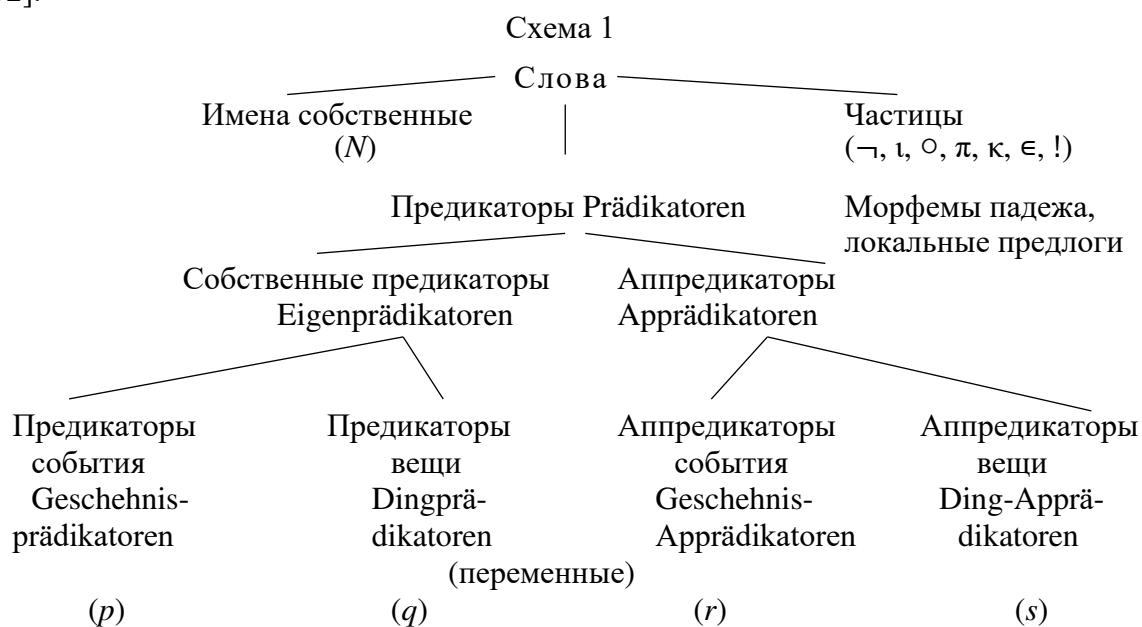
Abstract. The methods and means of justification of the logical theory, characteristic of "German constructivism" or "Erlangen school" (dialogical logic) are considered. Differences in the methods of constructing logical knowledge in the analytical and constructive theory of science are revealed. The structural rules for the construction of "strict", "effective" and "classical" dialogues in "German constructivism" are considered.

Keywords: analytical philosophy of science; constructive philosophy of science; normative judgments; dialogical logic; structural rules of dialogue; strict, effective and classic dialogs

Логическое учение Немецкого конструктивизма формируется как распространение основных принципов оперативной логики и математики П. Лоренцена на анализ нормативных суждений. Полученное при этом направление в философии науки – «конструктивная теория науки» («konstruktive Wissenschaftstheorie») – противопоставляется её сторонниками «аналитической философии (теории) науки» («analytische Wissenschaftstheorie») как «представление» или «путь (метод) представления» («die Vorstellung» [1]; «the way of representation» [2]) – для конструктивной философии науки и «исследование» или «путь (метод) исследования» («die Forschung» [1]; «the way of research» [2]) – для аналитической философии науки. «Метод (путь) представления исходит из того, что теоретико-научная реконструкция языка науки должна осуществляться «внутри [комплекса] (Жизнь, Мир, Язык и т.д.)» с тем, чтобы построить «язык науки» на прагматическом базисе, исходя из первых «жизненно-мировых» начал, и по правилам *методического* мышления, базирующимся на *методическом* и *диалогическом* принципах» [3, с. 746]. «Методический принцип» является обобщением метода «экземплярных определений» («exemplarische Definition»); он говорит, что для обоснования (доказательства) научного положения доказывающий («учитель» «Lehrer») должен предоставить «ученику» («Schüler») «метод» для последовательного выполнения стоящего под вопросом результата. Термином «ученик» («Schüler») адресат доказательства [обоснования] характеризуется постольку, поскольку он может понять и выполнять указания [инструкции] для выполнения действий. Минимальные требования к доказательству [обоснованию]: оно должно быть последовательностью инструкций для ученика; инструкций представлять себе что-л, что-то принять к сведению, осознать некоторую цель, что-то сделать. Эти инструкции должны шаг за шагом, постепенно основываться друг на друге, что эквивалентно двум запретам: запрет «пробела [разрыва, Lücke]» и запрет «круга, [Zirkels]» [2, с. 361-365].

Стилизованное отношение «учитель-ученик», которое предполагается для представления методического принципа, согласно диалогическому принципу, расширяется до состояния «диалога» за счёт того, что к инструкциям могут возникать возражения, которые затем должны быть приняты во внимание. Ученик, поскольку он может выносить возражения, называется «Оппонентом» («Opponent»), учитель, поскольку он должен приспособливать свое представление к этим возражениям (в экстремальном случае: должен признать его как потерпевшее неудачу), называется «Пропонент» («Proponent»). Ядро диалогического принципа, по которому происходит конструктивное доказательство [обоснование]: говорит, что утверждение доказано [обосновано] тем, что аргументация, ведущая к нему, может аннулировать все (ранее поднятые) возражения [2, с. 365-366].

Построенная при соблюдении методического и диалогического принципов логика получила название «Диалогическая логика». Элементарные предложения этой логики включают, кроме высказываний, «приглашения» (вызовы; запросы, «Aufforderungen») или «настоятельные просьбы» («Auffordern»). Различение приглашения и высказывания разучивается посредством говорения и действия в лишь *эмпрактически* контролируемом языке [4, с. 20-22], в котором осуществлённые речи – это примеры для высказываний и для приглашений. С помощью диалогических определений в *эмпрактически* контролируемом языке вводятся специфические предикаторы, необходимые для формулировки нормативных высказываний: «предикаторы деяния» («Tatprädikatoeren»), «предикаторы предмета (вещи)» («Dingprädikatoeren»), «предикаторы события» («Geschehnisprädikatoeren»), «пустой предикатор» (Leerprädikator), «предикаторы вида и рода» («Art- und Gattungsprädikatoeren»), «аппредикаторы» («Apprädikatoeren»), «собственные предикаторы» («Eigenprädikatoeren») и т.д. Вместе с негатором, частицами, именами собственными, предикаторы позволяют преобразовывать грамматические предложения разговорного языка () в предложения языка науки. Перечень необходимых выражений языка науки для реконструкции разговорного языка дан в следующей Схеме 1 [5, с. 52].

Логика сложных выражений языка науки строится на понятии диалога. В аналитической теории науки принимается идущее ещё от Аристотеля и закреплённое Фреге представление об истинностной определённости любого предложения языка науки, что позволяет вводить сложные предложения с традиционными логическими связками (отрицание \neg и юнкторы: конъюнкция \wedge , дизъюнкция \vee , импликация \rightarrow) посредством таблиц истинности. Однако, введение в рассмотрение выражений с кванторами общности

(\wedge) и существования (\vee) выявляет причины, по которым приходится отказаться от истинностной определённости таких выражений. Эти причины лежат (1) в применении логики к бесконечному (арифметика), (2) в применении логики к будущему (обещаниям и прогнозам). Диалогическое введение логических союзов и кванторов использует только то, что составляемые высказывания «определёны относительно диалога» («диалогически определены», «dialogdefinit), т.е., что отрегулировано, как эти высказывания нужно атаковать и защищать в диалоге. Для любого диалогически определённого высказывания \mathcal{A} или пропозициональной формы $\mathcal{A}(x)$ вводятся диалогические правила применения [6, с. 138-139] (Таблица 1).

Таблица 1

	Утверждение	Атака (Нападение)	Защита
Конъюнкция	$\mathcal{A} \wedge \mathcal{B}$? \mathcal{A} (? L) ? \mathcal{B} (? R)	\mathcal{A} \mathcal{B}
Дизъюнкция	$\mathcal{A} \vee \mathcal{B}$? ?	\mathcal{A} \mathcal{B}
Импликация	$\mathcal{A} \rightarrow \mathcal{B}$	\mathcal{A} ?	\mathcal{B}
Отрицание	$\neg \mathcal{A}$	\mathcal{A} ?	
Универсальное высказывание	$\forall x \mathcal{A}(x)$	α ?	$\mathcal{A}(\alpha)$
Экзистенциальное высказывание	$\exists x \mathcal{A}(x)$?	$\mathcal{A}(\alpha)$

1) В случае конъюнкции атакуется левый (? L) или правый (? R) ее член; защита состоит в утверждении атакуемого члена конъюнкции.

2) Дизъюнкция атакуется вся целиком; защита состоит в утверждении левого члена дизъюнкции или правого; в этом месте диалог раздваивается: одна его ветвь соответствует защите левого члена дизъюнкции, другая – правого.

3) Атака на импликацию состоит в утверждении ее антецедента \mathcal{A} ?, защита импликации состоит в утверждении ее консеквента \mathcal{B} .

4) В случае отрицания $\neg \mathcal{A}$ атакуется отрицаемое высказывание \mathcal{A} ?; защита при атаке отрицания невозможна (можно лишь контратаковать предшествующие тезисы противника).

5) Атака универсального высказывания заключается в предъявлении некоторого объекта α предметной области теории; защита состоит в утверждении $\mathcal{A}(\alpha)$ для этого объекта α .

6) Экзистенциальное суждение атакуется в целом; защита состоит в утверждении $\mathcal{A}(\alpha)$ для некоторого объекта α из предметной области.

Правила, регулирующие протекание игры-диалога, определяющие стратегию выигрыша, и устанавливающие, когда диалог выигран или проигран, называются **структурными правилами диалога**. Игра-диалог должна выявлять образцы языкового поведения, называемого Лоренцем **логическим**. П. Лоренц и К. Лоренц разработали различные варианты структурных правил ведения диалога [4, с. 210-237]. Исходная система правил является наиболее жесткой; она предполагает самые строгие ограничения на способности участника диалога ([5, с. 65-88; 6, с. 139-144]).

(D1) Правило начала. Пропонент начинает с утверждения *тезиса*. Партнёры по диалогу делают ходы попеременно.

(D^S2) Общее правило диалога. Каждый партнёр по диалогу атакует высказывание, полагаемое другим партнером на *предшествующем шаге*, или защищается от атаки, предпринятой на *предшествующем шаге* другого партнёра.

(D3) Правило выигрыша. Пропонент выигрывает, если он защищает элементарное высказывание (то есть высказывание, которое не содержит логических связок), или если оппонент не в состоянии защищать атакованное элементарное высказывание.

Для адекватной передачи смысла *эффективной* импликации вводится ослабленное (более либеральное: liberalere) общее *правило диалога*, которое П. Лоренцен называет *эффективное общее правило диалога*: (D^{e2}) пропонент атакует одно из сделанных ранее оппонентом высказываний *или* защищается от последней атаки оппонента; каждое утверждение оппонента пропонент имеет право атаковать только один раз в течение диалога; оппонент должен атаковать только высказывание, сделанное пропонентом на предшествующем шаге, *или* защищаться от атаки пропонента на предшествующем шаге. Правило (D^{e2}) оставляет в силе для оппонента условия *строгого общего правила диалога* (D^{s2}). Заменяя строгое общее правило диалога (D^{s2}) на *классическое общее правило* (D^{k2}): (D^{k2}) пропонент атакует одно из сделанных ранее оппонентом высказываний *или* защищается от одной из сделанных ранее атак оппонента; каждое утверждение оппонента пропонент имеет право атаковать всего один раз в течение диалога; оппонент должен атаковать только высказывание, сделанное пропонентом на предшествующем шаге, *или* защищаться от атаки пропонента на предшествующем шаге, – получаем понятие *классического* диалога.

Таким образом, путём подбора различных структурных правил диалога в диалогической логике удаётся построить теории логического вывода, совместимые с различными семантическими понятиями истинности.

Список литературы

1. Lorenz K. Science, a rational enterprise? Some remarks on the consequences distinguishing science as a way of presentation and science as a way of research // Constructivism and science / Ed. by R.E. Butts and J.R. Brown. Dordrecht etc.: Kluwer Acad. Publ., 1989. P. 3-18.
2. Wohlrapp H. Analytischer versus konstruktiven Wissenschaftsbegriff // Konstruktionen versus Positionen. Bd. II. Allgemeine Wissenschaftstheorie. Hrsg. von Lorenz K. Berlin; N. Y.: Bruyter, 1979. S. 348-377.
3. Gethman Carl F. Wissenschaftstheorie, konstruktive // Enzyklopädie Philosophie und Wissenschaftstheorie. Bd. 4, Sp-Z. Stuttgart; Weimar: Metzler, 1996. S. 746-758.
4. Lorenzen P. Konstruktive Logik // Lorenzen P., Lorenz K. Dialogische Logik. Darmstadt: Wissenschaftl. Buchgesellschaft, 1978. P. 210-237.
5. Lorenzen P. Lehrbuch der konstruktiven Wissenschaftstheorie. Mannheim; Wien; Zürich: BI - Wissenschaftsverlag, 1987.
6. Мануйлов В.Т. Методологические принципы «Немецкого конструктивизма» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. Т. 1 (67). № 1. С. 126-147.

Нефинитные методы в метаматематике и развитие форм логического исчисления

Андрей В. Титов

кандидат технических наук, доцент
МФТИ (ГУ), Российский университет транспорта (МИИТ)
Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается возможность развития форм неклассического логического исчисления на основе обобщенного нестандартного анализа и оценки как морфизма, из алгебры формул в структуру значений оценки, сохраняющего структуру. Предлагаемый подход можно рассматривать как использование нефинитных методов обобщенного нестандартного анализа в как раздела теории категорий. Этот подход является развитием семантического подхода к исследованию типов формальной логики на основе исследования оценки.

Ключевые слов: метаматематика, нестандартный анализ, оценка, морфизм, формальная логика, неклассическое логическое исчисление

Non-finite methods in metamathematics and the development of forms of logical calculus

Andrei V. Titov

Cand. of Sci. (Engineering), associate professor
MIPT, Russian University of transport (MIIT)
Moscow, Russia, a.v.titov@mail.ru

Abstract. The possibility of developing forms of non-classical logical calculus on the basis of generalized non-standard analysis and evaluation as a morphism, from the algebra of formulas to the structure of evaluation values preserving the structure is considered. The proposed approach can be considered as the use of non-finite methods of generalized non-standard analysis as a section of category theory. This approach is the development of a semantic approach to the study of types of formal logic based on evaluation research.

Keywords: metamathematics, non-standard analysis, evaluation, morphism, formal logic, non-classical logical calculus

Применение нефинитных методов, использующих современные математические теории, позволяет выявить математическую структуру формальной логики и проследить взаимосвязь различных видов логических исчислений, определить ее математическое содержание.

В настоящее время применение неклассических логик в математике, а следовательно и в средствах моделирования, ограничено. Однако постоянно растущие и изменяющиеся требования к применяемому в формальных моделях сложных объектов и процессов математическому аппарату, требуют существенно расширить возможности алгоритмического описания объектов моделирования и ввести в использования различных видов неклассической логики как средство моделирования.

Если в формализованной теории операции заменяют шаги дедукции, то вполне естественно представить такую систему как категорию. С другой стороны, от вывода в исчислении требуется сохранение истинности или, в случае многозначности значений истинности, преобразование истинности по известному закону. Но это означает, что вывод или шаги дедукции связаны с сохранением или изменением по известному закону оценки, которая так же может быть представлена как морфизм определенной категории.

Если рассматривать модели как функторы, сохраняющие дополнительную структуру из категории, соответствующей данной теории, в категорию множеств, то

выбор вместо категории множеств, других категорий дает возможность изучать и строить неклассические теории. Тогда категория, на которой принимает значение функтор, определяет тип логики для исследуемой модели.

Ценным для нашего исследования является то обстоятельство, что в теории категорий свойства объекта определяются не через его внутреннюю структуру, а через его связи с другими элементами, которые выражаются через функции (стрелки)

Расширения, даваемые теорией категорий, распространяются и на логику. С философской точки зрения категорный подход к логике интересен тем, что расширяет ее возможности, при этом позволяет проследить связь между классическими и неклассическими вариантами логических исчислений.

При этом типы логического исчисления определяется структурой, на которой принимает значение оценка.

Развитие метода, основанного на определении меры истинности как меры на некотором множестве, связано с понятием оценки.

В частности, в качестве структуры оценки может рассматриваться решетка X , с оценкой на ней $\|\phi_k\|_X$. При этом логические связки языка моделируются операциями в решетке X [1].

При этом X рассматривается как импликативная решетка общего вида. Уже в этом случае, анализируя разные типы оценок, можно проследить то, как количественные изменения и сопоставляемая им мера определяют качественный тип логики, зафиксированный в системе аксиом логического исчисления [2, с. 164].

В классическом варианте нестандартного анализа рассматривается множество - степень K^1 , где K - структура, а формулы – суждения о свойствах данной структуры. Оценка принимает значения на решетке $P(I)$, выбор в качестве j ультрафильтра в $P(I)$ позволяет заменить $\text{Tr}_j(\phi_k)$ ($\text{Tr}_j(\phi_k) \equiv \|\phi_k\| \in j$) [4] «обычной» истинностью суждения ϕ_k о структуре K^1 . Поскольку для ультрапроизведений $K^1|_j \equiv K^1|_{\sim j}$, имеем $\phi_k|_j([f_1], [f_2], \dots, [f_n]) \Leftrightarrow ([\phi_k(f_1, f_2, \dots, f_n)] \in j)$, где $[f_i] \in K^1|_j$. Как показано в [3] это фактор – множество содержит два элемента. Это обеспечивает эквивалентность обеих семантик

В [4, с.151] приводится вариант логики с двумя типами отрицания - Н-В логики.

В случае пропозиционального исчисления, в котором алгебра формул есть булева алгебра или булева решетка отрицание эквивалентно дополнению. Однако, как известно, решетка общего вида имеет два вида дополнения.

Если решетка A имеет нулевой элемент 0 , то \cap - дополнением элемента $a \in A$ называют наибольший элемент $c \in A$, для которого выполняется равенство $c \cap a = 0$.

Если решетка A имеет единичный элемент 1 , то \cup - дополнением элемента $a \in A$ называют наименьший элемент $d \in A$, для которого выполняется равенство $d \cup a = 1$.

В [5] показано, что аксиомы Н-В логики являются выводимыми теоремами для решеток общего вида с двумя дополнениями, которые должны играть роль структур оценки при условии трактовки оценки как морфизма сохраняющего структуру.

При переходе на язык теории категорий модели, которые рассматриваются классической теорией, являются функторами из категории, соответствующей некоторой теории в категорию всех множеств. Рассматривая какую-либо другую категорию, обладающую дополнительной структурой, получим неклассическую теорию. Тип полученной теории будет индуцироваться заданной категорией и ограничениями, наложенными на функтор (его задаваемыми свойствами).

При таком подходе «логики» как вид исследования структур представляют собой семейство функторов из категорий, соответствующих формальным теориям в категории структур, на которых принимает значение оценка. В этом случае оценка есть функтор, сохраняющий дополнительную структуру. Вид логики будет определяться типом функтора и, следовательно, минимальные логики будут представлять собой семейство, определяемое семейством баз, предбаз, образующих и т.д. структур значений оценки.

Нельзя исключать и того, что сюда войдут функторы как гладкие отображения многообразий, поскольку в обиход уже введен термин «локальная истинность», в частности в [6] рассматривается язык PL, в который включена новая связка ∇ и, если α формула этого языка, то формула $\nabla\alpha$ читается «локально имеет место, что α ».

Введение в теории категорий классификатора подобъектов Ω , и связанная с этим понятием Ω -аксиома, позволяет подтвердить предположение о том, что структура оценки для алгебры формул должна сохранять ее структуру.

Список литературы

1. Любецкий В.А. Оценки и пучки. О некоторых вопросах нестандартного анализа // УМН. 1989. Т. 44. Вып. 4 (268). С. 99-153.
2. Любецкий В.А. Некоторые применения теории топосов к изучению алгебраических систем // Джонсон П.Т. Теория топосов. М.: Наука, 1986. С. 376-430.
3. Рассева Е., Сикорский Р. Математика метаматематики. М.: Наука, 1972.
4. Васюков В.Л. Категорная логика. М.: АНО Институт логики. 2005.
5. Титов А.В. Диалектика в развитии типов логических исчислений на основе структур значений оценки // Доказательство очевидность, достоверность и убедительность в математике: Труды Московского семинара по философии математики / Под ред. В.А. Божанова, А.Н. Кричевца, В.А. Шапошникова. М.: ЛИБРОКОМ, 2014.
6. Гольдблатт Р. Топосы. Категорный анализ логики. М: Мир, 1983.

Об истоках множественности логик

Владимир И. Шалак

доктор философских наук, Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация. В докладе будет рассмотрена проблема существования множества логик и дан анализ, как это стало возможным, не противоречит ли это самому понятию логики.

Ключевые слова: логика, основания логики, плюрализм логик, процессуальная логика, онтологические допущения, эпистемические допущения, протологика

On the origins of logical pluralism

Vladimir I. Shalack

Dr. of Sci. (Philosophy), RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia

Abstract. In the report, I will consider the problem of the existence of a set of logics and give an analysis of how this became possible, and whether this contradicts the very notion of logic.

Keywords: logic, foundations of logic, pluralism of logics, processual logic, ontological assumptions, epistemic assumptions, protologic

Еще недавно была распространена точка зрения, что логика – это наука о правильном мышлении и ее предметом является изучение законов правильного мышления. Эти законы мышления имеют характер всеобщности, т.е. они одни и те же всегда и везде, у всех людей, и при исследовании самых разнородных предметов. За сто с лишним лет взгляды на логику кардинально изменились. Сегодня у всех интересующихся данным вопросом на слуху термин “плюрализм логик”.

Существование множества логик может поставить в тупик всякого, кто далек от проблем современной логики. Но и те, кто ею занимаются профессионально, далеко не всегда задумываются об этом феномене. На примере таких известных логических теорий, как силлогистика, временная, многозначная, интуиционистская, паранепротиворечивая и квантовая логики выясняется, что каждая из них возникла не по чьей-либо прихоти, а для решения конкретных задач. В основе каждой лежат наиболее общие онтологические допущения об исследуемой предметной области. При формализации логики онтологические допущения уточняются в понятии модельной структуры. Поскольку говорить о логике невозможно в отрыве от используемого языка, также принимаются наиболее общие эпистемические допущения о характере отношения языковых выражений к тем объектам внеязыковой реальности, которые они представляют. Одно из таких важнейших отношений заключено в понятии истинности предложений, которое было впервые сформулировано еще Платоном и Аристотелем. Принимая в зависимости от решаемой задачи те или иные онтологические и эпистемические допущения, мы получаем различные логики.

Процессуальная логика в первую очередь характеризуется особыми онтологическими допущениями, принципиально отличающимися от допущений других ныне существующих логик. Онтология процессов – это онтология развивающихся процессов, а не вещей. Исторически она была наиболее ярко описана в трудах Гераклита. В подавляющем большинстве современных подходов к описанию процессов делается попытка их сведения к последовательностям состояний, что обесценивает само понятие процесса, как кинематографическая картина течения времени обесценивает понятие времени.

Поскольку логики строятся на основе различных онтологических и эпистемических допущениях, они по своей сути являются теориями этих принимаемых допущений, а не универсальными инструментами рассуждений, которые не зависят от характеристик исследуемой области и категорий языковых выражений. Они создаются лишь после того, как новая область знаний окажется достаточно хорошо исследована, чтобы постфактум сертифицировать допустимые способы рассуждений о ней.

Напрашивается вопрос, можно ли построить действительно универсальную логику, которая бы не зависела ни от каких допущений, была онтологически и эпистемически нейтральна? Ответ может находиться на более высоком уровне теории знаков, а не конкретных онтологий и языков. Всякий знак репрезентирует что-то другое. Природа этого другого совершенно не важна. Это могут быть как предметы и явления окружающего мира, так и процессы или феномены нашего же сознания. Важно лишь то, что знак их репрезентирует.

«Квантовый мыслитель» в контексте стиля мышления эпохи

Ольга А. Шапиро

кандидат философских наук, доцент

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Аннотация. В докладе рассматриваются специфические особенности стиля мышления, формирующегося в условиях господства электронной текстовой культуры. Среди таких особенностей автор выделяет 1) клиповое восприятие, порождающее формат продающего текста; 2) квантовое мышление, которое является паранепротиворечивым и 3) использование устно-письменной речи, приводящее к возврату к аргументативным паттернам устной текстовой культуры.

Ключевые слова: аргументация, клиповое восприятие, квантовое мышление, электронная текстовая культура, стиль мышления эпохи, аналогия

“Quantum Thinker” in the thinking style of the epoch context

Ol'ga A. Shapiro

Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor

Voronezh State University, Voronezh, Russia

Abstract. The report discusses the specific features of the style of thinking that is being formed under the dominance of electronic textual culture. Among these features, the author highlights 1) clip perception, which generates the format of the selling text; 2) quantum thinking, which is paraconsistent; and 3) the use of oral-written language, leading to a return to the argumentative patterns of oral textual culture.

Keywords: argumentation, clip perception quantum thinking, electronic textual culture, thinking style of an epoch, analogy

Исследование выполнено при поддержке РФФИ проект № 20-011-00485 «Делиберативная аргументация между рассуждением и действием»

Как утверждают Фиоре и Маклюэн [1], возникновение новой технологии всегда влечет за собой качественные и смысловые сдвиги, в том числе – трансформацию самого человека. Так, колесо становится продолжением ноги, а компьютер – нервной системы. Переход к электронной текстовой культуре также стал не просто сменой технологии хранения и трансляции информации, но повлиял на практику когнитивной деятельности человека, затронув, в частности, то, что А.А. Ивин называл «стилем мышления эпохи» [2]. Эти изменения выражаются в первую очередь в изменении аргументации, принимаемой в контексте виртуальной коммуникации в качестве приемлемой и валидной.

Понимание специфики современной аргументации важно и для успешного моделирования коммуникативных процессов, и для реализации актуальных аргументативных практик, и для анализа процессов, происходящих в публичном поле. В своем докладе я остановлюсь на нескольких ключевых особенностях электронной текстовой культуры и их логико-аргументативных следствиях и покажу, почему привычная для носителей печатной текстовой культуры риторика становится неэффективной не только в области виртуальной коммуникации, но и в поле образования и науки. Я полагаю, что:

А. Клиповое восприятие, порожденное современной культурой, требует постоянного переключения внимания когнитивного агента между разнородными информационными блоками, в результате чего формируется специфическая риторическая модель «продающего текста». Изначально это маркетинговый концепт, однако целый ряд особенностей продающего текста сегодня переносятся на тексты другого типа, от публицистических до научно-популярных. Предполагается, что это единственный тип

текста, который в принципе согласен читать носитель клипового мышления. Он является отражением особенностей клипового восприятия: информация максимально визуализируется, упрощается, дробится на короткие, по возможности разнородные блоки.

В. Квантовое мышление как следствие клипового восприятия является нечувствительным к противоречиям, что приводит к тому, что классические дедуктивные пути обоснования получают свойство «неубедительной доказательности» [3, с. 18]. Поскольку информация оказывается раздробленной, каждый ее блок воспринимается адресатом текста отдельно; если противоречия в тексте оказываются разбросанными по разным блокам, то суждения, имеющие несовместимые значения, не воспринимаются когнитивным агентом как сказанные «в одно и то же время в одном и том же отношении» [4, с. 125], поэтому логический закон противоречия «не срабатывает». Но если изначально речь идет о восприятии различных сообщений социальной сети (программ телевидения, рекламных блоков и пр.) как просто разных точек зрения, каждая из которых имеет право на существование, то внутри «продающего» текста противоречивые суждения могут содержаться в разных абзацах и при этом приниматься как одновременно истинные, поскольку смена абзаца (воспринимаемого как отдельный информационный блок) трактуется как смена контекста суждения. Соответственно при таком способе восприятия противоречий дедуктивные схемы рассуждения, опирающиеся на непротиворечивость, не воспринимаются как убедительные. Особенно это касается сложных схем – таких как рассуждение от противного или сведение к абсурду.

С. Устно-письменный характер виртуальной коммуникации приводит к возврату к аргументативным паттернам устной текстовой культуры, в частности аналогии и примерам. Это логическое следствие лингвистических изменений, когда в письменной речи пытаются подражать устной, кажется мне самым неожиданным из всех, однако хорошо вписывается в общую картину специфики «квантового мыслителя». Мне представляется, что аналогия и использование примеров («наведение» в терминологии Аристотеля [5]) так востребованы в устной текстовой культуре именно в силу простоты их восприятия и образности, т.е. это именно те схемы, которые мы лучше всего улавливаем «на слух». Квантовое восприятие также тяготеет к упрощенности и наглядности. Обратим внимание на то, что большая часть аргументативных паттернов, используемых непосредственно в рекламе, в основе своей имеет аналогию: *story telling* предполагает аналогию между своим главным персонажем и типичным представителем целевой аудитории, а «аргумент к авторитету» апеллирует к стремлению адресата ко сходству с этим самым авторитетом.

Таким образом, если мы стремимся к действительно убедительной аргументации в рамках публичного дискурса (в том числе – образовательного и научного!), нам следует учитывать специфику нашей аудитории, используя короткие разноформатные блоки информации, все доступные способы ее визуализации, обращаясь к единичной аргументации, построенной на базе рассуждения по аналогии и к аргументативным уловкам, являющимся по сути своей искажениями той же аналогии и затрагивающим при этом эмоциональную сферу адресата (обращенным к Когнитивной системе 1 в терминологии Канемана т. е. системе «быстрого мышления», не основанного на рассуждениях). Но если в рекламных сообщениях такая аргументация кажется органичной, то использование ее в научно-популярном или учебном тексте представляется сомнительным. С одной стороны, поскольку научное знание базируется на дедуктивных схемах рассуждения и научной индукции, отказ от них в пользу «квантовой» риторики грозит привести к искажению и/или утрате части научного знания; с другой стороны, сохранение традиционных аргументативных способов представления научного знания ведет к потере аудитории, так как для носителя квантового мышления такой способ объяснения и обоснования оказывается неубедительным.

Список литературы

1. *Маклюэн М., Фиоре К.* Война и мир в глобальной деревне. М.: АСТ: Астрель, 2012.
2. *Ивин А.А.* Аргументация в процессах коммуникации. Pro et Contra. М.: Проспект, 2017.
3. *Брюшинкин В.Н.* Логика, мышление, информация. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1988.
4. *Аристотель.* Метафизика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1 / Ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1975. С. 63–367.
5. *Аристотель.* Риторика / Пнно, решай быстро. М.: АСТ, 2014. URL: https://vk.com/doc-180589301_521869169?hash=6396f868b4a990a224&dl=6d2e45de2c11768509 (дата обращения: 15.05.2022).

О фиктивности формальной логико-математической методологии

Тарас А. Шиян

кандидат философских наук
Центр гуманитарных исследований
Москва, Россия

Аннотация. В статье показывается ограниченность формальной методологии соответствующим контекстом условно принятых правил. Такие контексты автор называет формальными. Только в них возможна фикция отвлечения от смыслового содержания, составляющая суть формальной методологии. Но сравнение результатов, полученных в рамках разных формальных контекстов (автор называет такое сравнение интерконтекстуальным), всегда опирается на смысловое содержание сравниваемых формализмов, в том числе и на смысловую нагрузку, придаваемую их элементарным графемам. Автор также показывает невозможность формализации интерконтекстуальных сравнений путем априорного задания набора общих правил отождествления/различения «символов». Более того, невозможно также генерализировать обращение к смысловой части «символов», поскольку это обращение ситуативно и не всегда детерминировано. В этом аспекте, выбор, свободное решение исследователя не устранимы из математики и логики даже при существенной опоре на формальные построения.

Ключевые слова: логика, математика, семиотика, герменевтика, формальная методология, методология логики, методология математики

On the fictitiousness of formal logical-mathematical methodology

Taras A. Shiyan

Cand. of Sci. (Philosophy),
Foundation for Humanities, Moscow, Russia

Abstract. It is shown in the article the limitation of the formal methodology within appropriate context of conditionally accepted rules. The author calls such contexts formal. Only within such contexts the fiction of abstraction from the whole sense (what is the essence of formal methodology) functions. But the comparison of the results obtained within different formal contexts (the author calls such comparison an intercontextual) is always based on the sense of the compared formalisms, including the semantic attached to their elementary graphemes. The author also shows the impossibility of formalization of intercontextual comparisons by some a priori general rules for identifying/distinguishing “symbols”. Moreover, it is also impossible to generalize the appeal to the semantic part of “symbols”, since this appeal is situational and not always deterministic. In this aspect, the researcher's choice, free decision cannot be eliminated from mathematics and logic, even with substantial reliance on formal constructions.

Keywords: logic, mathematics, semiotics, hermeneutics, formal methodology, methodology of logic, methodology of mathematics

В [1–4] была показана невозможность использования формальной методологии в качестве универсальной. В реальной логико-математической практике человек всегда удерживает смысл конструируемых, манипулируемых, анализируемых им математических объектов: от формальных букв и некоторых их более мелких графических элементов до формальных слов и состоящих из них более сложных объектов. Фикция чисто формального манипулирования значками и их последовательностями работает лишь в узких, особым образом оговоренных контекстах. В [1] было предложено называть такие контексты *формальными*. Соотнесение же формализмов, взятых из потенциально разных формальных контекстов (здесь работает презумпция их различия), будем называть *межконтекстуальным*. В данном сообщении я планирую повторить и по-новому представить некоторые ключевые выводы и аргументы из [1–4].

Начнем с уточнения основного объекта нашей критики – формальной методологии. Для этого обратимся к «Основаниям теории множеств» Френкеля и Бар-Хиллела, в

которых формальная методология описана следующим образом: «во внимание должны приниматься только вид и порядок символов, к последовательностям которых применяются правила вывода, но никак, например, не “значения” этих символов» [5, 319], для использования данного принципа «достаточно было бы самого минимума интуиции, так называемой “глобальной интуиции”, нужной для умения решить, совпадают ли два рассматриваемых символа или нет» (там же). Слово «значение» здесь нужно понимать широко, как любая информация, не выражаемая «символом» как таковым (его знаковой формой), но связываемая с ним дополнительно (исторически или условно).

Неприменимость формальной методологии в качестве универсальной связано, с одной стороны, с основанием любого формального построения на некоторой системе условных договоренностей. С другой стороны, она обусловлена наличием в общематематическом дискурсе таких явлений, как синонимия, омонимия и многозначность. Это, собственно, и разрушает однозначность понимания любого формального построения каждый раз, как мы выходим за узкие границы базовой для этого построения системы условных договоренностей. Примеры и различные типы синонимии, омонимии и полисемии были описаны в [6–7].

Рассмотрим пример, показывающий существование формальных контекстов, для соотнесения построений в которых необходимо обращаться к смыслу используемых в них «символов». Иными словами, показывающий, что нет одного универсального формального контекста, но таких контекстов может быть только несколько. В логике для обозначения конъюнкции используются разные символы, в частности «&» и « \wedge ». На то, что это разные символы, указывает как их происхождение (графема «&» является лигатурой латинского слова «et», одного из аналогов союза «и», тогда как « \wedge » – перевернутый вариант буквы «v», первой буквы латинского слова «vel», ‘либо’), так и названия (графема «&» называется термином «амперсант», тогда как к графеме « \wedge » это слово не применимо). Следовательно, графемы «&» и « \wedge » в контексте нашей культуры – **разные знаки**, а не варианты одного знака. Строго следуя формальной методологии, мы получаем следующий «парадокс». Пусть \wp – некоторое множество пропозициональных символов без пропозициональных констант для истины и лжи. Тогда любые две формулировки классической логики высказываний (КЛВ) в алфавитах $\langle \wp; \neg, \wedge \rangle$ и $\langle \wp; \neg, \& \rangle$ формально не будут иметь ни одной общей теоремы. Хотя логически они, как очевидно, тождественны. Для их отождествления нужно, во-первых, учитывать их общую содержательную интерпретацию как «знаков конъюнкции» и, во-вторых, смысл, задаваемый формальным приписыванием им функции той или иной конъюнкции.

Аналогичные «парадоксы» можно построить со знаками других связок: эквивалентности « \sim » и « \Leftrightarrow », импликации « \supset » и « \rightarrow », отрицания « \sim » и « \neg », силлогистическими связками «a» и «A», «i» и «I», «t» и «T» и во многих других случаях использования синонимичных способов обозначения (богатый материал о такой синонимии дается в [8]). При этом, вопросы интерпретации и соотнесения «символов» формальных языков иногда носят более запутанный характер. Можно ли договориться считать в логике и математике графемы «&» и « \wedge » графически тождественными и этим снять описанный выше парадокс? Допустим, что это так. Но в случае билогической системы с разными (классическими и неклассическими) пропозициональными связками, в том числе и конъюнкциями (которые могли бы быть обозначены именно этими двумя символами) предположенное графическое отождествление «&» и « \wedge » было бы провалено. Но синонимичные обозначения некоторых других пропозициональных связок таковы, что не позволяют постулировать их отождествление даже при учете только их содержательной интерпретации, игнорируя возможность придания им разной дедуктивной нагрузки. Рассмотрим соответствующий пример. Тильда (значок « \sim ») в логике и математике некоторыми авторами используется как знак отрицания, некоторыми – как знак эквивалентности. Следовательно, универсальное (хотя бы только для классики)

принятие отождествления графем « \sim » и « \neg » как знаков отрицания или графем « \sim » и « \equiv » как знаков эквивалентности приводит в некоторых случаях к отождествлению графем « \neg » и « \equiv » и, соответственно, отрицания и эквивалентности. Иначе говоря, отождествление в логико-математической практике графемы « \sim » то с графемой « \neg », то с « \equiv » носит ситуативный характер и не может быть генерализировано.

Очевидно, что многозначность математических обозначений – гораздо более серьезное препятствие на пути использования формальной методологии, чем синонимия. Вопросы полисемии (многозначности) математических (и логических) обозначений помимо [6–7] рассматривались также в [9].

До сих пор речь шла о необходимости учитывать смысл для отождествления графически разных «символов». Но в интерконтекстуальном сравнении иногда требуется различать также символы, которые являются графически тождественными. Разберем соответствующий пример. Л. И. Мчедlishvili в статье «Позитивная ассерторическая силлогистика и логика одноместных предикатов» [10], В. А. Смирнов в книге «Логические методы анализа научного знания» [11] и В. И. Маркин в книге «Силлогистические теории в современной логике» [12] рассматривали несколько одинаковых силлогистических теорий в языке с простыми общими терминами и четырьмя классическими силлогистическими связками. Хотя содержательно подразумевается, что эти теории построены в одном и том же языке (а некоторые из них просто тождественны), указанные авторы использовали отличные друг от друга системы нотации. Например, общеутвердительное высказывание типа A у Смирнова может представляться последовательностью вида «ASP», у Маркина – «SaP», а у Мчедlishvili – «AaB». Исходя из логических соображений, мы должны в этом случае «A» в «ASP» отождествить с «a» в «SaP» и «AaB», но отличить от «A» в «AaB». То есть здесь никакая «глобальная интуиция» (как бы ее ни понимать) не работает.

Подведем промежуточный итог. Почти всякий раз, когда, изучая некоторую логическую (или иную формализованную) теорию, мы обращаемся к массиву текстов с целью объединения относящихся к ней результатов, нам приходится осуществлять интерконтекстуальное сравнения. При этом, часто приходится не только отождествлять графически разные знаки, но иногда и различать одну и ту же графему, используемую в разных формальных контекстах в качестве разного символа. Все это невозможно без учета приписываемого значкам, «символам» смысла.

Реальный смысл математических знаков многослоен и имеет разные источники. Основу понимания значка составляют различные смысловые аспекты, которыми он был наделен в том общекультурном контексте, из которого он был заимствован, или в общематематическом языке, если этот значок имеет некоторые традиционные способы употребления.

Второй слой связан с содержательной интерпретацией значка в рамках конкретного формального построения. Этот смысл задается словесно и фиксирует намерение автора использовать знак тем или иным конкретным образом в создаваемом им формализме. Часто этот смысл задается словесным комментарием к описываемому формальному алфавиту (например, при помощи словесного ярлыка: «знак конъюнкции», «знак общеутвердительной связки» и т. п.). Третий уровень смыслов – то понимание знака, которое задается формально: на первом шаге посредством конструктивных правил формального языка, на втором – посредством исчисления, формальной семантики или иного теория-подобного объекта. Каждый из этих трех уровней тоже может быть многокомпонентным.

Нужно заметить, что учет всех этих смысловых уровней может все же не давать однозначных оснований для логического анализа. В этом случае требуется принятие решения о выборе способа формализации или сравнения. Разберем соответствующий пример. В силлогистике традиционно выделяются такие типы силлогистических связей, как общеутвердительная (A), частноутвердительная (I), общеотрицательная (E) и

частноотрицательная (O). При этом, помимо собственно аристотелевского, существуют и другие понимания этих связок. При выборе нотации для формализации силлогистических теорий следуют одной из двух стратегий (аналогичные стратегии имеют место и при формализации пропозициональных логик). Либо, опираясь на одинаковую содержательную, словесную интерпретацию, связки одного типа обозначают одной и той же буквой, либо же, опираясь на разный логический (формальный) смысл связок одного типа в разных теориях, обозначают их разными буквами.

Первая стратегия является наиболее распространенной при формализации силлогистик. Так, четыре «аристотелевские» связки передаются обычно одной и той же буквой каждая (a, i, e, o или A, I, E, O), безотносительно к формализуемой силлогистической теории. Эти теории формализуются уже на второй стадии, после задания общего формального языка «силлогистики»¹. Очевидно, что в так построенном семействе дедуктивных систем один и тот же символ (буква, обозначающая какую-то силлогистическую связку) может иметь разный формальный (дедуктивный) смысл. Например, понимание общеутвердительной связки в силлогистике С2 (подразумевает непустоту субъекта) передается тем же знаком, что и понимание общеутвердительной связки в фундаментальной силлогистике ФС (допускает пустоту субъекта) (об этих теориях и их семантике см., к примеру, в [12]).

Вторая стратегия формализации в силлогистике встречается реже. Например, в случае частноутвердительной связкой «некоторые ... есть ...», которая может пониматься по-аристотелевски («некоторые, а может быть, и все») и по-васильевски («некоторые и только некоторые»). Хотя оба варианта связки могут вербализоваться одной и той же конструкцией «некоторые... есть...», в идущей от В. А. Смирнова традиции формализации они обычно передаются разными буквами: «i» и «t» или «I» и «T», соответственно.

Таким образом, иногда логики закладывают в логический анализ нескольких систем тождество некоторых логических связок, опираясь на единство способа их вербализации (содержательной интерпретации) и не учитывая их различия в логическом смысле. Иногда же знаки различают, опираясь на разницу в логическом смысле и отвлекаясь от тождества способа их возможной вербализации (содержательной интерпретации). При этом, предпочтение того или иного основания для отождествления/различения зависит от традиции и предполагаемых методов исследования и не может быть генерализировано. Таким образом, при формализации и последующем сравнении двух и более силлогистических учений, возможны результаты, не имеющие жесткой содержательной обусловленности и зависящие от свободного решения автора формализации.

В затронутой мной теме имеется и много других нюансов, незамечаемых или игнорируемых обычно. Разобрать их все в рамках небольшого доклада, к сожалению, невозможно. В заключение сформулирую основные содержательные выводы.

1. Формальная методология (фикция отвлечения от смысла сравниваемых значков и их последовательностей) работает только в определенных рамках (формальных контекстах).

2. Межконтекстуальное сравнение требует учета смысловой нагрузки, придаваемой рассматриваемым формализмам.

3. Не существует никакой универсальной «глобальной интуиции», позволяющей отождествлять/различать «символы» только на основании их внешнего вида, без учета содержательной нагрузки.

¹ Одно из немногих исключений – статья В.А. Смирнова «Дефинициальная эквивалентность систем силлогистики» [13], в которой учет дедуктивного смысла связок в формальном языке обусловлен задачей и методикой исследования: сравнить разные понимания силлогистических связок в рамках одного формального построения.

4. Принимаемые при межконтекстуальных сравнениях решения об отождествлении/ различении конкретных обозначений не могут быть генерализованы в систему априорно применимых формальных правил различения/отождествления «символов».

5. Принимаемые при формализации и межконтекстуальных сравнениях решения о приоритетном учете того или иного смыслового уровня не могут быть генерализованы в систему априорных методологических требований предпочтения тех или иных содержательных оснований отождествления/различения «символов» и других используемых обозначений.

6. Формально описать некоторую систему межконтекстуального сопоставления двух формализмов можно только *ad hoc*.

7. Внутренней причиной ограниченности применения формальной методологии некоторым формальным контекстом является базирование формальных построений на системе условных договоренностей, выход за пределы которых потенциально разрушает как однозначность построений, так и фикцию отвлечения от смыслового содержания этих построений.

8. Внешней причиной ограниченности применения формальной методологии некоторым формальным контекстом является наличие в общематематическом дискурсе развитой системы синонимии, омонимии, полисемии (многозначности), что делает невозможным отвлечение от содержания используемых значков и их последовательностей.

В завершение своего доклада хочу отнестись к заявленной теме конференции. Человек всегда остается человеком. Его сознание и мышление – стихия смыслов. Любые формальные построения (символьные или компьютерные) возникают лишь в поле человеческих смыслов и распадаются вне него. Существование в нашем сознании, мышлении, знании чего-либо лишённого смысла – только иллюзия, возникающая в силу избирательности личного и общественного внимания. Данный доклад – иллюстрация того, что отвлечение от смыслового содержания невозможно даже в рамках формальной логико-математической методологии.

Список литературы

1. Шиян Т.А. О некоторых проблемах интерпретации логико-математической символики // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип. 10. Стратегії інтерпретації тексту: методи і межі їх застосування. Одеса, 2006. С. 223-230.

2. Шиян Т.А. О фактических ограничениях формальной методологии // Философия математики: актуальные проблемы.: Материалы Междунар. науч. конф. 15–16 июня 2007. М.: Изд. Савин С.А., 2007. С. 134–136.

3. Шиян Т.А. О некоторых ограничениях формально-математической методологии // Вестник РГГУ. Серия «Философия». № 7/08. М., 2008. С. 307–318.

4. Шиян Т.А. Приложение. О некоторых ограничениях формально-математической методологии // Структурные описания множеств формальных теорий (на материале формальных силлогистик): Дис. ... канд. филос. наук. М., 2008. С. 166–178.

5. Френкель А.А., Бар-Хиллел И. Основания теории множеств. М., 1966.

6. Шиян Т.А. Семиотический анализ математической символики: синонимия, полисемия, омонимия, антонимия, конверсия // Гуманитарное измерение меняющегося мира. М.: Издат. центр ЕАОИ, 2008. С. 219–239.

7. Шиян Т.А. Семиотический анализ логико-математической символики (О синонимии, полисемии, омонимии, антонимии, конверсии) // Электронный философский журнал Vox. Вып. 9 (декабрь 2010). URL: <http://vox-journal.org/html/issues/vox9/134> (дата обращения: 15.05.2022).

8. Cajori F.A. History of Mathematical Notations. Vol. I. Notations in Elementary Mathematics. Chicago, 1928. Vol. II. Notations Mainly in Higher Mathematics. Chicago, 1929.

9. *Шиян Т.А.* Скобки в математике: логико-семиотический анализ // *Философия. Язык. Культура.* Вып. 2 / Отв. ред. Ю.В. Горбатова. СПб.: Алетейя, 2011. С. 90–104.
10. *Мчедlishvili Л.И.* Позитивная ассерторическая силлогистика и логика одноместных предикатов // *Логика и системные методы анализа научного знания.* М., 1986.
11. *Смирнов В.А.* Логические методы анализа научного знания. М.: Наука, 1987.
12. *Маркин В.И.* Силлогистические теории в современной логике. М., 1991.
13. *Смирнов В.А.* Дефинициальная эквивалентность систем силлогистики // *Труды научно-исследовательского семинара логического центра Института философии РАН,* 1993. М., 1994.

ЦИФРОВАЯ ВЛАСТЬ В СОЦИУМЕ

Свободный выбор морального агента в условиях несвободы слова

Софья В. Глебова

инженер-исследователь,

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Свобода слова – одна из основных свобод, притеснение которой предъявляют друг-другу разные стороны политического компаса. Однако наблюдение за развитием социальных сетей вновь актуализирует вопрос возможности свободы слова как таковой и, более того, её желанности среди непосредственной аудитории. В докладе рассмотрены ключевые проблемы ограничения свободы высказывания в социальных сетях и актуальные возможности проявления морального агента, в т.ч. его роль в перспективах развития среды виртуальных высказываний.

Ключевые слова: Свобода слова, моральный агент, свобода выбора, социальные сети

Free Choice of a Moral Agent under the Conditions of Unfree speech

S.V. Glebova

research engineer

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. Freedom of speech is one of the fundamental freedoms. Different sides of political compass usually use the oppression of it to denounce to each other. However, social networks development actualizes the problems of freedom of speech as such and, moreover, questions its necessity among the audience. In considering the crucial problems of free speech limitations in social networks and the actual possibility of representing a moral agent, including its role in the prospects for the development of the social networks.

Keywords: Freedom of speech, moral agent, freedom of choice, social networks

При поддержке гранта РФ

«Трансформации морального агентства: этико-философский анализ»

№ 22-28-00379

Свобода слова – базовое право человека, указанное в декларации ООН 1948 г. Тем не менее, оно не является абсолютным, что была вынуждена подтвердить в 2010 г. в своей речи «Баланс регуляции “hate speech” и свободы высказывания» Заместитель Генерального секретаря Совета Европы Мод де Бур-Букиккио [1]. Проблема регуляции информации в сети действительно стоит остро: социальные сети являются крупными игроками на рынке (и в политике), часто государствам приходится считаться с владельцами компаний [2], предлагаются различные варианты регуляции контента, в том числе и на международном уровне.

Ограниченность возможности высказываться в социальных сетях отмечают и сами пользователи. Вряд ли, к сожалению, можно проверить опрос о свободе слова на странице Илона Маска в twitter на референтность выборки, однако, 70% из более, чем 2 млн пользователей ответили “нет” на вопрос «Свобода слова жизненно необходима для функционирования демократии. Считаете ли вы, что Twitter следует этому принципу?».

Посты в социальных сетях блокируются регулярно по ряду причин: запросы властных структур на блокировку контента, нарушающего законодательство, нарушение авторских прав и hate speech [3]. Проблема «разжигающих ненависть постов», зачастую, заключается в том, что сама формулировка оценочна и крайне широка – под эту

категорию попадают позиции, которые не совпадают с представлением модераторов контента, при этом мысли, поддерживающие официальную позицию, пусть и радикальные не рассматриваются как “hate speech”.

Результатом борьбы с потенциально опасным контентом стала сегрегация аудитории социальных сетей. Социальные сети западных компаний «отфильтровывают» посты с hate-speech, гомофобные высказывания, блокируют публичные страницы и аккаунты СМИ, связанные с правительством РФ и пр.. Отечественные социальные сети также блокируют посты, содержащие призывы к разжиганию ненависти, контент, пропагандирующий нетрадиционные сексуальные отношения, информацию, дискредитирующую военные силы РФ и т. д.

Выходит, что шанс высказаться свободно у морального агента остается: многообразие социальных сетей позволяет моральному агенту выбирать публикационную политику, которая подходит именно ему. Полярность политики социальных сетей и государств, в этом смысле, оставляет возможность индивидам высказывать свои мысли в той социальной сети, в пространстве которой эти мысли разрешены к публикации. Таким образом, в отдельной социальной сети собирается некоторая общность моральных агентов, разделяющих определенные нравственные ценности и мировоззрение в целом. Следовательно, сегодня имеет смысл говорить, скорее, о свободе морального агента выбирать пространство, где он может высказаться, нежели о свободе слова как таковой.

Такая тенденция определяет перспективу развития площадок для обмена мнениями: они становятся относительно закрытыми клубами «по интересам». Функция, реализуемая любой крупной социальной сетью «пожаловаться» зачастую становится инструментом новых «крестовых походов» в социальных сетях против определенных опубликованных мыслей или даже против людей, которые эти мысли опубликовали. Так, например, из-за обилия жалоб YouTube ограничил доступ к фильму «Беслан» (2020 г). В результате формируется новая волна «эмигрантов» социальной сети. Так, постепенно закрепляется информационный пузырь вокруг пользователей конкретной социальной сети, укрепляет его «умная новостная лента», которая формируется социальными сетями согласно запросам пользователя. Здесь нужно отметить, что этот процесс всё ещё идет, и как любой социальный процесс вряд ли будет завершён до конца.

Таким образом определяется представление о том «о чем...» и «как престало рассуждать» в рамках той или иной социальной сети, в условиях той ленты, которую пользователь сформировал. Стоит отметить, при этом, что «слово» в пространстве виртуальном перестаёт быть «просто» словом, так как посредством публикации слов моральный агент и формирует свою виртуальную представленность в рамках социальной сети. Кроме того, «слово произнесенное» в социальной сети теряет временную ограниченность и формирует моральный образ агента до тех пор, пока находится в Интернете. Результатом этого часто становится самоцензура «я вообще не буду высказываться по этому поводу, чтобы меня не заклеямили» (в условиях современной морализации общества и такой метод не всегда работает) – частая позиция.

Предполагается, что в будущем свобода слова в интернете будет всё более ограничена, так как усложнение систем и увеличение количества социальных связей приводит к росту потребности в регулировании. Следовательно, с одной стороны, моральный агент стремится выбирать комфортную среду и исключать из своего окружения другого, не разделяющего его собственную ценностную позицию (то есть, аморального). С другой стороны, исключает любую возможность для дискуссий в том числе сам, собственноручно. Налицо, конфликт, между стремлением морализовать окружающих посредством политики публикации и негативной, часто эмоционально окрашенной реакцией на опубликованные мысли, а с другой признание отсутствия свободы высказывать это мнение в пространстве социальной сети. Попытки разрешения этого конфликта путем наложения законодательных ограничений или внутренней политикой социальных сетей приводят резкой критике. Следовательно, наиболее удачным

представляется урегулирование конфликта этическими методами: составлением этических кодексов, продвижения цифрового этикета и Интернет-грамотности и т. п.

Список литературы

1. *Boer-Buquicchio M.* Balancing the governance of hate speech and freedom of expression / the free flow of information on the Internet // Council of Europe. URL: https://www.coe.int/t/dc/files/events/internet/2010_sga_osce.asp. (дата обращения 30.06.2022).
2. *Емельянов Д.С. Овчинников А.А.* Ограничение права на свободу слова в эпоху социальных сетей // Образование и право. 2021. № 3. С. 46-53.
3. *Скурко Е.В.* Право и мораль в социальных сетях // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: Реферативный журнал. 2020. №3. С. 58-65.

Образ Софии: популярность и неприятие у философии и богословия

Ольга А. Грива

*доктор философских наук, профессор
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
Симферополь, Россия*

Аннотация. Автор анализирует особенности места и роли учения о Софии (Софиологии) в истории русской религиозной философии и отечественного богословия. Предпринимается попытка вскрыть причины особой популярности мифа и, в то же время, явного его неприятия Православной церковью и современным богословием.

Ключевые слова: Софиология, учение о Софии, русская религиозная философия, миф

The image of Sophia: popularity and rejection by philosophy and theology

Ol'ga A. Griva

*Dr. of Sci. (Philosophy), professor
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russia*

Abstract. The author analyzes the features of the place and role of the doctrine of Sophia (Sophiology) in the history of Russian religious philosophy and also Russian theology. An attempt is made to reveal the reasons for the special popularity of the myth and, at the same time, its obvious rejection by the Orthodox Church and modern theology.

Keywords: Sophiology, the doctrine of Sophia, Russian religious philosophy, myth

Не вдаваясь в особенности софиологии, как учения о Софии – премудрости Божьей, напомним, что В. Соловьев, который положил начало этому течению в русской философии, попытался решить фундаментальные проблемы философии единства, полагая, что она может превратиться в метафизику веры. Во-первых, в этом мы видим попытки преодоления пантеизма через Софию, достижение истинного единства веры и знания. Концепция Софии должна была помочь решить проблемы онтологии (единства Бога и мира) и эпистемологии (познания непостижимого).

Критики пантеистической тенденции в творчестве В.Соловьева подчеркивали, что в нем отведено «недостаточно места вопросам креационизма», поэтому Соловьев хотел восполнить данный пробел в этом учении. В то же время, он никогда не занимался систематической реализацией этой концепции, предоставляя своим последователям возможность решить эту проблему.

Так, Николай Бердяев, характеризуя мировоззрение В. Соловьева, утверждал, что его центральной идеей была идея конкретного единства. Он акцентировал внимание на вере его в человечество, как в реальное существо, что, по всей видимости, выражалось в том числе, и в учении о Софии. В. Соловьев считал Софию идеальным, совершенным человечеством. Для В. Соловьева София – вечно совершенный прообраз мира, который, однако, изначально содержит в себе полноту реальных сил мира... По Соловьеву, свобода мировой души была условием ее падения, ставшего началом мирового процесса. Но, конечно, в то же время, он не думал, что божество было внутренне разделено в начале мира и, что его дух был отделен от Бога. Соловьев твердо стоял на идее Вечности и неизменности Божественной жизни.

С точки зрения метафизики, софийский идеализм можно рассматривать как философское направление, стремящееся преодолеть недостатки классического идеализма (единства). Софиология в русской философии превратилась в противоречивое единство мистического и рационального подходов к миру и человеку [1, с. 6]. Так, С.С. Хорунжий пишет, что «русская метафизика единства родилась на древней и богатой основе. Каждое

из ее учений имеет сложную генеалогию, но для каждого из них можно назвать какой-то базовый прототип, с которым наиболее тесно связано его понимание единства» [2, с. 23]. Для большинства систем таким прототипом служит мифологема Софии – Божьей мудрости. Эти «софиологические» системы следуют линии христианского платонизма и воспринимают концепцию «мира в Боге», но в определенной версии, где концепция предстает в личной, персонифицированной форме под видом Софии как живого существа.

Все земное в русской философии, пишет В. Лосский, оценивается с точки зрения идеала полноты бытия в Боге на основе совершенной любви к Богу и творениям. По его словам, целостная мировая реальность, связанная любовью Божьей и озаренная красотой Святого Духа, – это София, самый сложный объект богословских спекуляций, порождающий совершенно разные интерпретации [3, с. 281].

София – это принцип, объединяющий дух и материю, Бога и мир, цель которого – устранить акосмизм православия и недостатки крайнего трансцендентализма. Но здесь открывается другая опасность – погружение в логику платонизма, то есть того же пантеизма. Как одно из средств построения метафизики веры в русской философии, софиология должна была следовать срединному пути и избегать соблазнов, и крайностей.

С.Л. Франк отмечал, что «национальная религиозность России имеет сильное чувство космизма. Русская национальная религиозность характеризуется уважением к Божией Матери и святыням, которые Ф.М. Достоевский утверждал чрезвычайно важными для русской веры.

У В. Соловьева, П. Флоренского и С. Булгакова идеи о Софии преобразовались в богословскую концепцию Святой Софии, божественной мудрости как божественно-космического принципа.

С.Л. Франк считал, что в этом случае не было потери человека, который не имеет пантеистического поклонения природе, которая, напротив, религиозно очеловечена и втянута в сферу человеческой метафизики. Н.И. Бердяев пишет, что в церковном богословии учение о космосе вообще не было открыто, а учение о человеке было раскрыто очень односторонне. Он утверждал, что космология всегда была контрабандой в христианстве. В этом ключе – Софиология, как наука – это одна из попыток восполнить пробелы в космологии христианства. И, что примечательно, все космологические учения христианской теологии и христианской философии всегда подвергались сомнению. Официальное теологическое сознание предпочитало научный позитивизм и механистическое изучение природы любому космологическому гнозису. Бердяев считал, что настоящая христианская теософия развилась в софиологии.

В то же время он рассматривал софиологию как угрозу антропологии. Характеризуя эти противоречия, он подчеркивал, софианство принимает такие формы, в которых проблема космоса угрожает полностью поглотить человеческую проблему....

Учение о Софии в русской религиозной мысли – одна из попыток вернуть христианство к космическому сознанию, занять место во Христе космологии и космофии. Софианство имеет симптоматическое значение как попытка преодолеть позитивизм Церкви.

В заключении отметим, что идеи о Софии – Премудрости Божьей развернулись в целую софиологическую ветвь в русской религиозной философии (В. Соловьев, Н. Бердяев С. Булгаков, П. Флоренский, А. Лосев, С. Аверинцев). А со стороны церковного традиционного богословия учение о Софии традиционно осуждалось и расценивалось как еретическое.

Интерес к Софии в современной философии религии и религиоведении не утихает, периодически появляются интересные интерпретации мифа о Софии, но чаще уже в осмыслении созданного предыдущими софиологами (Гараева Г.Ф., Громов М.Н., Козырев А.П., Трибушный Д. О., Хачатрян М.В. и др.).

Миф о Софии и в современной религиозной действительности принимает, несмотря ни на что, деятельное участие, иногда бывает совершенно не принимаем, а

порой, кажется, воспринимает черты аномальности, как в некоторых новых религиозных движениях.

Список литературы

1. *Гараева Г.Ф.* Онтогносеологическая сущность софиологии и ее место в русской философии: Соловьев, В.С., Флоренский П.А., Булгаков С.Н.: Дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03. Армавир, 2000.
2. *Хоружий С.С.* Перепутья русской софиологии // О старом и новом. СПб. : Изд-во «АЛЕТЕЙЯ», 2000. С. 141–168.
3. *Лосский Вл.* Спор о Софии: «Докладная Записка» прот. С. Булгакова и смысл Указа Московской Патриархии // Лосский Вл. Спор о Софии.: Статьи разных лет. М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1996.

Оцифрована, о(рас)колдована:
модусы бытования культуры цифровой эры

Елена Э. Дробышева
доктор философских наук, доцент,
Академия русского балета имени А.Я. Вагановой
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Современная культура, существующая сегодня, в том числе, и в цифровом формате, может быть проанализирована с точки зрения протекающих в ней встречных процессов – продолжающегося процесса «расколдовывания» (в веберовском смысле) и, соответственно, «нового околдовывания» мира. «Околдовывание 2.0» – это новый виток ремифологизации и нарастания иррационального начала в наличной цифровой реальности. Пространство репрезентации этого тренда включает в себя как повседневные массовые практики типа игровых и сетевых культурных стратегий, так и новейшие формы научного знания, художественные, образовательные и политические технологии. Делается вывод о диалектическом характере процессов в современной культурной архитектонике.

Ключевые слова: современная культура; цифровая эра; архитектоника культуры; расколдовывание мира; околдовывание мира 2.0

Digitized, (dis)enchanted: modes of culture's existence in the digital era

Elena E. Drobysheva
Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor,
Vaganova Academy of Russian Ballet
Saint Petersburg, Russia

Abstract. Modern culture that exists today, including in its digital form, can be analyzed from the point of view of the counter processes taking place in it - the ongoing process of “disenchantment” (in the Weberian sense) and, accordingly, the “new enchantment” of the world. “Enchantment 2.0” is a new round of remythologization and the growth of the irrational beginning in the digital reality. The space of representation of this trend includes both everyday mass practices such as game and online cultural strategies, on one side, and the latest forms of scientific knowledge, artistic, educational and political technologies, on the other. The conclusion is made about the dialectical nature of the processes in modern cultural architectonics.

Keywords: modern culture; digital era; architectonics of culture; disenchantment of the world; world enchantment 2.0

Цифровые технологии создают новую реальность существования человека в культурном пространстве. Процессы Производства / Продвижения / Потребления Культурного Продукта целиком или частично построены на digital-технологиях, что требует от всех участников процесса глобальной перестройки отработанных навыков – от психологической готовности и эстетической гибкости до профессиональной и инструментальной подготовки – как условного Автора, так и универсального Зрителя / Слушателя / Читателя. Спектр проблем, связанных с оцифровкой имеющегося культурного наследия и с созданием новых творческих digital-артефактов, требует многоплановой аналитической разработки в пределах философского, культурологического, социологического, экономического и прочих подходов в рамках социогуманитаристики.

Однако, помимо очевидных, проявленных в современном культурном пространстве процессов, связанных с цифровизацией (уже многократно описанных и проанализированных в научной литературе), существуют и более глубинные, онтологические подвиги, связанные с самой архитектонической логикой функционирования культуры. Речь идет о противоречивых тенденциях, которые вслед за

Фридрихом Шиллером и Максом Вебером, могут быть обозначены как *расколдовывание* и *околдовывание* мира.

Тренд на расколдовывание (нем. *Entzauberung der Welt*) был заявлен Вебером в ряде программных трудов уже более века назад и связывался им с нарастающей рационализацией, инструментализацией, технизацией и вытекающей отсюда схематизацией всех сторон жизни общества. Сциентизм и научные революции Нового времени, расширение влияния протестантизма, усиленное «духом капитализма» – все эти факторы способствовали истощению магического, чудесного, иррационального пласта европейской (прежде всего) культуры: «... мир расколдован. Теперь всё делается с помощью технических средств и расчета» [1, с. 713].

Цифровая эра добавляет к факторам, описанным Вебером, свой арсенал средств и технологий. Исследователи продолжают обнаруживать признаки и исследовать тренд расколдовывания мира уже на примерах современных реалий общественного развития. Так, например, Джордж Ритцер анализирует рост «формальной» (веберовский термин) рациональности в современном мире в дискурсе «макдональдизации» [2]. Распространение технологии и идеологии Макдональдса, взятого за ролевую модель, Ритцер применяет к анализу большинства аспектов жизни условного западного общества, включая экономику, культуру, образование и отмечает, что везде доминируют «предсказуемость, контроль и нечеловеческие технологии», и в результате отовсюду изгоняется магический элемент, поскольку «сложно себе представить массовое производство волшебства, фантазий или грёз» [2, с. 366]. С другой стороны, автор отмечает встречный генезис описываемого им феномена: «Рациональные системы неизбежно порождают *иррациональность*. Обратную сторону макдональдизации следует систематически рассматривать именно с точки зрения иррациональности рационального; парадоксальным образом, иррациональность можно считать пятым фактором макдональдизации» [2, с. 80], вкупе с эффективностью, просчитываемостью, предсказуемостью и контролем.

Цифровая культура, наряду с нарастающей технологизацией формальных, инструментальных и институциональных оснований всех видов человеческой активности, демонстрирует нам и обратную тенденцию – усиление магического, иррационального, мифологического сознания, примеры чего мы можем обнаружить в самых различных общественных практиках: в сфере игровой и сетевой культуры, художественных и развлекательных проектах, политической и образовательной средах. *Околдовывание 2.0* соответствует актуальным ожиданиям и имеет соответствующие ценностные основания. Подобно тому, как Макс Вебер, опираясь на неокантианскую философию ценностей, «анализирует процесс религиозно-метафизического расколдовывания картин мира как результат дифференциации культурных ценностных сфер» [3, с. 27], в дальнейших исследованиях мы планируем подробно проанализировать аксиосферу цифровой эры. В глобальном смысле и наш дигитальный мир «остаётся большим заколдованным садом» [4], что продиктовано имплицитным желанием человека спастись от внешнего контура насилия, в данном случае – технико-технологического.

Архитектоника культуры цифровой эры фундаментально не оригинальна. Нелинейность и, соответственно, неоднозначность и диалектическую природу глубинных культурных процессов, непротиворечивое сосуществование разнонаправленных тенденций, затрагивающих онтологические пласты культуры, отмечали, к примеру, представители франкфуртской школы. Т. Адорно и М. Хоркхаймер отмечали, что «мифы, становящиеся жертвой Просвещения, сами являются его же непосредственными продуктами» [5, с. 21]. Цифровая эра создает новые и реактуализирует старые мифы в искусстве, науке, политике и повседневности, отвечая на экзистенциальные запросы *Homo Digital*.

Мифология цифровой эры выстраивается вокруг представления о возможностях человека в «новом дивном мире». Все повторяется. Вебер писал: «Возрастающая

интеллектуализация и рационализация не означают роста знаний о жизненных условиях, в каких приходится существовать. Она означает нечто иное: люди знают или верят в то, что стоит только захотеть, и в любое время все это можно узнать [1, с. 713]. Только теперь – с помощью новейших технологий.

Список литературы

1. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990.

2. Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5 / Пер. с англ. А.В. Лазарева; Вступ. ст. Т.А. Дмитриева. М.: Праксис, 2011.

3. Хабермас Ю., Тягунова Т. Расколдовывание религиозно-метафизических картин мира и возникновение современных структур сознания // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 1. С. 27-51.

4. Вебер М. Социология религии // Работы М. Вебера по социологии религии и идеологии / Отв. ред. Я.М. Бергер. М., 1985. С. 76-104.

5. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения: Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум-Ювента, 1997.

О понятии «лжемиссия»

Владимир Ю. Ефанов

ассистент кафедры религиоведения

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Симферополь, Россия

Аннотация. Доклад посвящен новому явлению в жизни религий, которое мы назвали лжемиссией. Существует устойчивое представление о деятельности религиозных организаций, в том числе как канала экстремистской идеологии.

Лжемиссионерство находясь на службе у экстремизма является одним из каналов распространения его идеологических, внерелигиозных установок. Предлагаются ориентировочные отличительные признаки лжемиссии от остальных форм распространения религиозных учений. Автор делает допущение об экстремистских паттернах лжемиссионерства.

Ключевые слова: лжемиссия, миссионерство, прозелитизм, экстремизм, религия

About the concept of "false mission"

Vladimir Yu. Efanov

assistant of the Religious Studies Department

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Simferopol, Russia

Abstract. The report is devoted to a new phenomenon in the life of religions, which we called a false mission. There is a stable idea of the activities of religious organizations, including as a channel of extremist ideology.

Being in the service of extremism is one of the channels for spreading its ideological, non-religious attitudes. Approximate distinguishing features of false messi from other forms of dissemination of religious teachings are proposed. The author makes an assumption about extremist patterns of pseudo-missionerism.

Keywords: false mission, missionary work, proselytism, extremism, religion

Принято считать, что мировые религии над-национальны и тесно связаны с активной миссионерской деятельности, которая и выражает их универсальные притязания. На протяжении истории активная проповедь осуществлялась в рамках каждой из мировых религий, так постепенно складывались территории, которые принято называть «каноничными». Однако в наши дни ситуация меняется, так как каноничность территорий и их население закрепились практически повсеместно: значит ли это, что мировые религии в условиях *ограничения свободы распространения* утрачивают свою суть, именно как интернациональные, над-национальные? Более того, теперь не надо реально внимать проповеди миссионера, для того чтобы узнать суть нового учения - о ней можно узнать из Сети Интернет. В этих условиях под видом реального миссионерства может скрываться иная деятельность с иными, нежели миссионерские, целями. Ярчайшие примеры этой «инаковости» являются сегодня экстремистские формы извращения исламского вероучения. Когда под джихадом всегда понимается война с неверными [1]. А покрытая мусульманка ассоциируется с идеологией ваххабизма и терроризмом.

Это обстоятельство не остается незамеченным. В этом контексте и в рамках борьбы с экстремизмом и терроризмом в РФ в 2016 г. вступила в силу правовая норма, регулирующая миссионерство – поправки в ФЗ № 125 «О свободе совести и религиозных объединениях». Другими словами, сработала тенденция в миссионерстве вообще видеть канал распространения идеологии экстремизма, и теперь распространение вероучения ограничено получением соответствующих документов. Но многие представители религий,

в основном протестантские сообщества, продолжали свою проповедь, не имея документального подтверждения, что в результате вылилось в формирование нелегального, незаконного миссионерства. Об этом свидетельствует статистика по России за прошлый год [2]. Но правовая оценка этой деятельности как незаконной не лишает её своей миссионерской сути, создавая для неё дополнительное измерение.

Миссионерство в наши дни как практика религиозных сообществ, движимая внутренним долгом миссионера – «спасти заблудших в неправильных верованиях» - принимает новые формы, а в них миссия может реально осуществляться или не осуществляться. Как же тогда назвать деятельность, ведущуюся под флагом миссионерства? Как распознать в деятельности религиозной организации лжемиссию и как отличить ее от стандартной, но просто нелегальной миссии?

Лжемиссионерство или *лжемиссия* может быть понята с двух сторон. С одной стороны, как внешнее оценочное суждения о деятелях религиозной миссии, что свойственно конфессиональному сообществу в случае прозелитизма. Под *прозелитизмом* мы понимаем *вертикальный* тип коммуникации, при котором адресант монополизирует понимание истины и настаивает на обращении адресата в свою веру, считая себя как обладателя истины, выше адресата. В случае прозелитизма адресант уверен, что это его миссия и занят он именно миссионерством.

С другой стороны, о лжемиссии мы говорим тогда, когда миссионерство граничит с **вербовкой**. Согласно словарю Ожегова, слово «вербовать» имеет следующий смысл: набирать, нанимать, привлекать для каких-нибудь работ в какую-нибудь организацию, вербовать добровольцев. вербовать рабочую силу; вербовать агентуру. Среди приведённых значений нет ни одного, которое имело бы религиозный характер. Вербовка – это коммуникация с изначальным замыслом использовать вербуемого для своих целей. Именно эта цель является ключевым элементом коммуникативного акта в случае лжемиссии. Подмена адресантом религиозных установок идеологическими, но внешне выглядящими как религиозные, делает адресанта лжемиссии экстремистом по идеологии и действиям.

Таким образом, в лжемиссионерстве цели не религиозны – они скрыты, замаскированы под религиозные и носят характер квази-религиозных. Лжемиссия представляет собой вид коммуникации, в которой происходит спекуляция и подмена, где вместо религиозных убеждений коммуниканту внушаются иные, соответствующие целям и интересам адресанта. Лжемиссия – это коммуникативная практика, направленная на *мотивацию адресата* для реализации вне-религиозных целей адресанта под видом религиозных. К последним можно отнести, например, разновидность ксенофобии как агрессивной нетерпимости к любому Другому, призыв к построению Халифата как «малое зло ради Великой цели», использование теневой экономики для получения ресурсов. Деятельность запрещенного «Исламского государства» нам предоставляет массу примеров, когда люди, испытывающие потребность в вере, становятся средством достижения чьих-то интересов, будь то наркотрафик, торговля оружием или терроризм.

Лжемиссионерство - любая религиозно окрашенная вербовка, оно призывает к деятельности, чаще всего, в агрессивной форме, становясь экстремизмом. Экстремизм всегда покушается на базовые человеческие права. Подмена религиозных установок, установками экстремисткой идеологии способствует большему числу последователей данной идеологии. И в случае достижения его цели в отношении жертвы делает его экстремистом. Порой, доводя до крайней формы – терроризма.

Границу в понимании трёх форм внекультурной деятельности можно прочертить так:

- миссионерство движимо внутренним долгом миссионера, и отказ от его миссии воспринимается самим миссионером как норма т.к. он способен принять ценностный мир обращаемого;

- прозелитизм осуществляется как миссионерство, но его конечной целью является обращение в свою религию, т.к. такой миссионер не принимает основания ценностей обращаемого;

- в случае лжемиссии у потенциального неопита происходит подмена религиозных установок нерелигиозными, чаще всего идеологическими, удовлетворяющими потребности лжемиссионера и тех, от чьего имени они действуют.

Итак, миссионерство представляет собой коммуникативную практику, в которой миссионер движим внутренним долгом, перед религиозной идеей. Аномалии миссионерства выражаются в прозелитизме и в лжемиссионерстве. Лжемиссионерство – это служение идеологическим установкам и спекуляция на религиозной вере. Маркеры, отличающие лжемиссионерство от других коммуникативных практик:

- 1) подмена религиозных идей на нерелигиозные (*скрываемое – экономические и политические интересы и прикрывающее – религиозные идеи, для адресанта, а прикрываемое – религиозные идеи для адресанта*);
- 2) подмена происходит с заранее известной целью (*цель лжемиссии призыв к активным агрессивным действиям адресата*);
- 3) использование мотивации адресата для агрессивной реализации нерелигиозных целей, прикрытых религиозными идеями;
- 4) лонечная цель в лжемиссии носит экономическое и политическое содержание, облеченное в религиозную или квазирелигиозную форму (*Вербовка для того, чтобы адресаты-вербовщики решали политические и экономические задачи*).

Религиозный контекст вербовки служит исключительно прикрытием таких задач. Намеренное прикрытие религиозным контекстом позволяет сыграть на ценностных установках. Которые служат самым действенным побудителями последующих действий экстремистского содержания. Лжемиссия покоится на экстремистских паттернах.

Список литературы

1. Кузьменко Н.С. Валюативная модель джихада на примере типологии Каййима аль-Джаузийя // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 4 (57). С. 144-149.
2. Портал Статья 28. Свобода, мысли, совести и религии в России. URL: <http://article28.ru/statistics/2021/> (дата обращения 16.06.2022).

Цифровизация и её влияние на человеческую личность

Анна М. Игнатова

кандидат политических наук

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Цифровые технологии всё активнее проникают в жизнь общества. Это проникновение имеет самые разнообразные последствия. Данные последствия активно обсуждаются в литературе, однако внимание сосредотачивается, большей частью, на социальной и общепсихологической стороне, индивидуально-личностная проблематика остаётся почти без внимания. Рассмотрению именно данной проблематики посвящена данная статья.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровизация, воздействие цифровых технологий на личность, последствия цифровизации, страхи и риски цифровизации, цифровое поколение, «цифровые дети»

Digitalization and its impact on the human personality

Anna M. Ignatova

Cand. of Sci. (Political Science)

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. Digital technologies are increasingly penetrating the life of society. This penetration has a variety of consequences, these consequences are actively discussed in the literature, however, attention is focused, for the most part, on the social and general anthropological side, individual-personal problems remain almost without attention. This article is devoted to the consideration of this issue.

Keywords: digital transformation, digitalization, the impact of digital technologies on a person, the consequences of digitalization, fears and risks of digitalization, digital generation, "digital children"

Если попытаться дать предельно короткое определение цифровизации, то последнюю можно определить, как процесс последовательного смещения акцента в использовании цифровых технологий: цифровая реальность перестаёт быть вспомогательным средством, перестаёт быть дополнением аналоговой и приобретает качество доминантного социального феномена [1].

Поскольку цифровизация – одна из самых популярных тем современного научного поиска, её исследованию посвящено огромное количество литературы. Однако, как нам кажется, недостаточно изучен индивидуально-личностный аспект данного явления. А подобное изучение необходимо уже хотя бы потому, что пока результаты воздействия цифровизации на личность имеют более негативную, нежели позитивную окраску.

Исследованию негативных последствий встречи человека с цифрой и посвящён эта статья.

Первое негативное последствие – появление новых видов страха. Какие страхи переживает современный человек наряду с теми, что присутствовали всегда? Краткий перечень таков:

- 1) боязнь чего-то непонятного и сложного;
- 2) страх перед глобальными изменениями в мире, которые могут стать причиной исчезновения многих профессий и, соответственно, потери работы;

3) неприятие того, что изменения происходят уже в настоящем, а не являются вопросом далекого будущего;

4) «дискомфорт скорости»: скорость принятия решений техническими инструментами несоизмеримы с человеческими способностями;

5) боязнь совершить ошибку из-за отсутствия возможности и умения преодолеть препятствия, возникающие в связи с быстрыми изменениями;

6) боязнь оказаться неспособным освоить новые не только знания, но и навыки, требующиеся в новых условиях;

7) опасение потери достигнутых результатов в карьере из-за возможности сокращения рабочих мест и неравенства заработных плат в различных сферах деятельности.

Второе негативное последствие – появление новых форм *риска*. Таких форм, как нам представляется, можно насчитать пять:

1. Риск технический: сбой «железа» может произойти неожиданно и привести к непредсказуемым результатам;

2. Риск личностно-коммуникационный: усиление индивидуализма личности - общение в основном осуществляется на просторах Интернета, а он заменяет личные контакты (социальные сети, мессенджеры). Данная тенденция получила особенно широкое распространение в период пандемии COVID-19, когда личное пространство оказалось ограничено домом;

3. Риск утраты неприкосновенности частной жизни (лишение права человека на безопасное одиночество). Когда человек проводит значительное количество времени в цифровом пространстве, он лишается изолированности личного пространства: по цифровому следу можно составить исчерпывающий его портрет [2, с. 8];

4. Риск стирания в межличностной коммуникации границы между объективным (живым, непосредственным) и виртуальным (опосредованным цифровыми технологиями): образы, предлагаемые виртуальным пространством, постепенно вытесняют реальное общение, а собственный практический опыт заменяется информацией, полученной в online-диалогах;

5. Риск, связанный с внедрением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ):

а) внедрение цифровых ИКТ не идет параллельно с развитием цифровой демократии; официально принятые меры по развитию данной демократии во многом носят декларативный характер и реализуются формально;

б) акцент в электронном государстве делается на оказание услуг, а не на развитие электронной демократии;

в) отсутствует системное взаимодействие публичной власти и институтов гражданского общества, действенные механизмы такого взаимодействия не созданы, а существующие во многих случаях неэффективны [3, с. 35].

Третье негативное последствие касается социализации. В начальном периоде социализации обычно выделяют два этапа: детство и юность.

С развитием цифровой экономики появляется поколение, которое можно называть «цифровые дети». «Цифровые дети» свободно работают в виртуальном пространстве, имеют там дело с весьма разнообразной информацией и могут использовать эту информацию с самыми непредсказуемыми последствиями. Также представителям данного поколения свойственна почти неограниченная (по тематике и лексике) свобода общения, они легко переключаются с одного вида деятельности на другой. Нельзя не упомянуть ещё и такую отличительную особенность их менталитета, как клиповость сознания (восприятие окружающего мира через небольшие статьи, клипы в интернете, анонсы новостей и т. п.). Клиповое сознание отличается фрагментарностью, быстротой, кратковременностью и поверхностностью, а также невниманием к деталям, эмоциональной скудностью.

За детством наступает юность. У юного поколения, входящего в жизнь, ещё не сформировавшего жизненные установки, ценности, идеалы и т.п. происходит своего рода подмена традиционных норм и правил на нормы вседозволенности и распущенности, в качестве приоритетных навязываются материальные ценности, общечеловеческие же нивелируются. Ещё одним серьёзным недостатком «цифрового поколения» можно считать снижение использования устной речи. Доля речи в сети уменьшается, общение всё больше переходит на язык знаков, картинок, «смайлов» и т. п. Всё это ведёт к уменьшению словарного запаса родного языка, а из-за нехватки слов возникают трудности с тем, чтобы четко и понятно выразить свою мысль, вести взаимопонятный диалог.

Возможно ли, если возможно, минимизировать негативное воздействие цифровизации на личность? Несомненно, возможно, но дело это комплексное, требующее объединения усилий специалистов самых разных профилей: программисты, психологи, социологи, филологи, политологи, педагоги и т. п.

Список литературы

1. *Гороховатский Л., Духанов А., Никифорова Я., Хилл-Артамонова Е.* Цифровая трансформация личности в контексте современной реальности // *Credo New*. 2021. №3 (107). – URL: http://intelros.ru/readroom/credo_new/kr3-2021/45274-cifrovaya-transformaciya-lichnosti-v-kontekste-sovremennoy-realnosti.html (дата обращения: 21.01.2022).

2. *Сергеева Г.Н.* Цифровое общество как социокультурный феномен // *Процессы цифровизации в современном социуме: тенденции и перспективы развития. Сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием.* 2019. С. 7-11.

3. *Ильичева М.В.* Трансформация взаимодействия государства и гражданского общества в цифровой реальности // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки.* 2020. № 4. С. 28-37.

Социальный субъект в рамках социальных трансформаций

Ирина А. Кацапова

*кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Институт философии РАН, Москва, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается актуальная для современной социальной теории проблема глобального кризиса, связанного с переоценкой универсальных ценностей и стандартов жизни. Акцентируется внимание на роли человека в качестве социального субъекта в современном цифровом пространстве.

Ключевые слова: социальный субъект, традиционное общество, трансформация, риск, безопасность

Social subject within social transformations

Irina A. Katsapova

*Cand. of Sci. (Philosophy), senior researcher,
RUS Institute of Philosophy, Moscow, Russia*

Abstract. The article deals with the problem of the global crisis, relevant for modern social theory, associated with the reassessment of universal values and standards of life. Attention is focused on the role of a person as a social subject in the modern digital space.

Keywords: social subject, traditional society, transformation, risk, security

Современная реальность представляет собой эпоху «геополитического освоения пространства», базовыми принципами которого являются «не столько вариативные факторы, меняющиеся вместе с прогрессом, сколько некоторые «инварианты», связанные со статусом государства в географическом измерении» [1]. Независимость государств и народов (коллективных субъектов) «от географического пространства может возрасти в перспективе прогресса, но она никогда не станет полной: география – это такой тип наследственности, который можно облагородить, но нельзя полностью изменить» [1].

В современном мире активно действуют силы, готовые перечеркнуть социокультурный опыт стран и народов, готовые взять на вооружение теорию «конфликта цивилизаций», ориентируясь на стратегию дестабилизации, имеющей глобальное значение. В данной перспективе бессмысленно игнорировать то, что современные процессы, связанные с созданием т.н. «нового миропорядка», активно формируют новые формы межгосударственных, социально-политических, экономических и культурных отношений. В условиях современной модернизации государственных и общественных отношений особое значение приобретает осмысление возможностей и границ реализации уже существующих универсальных смыслов и принципов организации как самих этих отношений, так и адаптации их к современным процессам. Концепция модернизации, согласно которой развернувшиеся в высокоразвитых обществах процессы (индустриализации, урбанизации и т.п.) должны вовлечь в эти процессы весь мир, возникла относительно недавно. Модернизация рассматривалась как вариант развития, совершенствования экономических, социальных, демографических, культурных факторов общественного устройства. Однако в перспективе стало очевидно, что в контексте разнообразия цивилизаций более актуальной становится не тема глобального экономического роста, а тема *глобальной модернизации* локальных культур. И в этой связи центральной оказалась проблема адаптации традиционных обществ к современной модели глобальной модернизации.

Из двадцати одной цивилизации, описанных А. Тойнби, большинство относилось к традиционным обществам (Древняя Индия, Китай, Древний Египет, государство Майя, славянский и арабский мир в средние века и т.д.). С возникновением техногенной цивилизации, появление которой было подготовлено рядом мутаций традиционных культур, традиционные общества, вступая с ней во взаимодействие, менялись под ее влиянием. Каждый из типов цивилизационного развития характеризуется особенностями соответствующего ему типу культуры. И эти особенности выражены системой фундаментальных ценностей и мировоззренческих ориентиров, которые могут модифицироваться и варьироваться в различных видах общества, в различных национальных культурах, сохраняя ряд общих признаков в качестве глубинного инварианта.

Основной тенденцией нашего времени является трансформация традиционного общества в цифровое, инфраструктура которого функционирует посредством информационно-коммуникативных технологий. Базовой формой организации и социального взаимодействия цифрового общества являются сетевые структуры и платформы. На этом основании возникла идея построения «государства как платформы», глубоко интегрированного в единую цифровую систему управления, а также в повседневную жизнь граждан и организаций. Человек данного типа общества из субъекта общественных отношений превращается в объект жесткого управления.

На этом фоне современное общество рассматривается как общество риска. И хотя в современной литературе отсутствует единое понимание риска, тема риска стала сегодня господствующей темой общественных дискуссий. С универсализацией осознания риска, который часто отождествляется с опасностью, в обществе становится также релевантной и тема – безопасности. Риск в этом случае дополняет понятие безопасности. Очевидно, что все это связано со структурными изменениями в самом обществе. За последние десятилетия тема рисков и последствий, вызванных техническим развитием, стала одной из основных в системе общественной коммуникации. Этот факт можно рассматривать как индикатор отношений современного индустриального общества к продуктам научно-технического прогресса и связанными с ним опасностями.

Современные дискуссии о том, что меняется «картина мира», или создается «новый порядок», формируют осознание того, что проблема глобального кризиса связана с переоценкой универсальных ценностей и стандартов жизни. Преодоление кризиса предполагает поиск новых стратегий развития, а следовательно, критического анализа ценностей, лежащих в основании культуры техногенной, или цифровой цивилизации. В этой связи возникают вопросы о ценностях научной рациональности и научной картины мира как неотъемлемых компонентов современной культуры. Парадоксы современности поставили человека в условия выбора между должным и сущим, а, по сути, между тем «что есть» и тем «что должно быть». Практически между философским осознанием того, что же на самом деле для человека есть «добро», а что есть «зло».

В эпистемологии последних десятилетий можно видеть стремление избавиться от картезианского дуализма, и это стремление реализуется в попытках представить познание как коммуникативную деятельность. Этому пересмотру во многом способствовало включение в поле внимания философии двух взаимосвязанных сфер: языка и коммуникации. Язык, которым пользуется человек в повседневной жизни, объективирован, или, точнее, конституирован определенным порядком объектов, составляющих социальную реальность. Поэтому реально человек пользуется систематизированными образами, которые приобретают смысл и значение не столько сами по себе, сколько для повседневной жизни самого человека. Язык как бы устанавливает определенный порядок, который человек принимает как неперемное условие. Неоспоримо и то, что реальность повседневной жизни не исчерпывается этим порядком, потому что представляет собой интерсубъективный мир, который человек разделяет с другими людьми, существуя в постоянном взаимодействии и общении с ними.

В социальном пространстве индивид как социальный субъект не существует вне взаимосвязи с другими социальными индивидами. В контексте общественно-практической деятельности социальный субъект, обозначая определенный сегмент развития социума, определяет спектр возможных сценариев, посредством которых в будущем можно наблюдать развитие современного социума. В рамках социальных трансформаций раскрывается значимость осуществляемого социальным субъектом выбора альтернативного развития социальных процессов.

Сегодня в концепции социального субъекта рассматриваются два способа описания социума: как бессубъектной среды, рождающей коммуникативные события, и как сообщества субъектов, способных к совершению коммуникативного действия. Противопоставление такого рода связано с двумя стратегиями следования правилу: первая стратегия строго связана с системой институтов и техник коммуникации, распространенных в социальной среде; другая – основана на рефлексии, и подразумевает альтернативные правила коммуникации и ответственный выбор со стороны субъекта. Деятельность такого субъекта существенным образом связана с рациональностью, поскольку включает обоснование выбора. В качестве же принципа обоснования рассматривается требование универсальности правила. В данном случае требование представляет собой коммуникативный аналог категорического императива.

До идеи субъекта (порождение эпохи модерна) доминировало противопоставление познающего субъекта и познаваемой реальности. Теория познания, основанная на такой концепции, преимущественно была озабочена «вопросом об адекватном отражении реальности в сознании», которое не выглядело столь безупречным, поскольку «исходный дуализм не позволял понять, как вообще возможна связь между мыслящим и познающим субъектом и подлежащей познанию материальной природой» [2]. В философии модерна концепция субъекта имеет не только эпистемологическое, но и этическое измерение. Субъект представлен здесь «как источник морального действия, способный взять на себя ответственность за свои поступки». Он поступает ответственно и рационально, а также обладает свободой выбора, которая находится в известной корреляции с эпистемологическим дуализмом.

Развернувшиеся сегодня дискуссии о перспективах и возможностях глобального и национального развития нацелены на возможность осмысления такой насущной проблемы как роль глобализации в развитии национальных государств. Современные теории общества конституируют себя одновременно как анализ настоящего – ставят вопросы о современных условиях деятельности, эволюционных или революционных возможностях и самоинтерпретациях, а также о видении будущего членами этого общества, которые выражаются ими в коммуникативных отношениях. Понятия социальной теории – не только научные конструкты, они одновременно выражают фактические проблемы осознания человеком как самого общества, так и всех смыслоформирующих его структур.

Список литературы

1. Панарин А.С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Издат. «Русский мир», 2005. С. 366.
2. Гутнер Г. Риск и ответственность субъекта коммуникативного действия. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2008. С. 8.

ИКТ в оптике социально-философского анализа

Юлия М. Коротченко

доктор философских наук, доцент

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Симферополь, Россия

Аннотация. Подчеркивается необходимость включения информационно-коммуникативных технологий в предметную сферу социальной философии на основании выделения универсальных технологических констант и их спецификации относительно информационно-коммуникативных технологий

Ключевые слова: информационно-коммуникативные технологии, технологии, технологические константы

ICT in the social philosophy analysis optics

Yuliya M. Korotchenko

Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Simferopol, Russia

Abstract. It is emphasized the necessity to include information and communication technologies into the social philosophy subject field on the base of revealing the technological constants and their specification concerning information and communication technologies

Keywords: information and communication technologies, technologies, technological constants

Осмысление научно-технического прогресса – его динамики, результатов, границ его влияния зачастую происходит в виде его переоценки или недооценки, но в любом случае – оценочно: как нечто однозначно хорошее или однозначно негативное. Сциентистские и антисциентистские, технократические и антитехнократические, антиутопические и утопические с технократическим акцентом дискурсивные практики становятся распространенными «отражениями» экспоненциального ускорения научно-технического прогресса, революционной непредсказуемости его результатов, невозможности их принятия всеми и сразу, поколенческих, социокультурных разрывов связей как между индивидами, так и между социальными общностями по их отношению к информационным ресурсам, по способам существования в цифровой реальности, по степени интегрированности в цифровую сферу. Кроме того, можно говорить о нехватке именно социально-философских исследований информационно-коммуникативной зоны деятельности человека на фоне обилия нейрофизиологических, экономических, социологических, теоретико-информационных и теоретико-коммуникационных исследований. Наблюдаемая поляризация отношения к информатизации человечества является оценочной и, оставаясь таковой, исключает объективированное, не ангажированное, обобщенное, рефлексивное видение этого процесса, на которое способно исключительно философское, прежде всего, социально-философское, исследование. Разбросанность же такого объекта, как ИКТ, по частным дисциплинам при значительном объеме уже полученных в рамках этих дисциплин результатов также делает насущным включение его в область социально-философской рефлексии для реконструкции его целостного, генерализированного междисциплинарного концептуального «образа». Хотелось бы начать его с постановки проблемы сопределения границ универсума социально-философского рассмотрения того, что описывается выражением «информационно-коммуникативные технологии». Оно присутствует в экономическом, правоведческом, психологическом, педагогическом исследовательских полях, прикладных культурологических, политологических, социологических исследованиях, но не с точки зрения частных особенностей использования ИКТ в конкретной, отдельно взятой сфере

общественной жизни. При этом акцентируются возможности технических устройств, анализируются риски тотальной информатизации общества (вплоть до т.н. цифрового тоталитаризма), как если бы технологии включали только технические устройства и ничего более. Мы хотим обратить внимание на необходимость очертить границы рассуждения об ИКТ исследованием их как именно технологий вообще. Чтобы это исследование было предметным, уточним понятие технологии. Можно сколь угодно обращать внимание на различия этого термина, на отличие/отождествление с термином «техника», но для нас важно следующее: есть особая деятельность людей по созданию новых объектов (в самом широком смысле) путем преобразования или природных, или ранее уже созданных человеком, или сформировавшихся в результате исторического развития, осуществляемая на определенных этапах исторического развития человечества во всех сферах общества для достижения более удобной и производительной жизни. Тогда можно выделить то, что мы бы хотели назвать технологическими константами. Перечислим их.

- Условия, порождающие запрос на технологический продукт (исторический, цивилизационный, научный, промышленный, социокультурный, политический контексты). Применительно к ИКТ лидирует совокупность научных предпосылок.
- Субъекты технологической деятельности (тех, кто реагирует на запрос в конкретных результатах технологического процесса; кто проектирует устройства для получения этого результата; кто изготавливает эти устройства; кто обучает ими пользоваться; кто ими пользуется и получает искомый результат, кто использует этот результат в своей повседневной, профессиональной, общественной жизни). В случае ИКТ это, например, математики, информатики, программисты, логики, участники производства в области точного машиностроения, педагоги, политехнологи, специалисты в области теории коммуникации, в области медиакоммуникации, социологи, философы.
- Деятельность субъектов технологической деятельности (изучение запроса, проектирование результата, производство устройств для получения продукта, обучение использованию этих устройств и продукта). Применительно к ИКТ это деятельность, прежде всего, сознания, мышления.
- Объектная компонента (объекты, из которых изготавливаются устройства для получения продукта, оборудование для их изготовления, сам продукт). Среди объектов для изготовления устройств функционирования ИКТ – цифровые устройства, искусственные языки программирования. Продуктом функционирования ИКТ становится также непредметный объект – сознание, подвергающееся воздействию в ходе коммуникации – технически изощренной, с огромной скоростью захватывающей огромные массы участников, их сознание (управление выборами и экономикой, запуск оппозиционных политических движений, цветные революции и т.п.).
- Условия существования продукта технологической деятельности (исторический, цивилизационный, научный, промышленный, социокультурный, политический контексты использования продукта людьми, его функции и границы влияния на повседневную, профессиональную и общественную жизни человечества, отдельных обществ и государств, социальных общностей и индивидов).

Спецификация последней константы относительно ИКТ требует пристального внимания, т.к. касается настоящего времени жизни человечества, выходя, однако, за рамки формата настоящей публикации.

Право и бесправие: собственность в цифровом капитализме

Александр В. Логинов

кандидат философских наук

Российский государственный гуманитарный университет

Москва, Россия

Аннотация. В условиях цифрового капитализма происходит трансформация ряда социальных институтов, в том числе, института собственности. Право собственности перестает быть безусловным, ограничивается юридически и технологически. Производитель сохраняет свой контроль над данной вещью даже после формального перехода права собственности. Собственность сменяется отношениями аренды различного рода. Все это имеет антропологические и социальные последствия, формирует иерархическое общество, где собственность становится привилегией только высших классов.

Ключевые слова: Цифровой капитализм, собственность, приватность, контроль, информационные технологии

Right and disenfranchisement: ownership in digital capitalism

Aleksandr V. Loginov

Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia

Abstract. In the conditions of digital capitalism, a number of social institutions are being transformed, including the institution of property. The right of ownership ceases to be unconditional, is limited legally and technologically. The manufacturer retains its control over this item even after the formal transfer of ownership. Ownership is replaced by lease relationships of various kinds. All this has anthropological and social consequences, forms a hierarchical society where property becomes the privilege of only the upper classes.

Keywords: digital capitalism, property, privacy, control, information technology

Состояние перманентной управляемой катастрофы становится определяющим для современного социума, именно эта катастрофичность позволяет трансформировать сознание и спроектировать новую социальную реальность, которая еще полностью не просматривается. Многие привычные параметры подвергаются существенной трансформации. Одним из таких параметров для западного общества считалось право собственности, свои завершённые формы оно приняло в рамках классического капитализма. Современное юридическое определение права собственности звучит следующим образом. С одной стороны – это «совокупность правовых норм, которые закрепляют, регулируют и охраняют состояние принадлежности (присвоенности) материальных благ конкретным лицам, один из центральных институтов гражданского права». С другой стороны собственность – это «способность конкретного лица владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом по своему усмотрению и в своем интересе непосредственно в пределах закона и независимо от воздействия других лиц» [1]. В европейской правовой традиции институт собственности считался незыблемым и даже священным. Собственность напрямую связана с неприкосновенностью личности и частной жизни, а также является основой для политической активности в демократических обществах. Так, к примеру, один из основоположников либеральной мысли Джон Локк полагал, что собственность имеет божественное происхождение, поскольку является результатом человеческого труда, а труд возможен благодаря телу, которым мы изначально наделены Богом. Первой непосредственной собственностью является наше тело, а все остальное является как бы его расширением, производным. В современном обществе наше тело встроено в

разнообразные технологические цепочки, подчинено логике технологий, поэтому даже это изначальное право ставится под сомнение. По мнению Ш. Зубофф, новую стадию в развитии капитализма можно назвать «надзорным капитализмом». Он приходит на смену первой и второй «современности», первая из которых сформировалась в начале XXв., вторая же связана с неолиберальным проектом. В рамках первой стадии имело место определенное ограничение потребления, и нивелирование личности, вторая стадия привела к разделению общества на высший слой успешных потребителей, самостоятельно выбирающих определенный стиль жизни и тех, кто таких возможностей не имеет. В первых двух стадиях соблюдалась определенная приватность, существовала возможность автономного действия. В рамках третьей стадии товаром становятся сами наши эмоции, наша частная жизнь, появляется возможность не только прогнозировать, но и управлять поступками людей. Для этого используются данные, накопленные интернет - гигантами, эти данные приносят колоссальную прибыль, люди постепенно утрачивают право собственности на свои приватные данные. Сама жизнь человека оказывается подчиненной цифровым алгоритмам [2, с. 347]. Человек, включенный в различные цифровые сети, постепенно утрачивает свою субъектность, превращаясь в объект различных легальных и нелегальных манипуляций. Может ли быть такое существо собственником в традиционном смысле этого слова? Ведь он уже не хозяин даже своего внутреннего мира, а то, что его окружает, уже во многом имеет нематериальный характер. Данные проблемы затронуты в работе «Конец владения» А. Перзановски и Д. Шульца. Речь здесь идет, прежде всего, о собственности на различного рода интеллектуальные продукты. Права на электронные книги или фильмы могут быть ограничены поставщиком данной услуги, патенты, регулирующие права на использования определенных вещей, прослушивание и использование приватной информации компаниями, все это разрушает традиционные представления о праве собственности. Наконец, интернет вещей подчиняет их контролю системы, которая находится вне нашей власти и имеет безличный характер. Авторы заявляют, что «будущее, в котором собственности не придается большого значения, уже наступило» [3, с. 303, 304]. Много факторов свидетельствуют о том, что произошли глубинные культурные изменения, в которых нет уже места праву собственности. Еще одним свидетельством трансформации права собственности является распространение экономики «совместного пользования». Именно «совместное пользование» заметно потеснило традиционную личную собственность. Это обусловлено как широким распространением новых технологий, так и падением доходов. (Можно заметить, что современный энергетический кризис только усилит это неравенство). Именно в наше время такие отношения приобретают характер «удобного повседневного сервиса». Вместе с тем, у такого рода сервисов есть целый ряд «скрытых издержек», а частная собственность, по словам автора имеет множество преимуществ, это связано с «это касается неприкосновенности частной жизни, автономии и конкуренции» [3, с. 306]. Еще одной важной вехой в развитии общества нового типа становится появление цифровых платформ. Именно цифровые платформы здесь становятся основой для коммуникации, для них характерна гибкость и адаптивность к изменяющимся социальным условиям. Н. Срничек, автор книги «Капитализм платформ», отнес к основным «платформам» сервисы по заказу такси, прокату, оказанию всевозможных услуг. Платформа, с его точки зрения, относится к базовым инфраструктурам, она является как бы средой, которая упрощает социальное взаимодействие, при этом владелец платформы извлекает прибыль из контроля над этим процессом. Именно платформы оказываются в привилегированном положении в этой системе, обладая властью подключать новых участников или исключать кого-либо из социально-экономического взаимодействия, навязывая свои правила этого взаимодействия, влияя на модели поведения. Те компании и люди, которые вступили на этот путь, получают преимущества и максимальную прибыль, с другой стороны, те, кто не прибегает к их услугам, превращаются в маргиналов. «В сущности, конкуренция здесь фиксируется на способности построить производственную платформу, которая станет

монополистом» [5, с. 63]. В условиях капитализма платформ отношения становятся безличными и анонимными. О несколько иных тенденциях пишут в книге «Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без труда» Н. Срничек и А. Уильямс. От общества, принуждающего к труду, где труд рассматривается как высшая ценность, как они полагают, возможно перейти к обществу со свободной творческой активностью [4, с. 67]. «Базовый доход», о котором сейчас часто идет речь не только в теоретическом аспекте, может стать гарантией того, что люди не будут обречены на постоянный поиск средств к существованию, у них появится время и возможности для спонтанной творческой активности. Технологии здесь рассматриваются не как средства интенсификации неолиберального экономического проекта, а как способ экономического и политического освобождения. С другой стороны, можно возразить авторам, базовый доход может быть и мощным инструментом социального контроля, поскольку всегда существует перспектива изменения условий его предоставления и лишения доступа к нему. Безусловность этого дохода все же является проблематичной, она гарантирована только при условии принятия участниками строго определенных правил игры. Собственность становится в таком обществе своего рода привилегией, оказывается негарантированной, невыгодной. Она постепенно трансформируется в отношения аренды и временного наделения определенными жизненными благами.

Список литературы

1. Юридический словарь. URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/large-legal/articles/798/pravo-sobstvennosti.htm>
2. *Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма М., 2022.
3. *Перзановски А., Шульц Д.* Конец владения. Личная собственность в цифровой экономике М., 2019.
4. *Срничек Н., Уильямс А.* Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без труда М., 2019.
5. *Срничек Н.* Капитализм платформ М., 2020.

Киберприватность и киберпаранойя: интерпретации и реальность

Юлия В. Норманская

кандидат культурологии,

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Симферополь, Россия

Аннотация. Рассматриваются феномены кибербезопасности и киберпаранойи. Делается вывод о влиянии технологий на психическое здоровье человека в пространстве современной культуры.

Ключевые слова: цифровая культура, кибербезопасность, киберпаранойя

Cyber privacy and cyberparanoia: interpretations and reality

Yuliya V. Normanskaya

Cand. of Sci. (Cultural Studies)

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Abstract. The phenomena of cybersecurity and cyberparanoia are considered. The conclusion is made about the impact of technology on the mental health of a person in the space of modern culture.

Keywords: cybersecurity, cyberparanoia

Интеграции технологий в повседневность породили множество новых научных проблем, в частности, исследование таких феноменов, как киберприватность и киберпаранойя, демаркация «реальной» и «цифровой» личности и т.п.

Таргетированная реклама, софт по подписке и другие «фишки» сегодняшнего дня «ветхозаветный» пользователь, иногда небезосновательно, считает вторжением в свое личное пространство, рассуждая по принципу: «Я не контролирую то, что мне не принадлежит». Пользователь цифрового продукта всеми силами старается защититься от такой опасности: заклеивает камеру, всячески избегает пугающей его интерактивности и пр., проявляя так называемый «первичный инстинкт самосохранения».

Под кибербезопасностью мы понимаем не только как трактует Лаборатория Касперского, безопасность сетей, безопасность приложений, безопасность информации, операционную безопасность, аварийное восстановление и непрерывность бизнеса, повышение осведомленности пользователей, но и приватность в Сети. Использование больших данных представляет собой угрозу, что история поиска может быть нежелательным образом проанализирована и на её основе сделаны ещё более нежелательные для пользователя выводы с последующей рассылкой на мейл рекламных материалов странного и, возможно, опасного с точки зрения личных границ, содержания. Так, запрос о средствах гигиены для пожилых может обратиться рекламной рассылкой о похоронных услугах, а запрос об экологически чистой косметике – рекламой центров родовспоможения.

В этих и других случаях неудивительным станет развитие симптомокомплекса, характерного для паранойи, который описал ещё Крепелин: гипертрофированное сознание своего «я», чрезмерный акцент на логику, недоверие, бред преследования или бред толкования.

Так цифровая эпоха порождает специфическую «деформированную философскую систему» – киберпаранойю. Причем в этом феномене усматривается в основном фабула бреда преследования.

В данном случае мы рассматриваем киберпаранойю как текст, который можно воспринять и интерпретировать. Но ни в коем случае не утверждаем, что фабула

киберпаранойи ложна, поскольку ложность бреда (в нашем случае – связанного с цифровым пространством) – вопрос дискуссионный. В настоящее время бред определяется как твердая убежденность человека в идеях, истинность которых оспаривается доказательством от обратного.

Таким образом, мы сталкиваемся с неоднозначной ситуацией: с одной стороны, просматривается феноменология патологического поведения, а с другой – мы наблюдаем вполне адаптивное поведение человека, которому свойственна защита границ как условие выживания.

Современный человек, благодаря SEO и SMM, оказывается в параллельной реальности, к которой он может либо приспособиться, либо воевать с ней, отстаивая свое право на приватность. Цифровая «глокая куздра» в заданных разноранговыми рекламодателями тегах, любых бессмысленных, но якобы оригинальных текстах, всеми силами направляет поведение пользователя, заставляя его подстраиваться под их запросы.

«Умные города»: урбанистическая утопия?

Нина В. Перова

*инженер-исследователь, студентка 1-го курса магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Новой средой взаимодействия моральных агентов в эпоху цифровизации становятся «умные города», использующие передовые технологии для оптимизации работы своей инфраструктуры. В теории, «умные города» рассматриваются как урбанистические утопии, в которых центром развития, цифровизации, оптимизации и улучшения качества жизни является моральный агент. В реальности, проекты «умных утопий» содержат элементы патернализма и принуждения, которые могут привести (и уже приводят в ряде городов) к таким проблемам как цифровой разрыв, нарушение свободы, размывание ответственности.

Ключевые слова: умные города, моральный агент, цифровизация, утопия, патернализм, принуждение, ответственность

Smart Cities: An Urban Utopia?

Nina V. Perova

*research engineer, 1st year master student
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*

Abstract. In the era of digitalization, "smart cities", using advanced technologies to optimize their infrastructure, are becoming a new environment for the interaction of moral agents. In theory, "smart cities" are seen as urban utopias, in which the moral agent is the center of development, digitalization, optimization and improvement of the quality of life. In reality, the projects of "smart utopias" contain elements of paternalism and coercion, which can lead (and already lead in a number of cities) to such problems as the digital divide, the violation of freedom, the blurring of responsibility.

Keywords: smart cities, moral agent, digitalization, utopia, paternalism, coercion, responsibility

РНФ № 22-28-00379 «Трансформации морального агентства: этико-философский анализ»

Значительное влияние на морального агента оказывает взаимодействие с другими моральными агентами, которое во многом определяется средой взаимодействия. В рамках цифровизации общества среда находится в процессе активного преобразования. Один из наиболее ярких примеров – «Умный город» – высокотехнологичный и передовой город, в котором решение городских проблем происходит посредством эффективного перенаправления информации и цифровых технологий, объединенных в городскую инфраструктуру, с целью создания устойчивого более зеленого города, конкурентоспособной и инновационной торговли и повышения качества жизни.

Ряд исследователей наряду с термином «умный город» используют «умная утопия». «Умный город» подразумевает повышение качества жизни без насилия, что уже преодолевает ключевые проблемы антиутопий, основанных на тоталитаризме и тирании. Однако это совсем не значит, что «умные города» в их современном понимании являются реальными проектами урбанистических утопий, какими они хотят казаться. Внедрение цифровых технологий в городские инфраструктуры может происходить в рамках двух подходов: «сверху» и «снизу». Рассмотрим проблемы каждого из подходов отдельно.

Подход «сверху» включает государственные программы, а также модернизации, вводимые различными компаниями, такие как внедрение систем камер наблюдения с распознаванием лиц или снабжение общественного транспорта открытыми сетями Интернет. Данный подход во многом носит черты патернализма, который подразумевает,

что малая группа людей знает как «правильно» и «нужно» в контексте урбанистики, технологий и этики для всех моральных агентов.

С точки зрения морального агента, «умные города» направлены на персонализацию взаимодействия каждого отдельного горожанина и города. В теории, «умный город» подразумевает создание единой взаимосвязанной системы функционирования всего города, к которой каждый агент получит равный доступ, что позволит не только постоянно быть в курсе происходящего и корректировать свое поведение относительно получаемой информации, но также участвовать в моделировании жизни города исходя из индивидуальных идей и потребностей любого отдельно взятого агента, таким образом избегая проблемы патернализма.

В рамках подхода «сверху» проблемы морального агента являются комбинацией принуждения использования и цифрового разрыва. Цифровые технологии не только модернизируют существующую инфраструктуру, но и полностью заменяют ее. В связи с этим горожане оказываются в ситуации невозможности отказаться от использования технологий умного города. Так, например, в 2008 г. в Женеве была запущена программа всеобщего подключения к единой системе связи «умная инфраструктура». Несмотря на то, что подключение и использование было бесплатным, только 50% горожан согласились присоединиться к программе. Однако, если представить, что это была бы единственная система связи в городе (что происходит с другими элементами инфраструктуры в «умных городах»), то у них не осталось бы выбора, что является нарушением свободы. Люди теряют возможность записаться к врачу, подать заявление в администрацию города, заплатить счета. Фактически можно говорить о том, что, не используя цифровые технологии, агент «исчезает». Он не существует для «умного города», если не использует цифровые технологии.

Эта проблема затрагивается в фильме «Я, Дэниэл Блейк», где главный герой, пережив инфаркт, не может получить пособие по инвалидности, поскольку для этого необходимо подать заявление через онлайн систему, написать резюме на компьютере, подать апелляцию через онлайн систему. При этом у него нет компьютера, и телефон у него кнопочный. Пользоваться Интернетом он не умеет. В получении пособия по инвалидности ему отказали, так как алгоритм указал что он работоспособен, но, чтобы заставить человека вручную проверить алгоритм для данного случая, Блейку надо подать заявление. Блейк вынужден использовать цифровые технологии, чтобы получить доступ к государственным услугам. Он не может просто отказаться от общения с гос. структурами, но они отказываются общаться с теми, кто не пользуется цифровыми технологиями. Блейку никто не говорит, что он не имеет права подавать на пособие, подавать апелляцию и так далее. Но службы не «фиксируют» его в силу того, что он не пользуется цифровой системой.

Отказ от патернализма и ориентир на индивидуализацию, а точнее их иллюзорность, также хорошо демонстрируется этим примером. Когда вся инфраструктура определяется цифровыми технологиями, это значит, что человеческое управление заменяется алгоритмами и машинным обучением. В результате, имея веру в абсолютность машин, люди теряют над ними контроль. У Блейка есть документы от врача, что он не может работать (то есть должен получать пособие), но поскольку очевидных физических трудностей в повседневной жизни он не испытывает, алгоритм отказал Блейку в получении пособия. И работники служб доверяют алгоритму, а потому отказывают Блейку в пособии. Агент как таковой опять перестает существовать, становится набором характеристик, задаваемых машине. Вся индивидуализация меркнет на фоне тотального подчинения алгоритмам.

Частично упомянутые выше проблемы могут решаться в рамках интеграции «умного города» подходом «снизу». Данный подход подразумевает, что инициатива внедрения технологий, а не только основное использование, исходит от агентов. Наиболее ярким проявлением данного подхода являются сайты и приложения, используемые для

указания на насущные проблемы городской среды, вроде Change.org. Эти системы, в теории, направлены не на вынужденное использование тех или иных ИКТ, а на предоставление людям максимальной свободы для реализации своих прав и интересов. Однако и здесь не обходится без этических проблем. В первую очередь стоит отметить, что в некотором смысле это приводит к размыванию субъекта ответственности. Представим ситуацию, что из-за ямы на дороге произошло ДТП. В «обычном» городе ответственность возлагается на водителя, который не объехал яму, и городские службы, которые яму не заделали. Теперь же ответственность возлагается также на горожан, которые не зафиксировали наличие ямы и не поспособствовали ее исчезновению.

Программы повышения осведомленности о тех или иных вопросах также имеют подобный эффект. Мы оказываемся ответственными за то, что якобы могли бы предотвратить технологии, если бы мы их использовали. Причем еще за день до появления определенной технологии эта ответственность лежала на государстве, компаниях, конкретных людях, а теперь эта ответственность тотально возлагается на всех, хотя вроде бы ничего не изменилось. Более того, человека принуждают использовать определенные технологии, прикрываясь теми или иными «хорошими целями», даже если конкретные цели человека и не волнуют, то есть нарушается его свобода. А раз уж опять зашла речь о принуждении, то возвращаются проблемы, упомянутые в отношении подхода «сверху».

Перемены в сфере труда: homo faber цифровой эпохи

Татьяна Ю. Сидорина

доктор философских наук, профессор

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

Олег Г. Нестеров

аспирант

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

Иван А. Сидельников

стажер-исследователь

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

Аннотация. Сегодня в центре внимания исследователей разных областей науки – тотальная технизация и цифровизация экономики и социума как отражение кардинальных перемен в науке и социальном развитии. Текучей, гибкой, цифровой становится одна из самых значимых областей человеческой деятельности – труд. Автоматизация широкого спектра трудовых практик, замена человеческого участия работой машин, человеческого интеллекта искусственным ставит под вопрос правомерность культуры труда, сложившейся в эпоху модерна. В центре нашего внимания перемены в сфере труда в цифровую эпоху.

Ключевые слова: труд, цифровая эпоха, автоматизация, культура труда, социальные трансформации, неопределенность

Change in the world of work: homo faber of the digital age

Tatiana Yu. Sidorina

Dr. of Sci. (Philosophy), professor,

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

Oleg G. Nesterov

postgraduate student

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

Ivan A. Sidelnikov

research trainee

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

Abstract. Today, the focus of attention of researchers in various fields of science is the total technization and digitalization of the economy and society as a reflection of fundamental changes in science and social development. Fluid, flexible, digital is becoming one of the most significant areas of human activity - work. The automation of a wide range of labor practices, the replacement of human participation with the work of machines, human intelligence with artificial ones calls into question the legitimacy of the work culture that has developed in the modern era. Our focus is on the changing world of work in the digital age.

Keywords: labour, digital age, automation, work culture, social transformations, uncertainty

Труд как необходимость & свобода выбора

Современные теоретики труда Ник Срничек и Алекс Уильямс (авторы футуристических работ о посткапитализме и посттрудовом будущем) декларируют необходимость

пересмотра трудовой этики и культуры труда, наряду с всеобщей автоматизацией экономики, сокращением рабочей недели, реализацией идеи всеобщего базового дохода – как условие перехода к посттрудовому обществу как новому «социальному государству» [1, с. 171].

Однако на пути осуществления этой идеи стоят существенные препятствия, в том числе «необходимость преодоления того веса, который имеет в обществе трудовая этика». «В самом деле, – отмечают Срничек и Уильямс, – провал первых попыток введения базового дохода в США был обязан главным образом тому, что он бросал вызов принятым взглядам о трудовой этике бедняков и безработных. Проект ББД рассматривал безработицу как структурную проблему, а не как продукт несостоятельной трудовой этики. Однако сам язык, служивший для формулировки проекта, нес в себе жесткое разделение на тех, кто работает, и тех, кто получает пособие, несмотря на то, что сам проект предусматривал устранение этого различия» [1, 179].

Несмотря на всю привлекательность предлагаемой меры «работающие бедняки были вынуждены отвергать этот проект, боясь стигмы получателей пособия» [1, с. 180].

Построение посттрудового общества (с учетом предполагаемых условий его реализации) вступает в конфликт как с традициями жизненного уклада, сформировавшегося в индустриальную эпоху, так и последствиями неолиберального тренда в экономической политике, что также потребует преодоления сложившихся постулатов трудовой этики.

Кризис капитализма – кризис труда

Сложившийся в индустриальную эпоху труд и по сей день считается высшим благом. На протяжении последних столетий именно вокруг труда формируется образ жизни человека. Мы называем этот образ жизни трудоцентричным.

В последние десятилетия формируется новый образ человека труда, человеческой деятельности и отношений в процессе работы. Все более востребованной становится конкурентоспособность работников, их самодостаточность и независимость. «Наша жизнь все сильнее структурируется вокруг самореализации в конкурентной среде» [1, с. 180]. Французский экономист и философ Андре Горц называет этот процесс самосозданием. Человек становится предприятием для самого себя [2].

И тем не менее труд продолжает оставаться в общественном сознании высшим благом. «В культуре продолжается демонизация тех, кто не работает. Получателей пособий обвиняют в никчемности <...> Работа стала центральной составляющей нашего восприятия самих себя – настолько, что при мысли о том, что можно работать меньше многие спрашивают: Но что же я тогда буду делать? <...> Тот факт, что большое количество людей не может даже представить себе осмысленной жизни вне работы, показывает, до какой степени наше сознание заражено трудовой этикой» [1, с. 180].

Немецкий философ техники Фридрих Юнгер писал о том, что XX век принес моду восхвалять мир труда и провозглашать славу труду: «Человек труда стал декларируемым, мифологизируемым героем мира социализма, царства рабочих и крестьян» [3, с. 469].

Однако победное шествие труда в конце XX столетия оборачивается своеобразным «поражением». Британский социальный теоретик Зигмунт Бауман констатировал так называемый «феномен конца труда в его классическом понимании», своеобразную «смерть труда» [4].

Открытие Баумана потрясло сознание приверженных труду последователей американского основоположника научной организации труда Фредерика Уинслоу Тейлора и идеологов цивилизации труда в постсоветской России. Пресловутая «потребность человека в труде» еще и сегодня прочно удерживается в сознании наших соотечественников. Однако задолго до Баумана социальные теоретики ставили вопрос о предзаданности трудовой зависимости человека, поднимали вопрос об обусловленности

трудоцентризма особенностями индустриальной эпохи. Проблемски сомнения в непоколебимости трудового бастиона и надежды на освобождение от тягот трудовой повинности мы находим у теоретиков марксизма и их последователей.

Неопределенность последних десятилетий не обошла трудовую деятельность, представляющуюся незыблемым монолитом, одной из важнейших скреп человеческого существования. В XXI столетии привычный труд, претерпевает невероятные трансформации, воспроизводясь во множестве вариаций так называемой «экономики свободного заработка» (краткосрочная занятость по контракту, работа через онлайн-рабочие платформы, самозанятость, работа на гибких условиях, «подработки», неофициальный наемный труд без письменного договора и социальной защиты, услуги по запросу, фриланс, повышение мобильности труда – миграция рабочей силы, и многие другие виды неформальной занятости) [5, с. 26]. «Особенностью современного процесса труда становится то, что его уже невозможно измерить заранее заданными мерилami и нормами. В прошлое уходит долгосрочная занятость, профессиональные династии. Меняется характер труда» [4, с. 25].

Все чаще сегодня мы встречаемся с рассуждениями социальных теоретиков о кризисе капитализма и, как следствие, кризисе труда [1]. Какое будущее ожидает трудовую деятельность в цифровую эпоху? Этот вопрос сегодня в центре внимания широкого спектра специалистов: социальных теоретиков, экономистов, специалистов в 2.

Список литературы

1. *Срничек Н., Уильямс А.* Изобретая будущее. М.: АСТ, 2017.
2. *Горц А.* Нематериальное. М.: НИУ ВШЭ, 2010.
3. *Юнгер Ф.* Машина и собственность // Юнгер Ф. Совершенство техники. Машина и собственность. СПб.: Владимир Даль, 2002.
4. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2001.
5. Доклад о мировом развитии 2019: «Изменение характера труда». Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк, 2019. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/wdr2019> (дата обращения: 08.07.2021)

Цифровизация социальной памяти

Денис С. Артамонов

*кандидат исторических наук, доцент
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
Саратов, Россия*

Зоя А. Сливная

*магистрант
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается проблема цифровизации социальной памяти в современную эпоху. Концепция социальной памяти восходит к трудам М. Хальбвакса, но наибольший вклад в ее разработку вложили советские исследователи Я.К. Ребане и В.А. Колеватов. Они заложили основы понимания социальной памяти как коммуникационного феномена. Современные исследователи Б. Илизаров и М. Феррарис рассматривали социальную память как хранилище представлений о прошлом сформированную в процессе социального действия. Механизмы функционирования социальной памяти в цифровую эпоху стали предметом изучения Дж. Гарде-Хансен, Э. Хоскинса и А. Рединг, они предложили термин «digital memory», который позволил описать новые условия формирования коллективно-разделяемых представлений о прошлом в виртуальной среде. Теоретические исследования в рамках направления digital memory studies обусловлены цифровизацией способов коммуникации, что сближает концепции социальной памяти и цифровой памяти.

Ключевые слова: социальная память, цифровизация, цифровая память, коллективная память, медиа

Digitalization of social memory

Denis S. Artamonov

*Cand. of Sci. (History), associate professor,
Saratov State University, Saratov, Russia*

Zoya A. Slivnaya

*master student, Higher School of Economics
Moscow, Russia*

Abstract. The article deals with the problem of digitalization of social memory in the modern era. The concept of social memory dates back to the works of M. Halbwaks, but the greatest contribution to its development was made by Soviet researchers Ya.K. Rebane and V.A. Kolevatov. They laid the foundations for understanding social memory as a communication phenomenon. Modern researchers B. Elizarov and M. Ferraris considered social memory as a repository of ideas about the past formed in the process of social action. The mechanisms of functioning of social memory in the digital age have become the subject of study by J. Garde-Hansen, E. Hoskins and A. Reding, they proposed the term «digital memory», which allowed describing new conditions for the formation of collectively shared ideas about the past in a virtual environment. Theoretical research within the digital memory studies direction is conditioned by the digitalization of communication methods, which brings the concepts of social memory and digital memory closer together.

Keywords: social memory, digitalization, digital memory, collective memory, media

Исследования различных видов коллективной памяти восходят к идеям М. Хальбвакса о существовании неких общих представлений о прошлом, обусловленных социальными рамками. Опираясь на идеи Э. Дюркгейма, описавшем коллективные представления как социологический феномен, М. Хальбвакс показал встроенность индивидуальных воспоминаний в социальный контекст. По мнению Э. Дюркгейма, социальная группа оказывает давление на каждого из своих членов, не позволяя им

свободно судить о понятиях, выработанных сообществом [1 с. 72], обеспечивая свое единство и формируя идентичность через практики коммеморативных ритуалов, являющихся основным медиумом коллективной памяти, сохраняющем и воспроизводящем представления о прошлом. М. Хальбвакс считал, что «индивид вызывает в памяти свои воспоминания при помощи рамок социальной памяти» [2 с. 336], индивидуальное мышление способно к воспоминанию только потому, что оно заключено в коллективные рамки, которые служат орудием для «воссоздания таких образов прошлого, какие в данный период согласны с господствующими идеями данного общества» [2 с. 30].

Советским исследователям социальной памяти не были известны работы М. Хальбвакса, однако, в ее характеристике они в основном повторяют его выводы. Так Я.К. Ребане одним из первых в СССР проводивший исследования в этой области, понимал социальную память как «хранилище результатов практической и познавательной деятельности, выступающих в информационном отношении базисом формирования сознания каждого человека, а также базисом функционирования и развития индивидуального и общественного познания» [3 с. 46]. Другой советский исследователь В.А. Колеватов также связывал социальную память с информационными механизмами функционирования средств сохранения социально значимой информации индивидов, коллективов, социальных групп и всего общества в целом. Функции сохранения и передачи информации для В.А. Колеватова стали важнейшей характеристикой социальной памяти, которую он рассматривал в рамках коммуникационных процессов, определяющих ее роль в познании и мышлении. Средствами реализации коммуникативной функции социальной памяти, по его мнению, были материальные предметы, жесты, речь, изображения, имитация действий, все то, что составляло различные формы социального наследования [4 с. 74].

Концепт «социальное наследование» стал ключевым для характеристики социальной памяти Б. Илизаровым. Он полагал, что ее основной функцией является обеспечение «присвоения», под которым понимается наследование исторически-конкретным человеком определенной совокупности культурно-информационных средств, созданных или приобретенных в обществе в процессе исторического развития. Наследованию подлежат не только выдающиеся культурные достижения, но и обыденный опыт людей, воплощенный в социальной памяти, т. е. в нее включена вся социальная информация, которой обладали предшествующие поколения [5].

Феномен документирования социальной реальности позволил итальянскому исследователю М. Феррарису сформулировать теорию документальности, которая стремится объяснить механизмы функционирования коллективной памяти в эпоху цифровизации. По его мнению, основанием социальной среды является совокупность документов и регистраций, которые представляют собой автономную область реальности, так как отличаются от физических и идеальных объектов [6].

Интеграция цифровых технологий в повседневную жизнь и дигитализация коммуникационных процессов сделала уже невозможным понимание социальной памяти как результата устной или письменной коммуникации. Виртуализация общения в сети Интернет, которая позволяет сочетать форматы устной и письменной передачи информации, меняет способы конструирования представлений о прошлом. Также изменились средства хранения и передачи информации, что позволило рассматривать память как пространство интерфейсов, гаджетов, облачных хранилищ, социальных сетей, чатботов, форумов, сохраняющих данные на определенном машинном языке и делающих возможными любые цифровые репрезентации сведений о прошлом.

По мнению, редакторов сборника «Save as... Digital memories» цифровизация коммуникационных процессов и средств хранения информации изменяют сущность социальной памяти, делая ее цифровой. Дж. Гарде-Хансен, Э. Хоскинс, А. Реддинг в своих работах наметили основные пути трансформации коллективной памяти, предложив

термин «digital memory» для ее описания. Прежде всего, они исходят из очевидного факта, что память в цифровую эпоху конструируется в практиках сотворчества человека и машины в социальном акте создания и переформатирования архивов, фиксирующих информацию о прошлом языком вычислительных технологий. Авторы совершили переход от рассуждений о тотальной медиатизации социальных феноменов, к которым они относят и память, к гипотезе о ее дигитализации. Они утверждают, что социальная память в цифровую эпоху невозможна без машины [7].

Одной из определяющих характеристик социальной памяти является ее коммуникативная природа. Осмысление социальной памяти как цифровой, прослеживаемое в теоретических исследованиях направления digital memory studies, обусловлена цифровизацией способов коммуникации. Цифровая память – это та же социальная память, так как формирует коллективно-разделяемые представления о прошлом в процессе взаимодействия индивидов и фиксации социальных актов в документах или воспоминаниях, с тем отличием, что в цифровую эпоху эта коммуникация становится все более опосредована медиатехнологиями.

Список литературы

1. Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996. С. 6–73.
2. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007. 346 с.
3. Ребане Я.К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания // Вопросы философии. 1982. № 8. С. 46.
4. Колеватов В.А. Социальная память и познание. М.: Мысль, 1984. 190 с.
5. Илизаров Б. Социальная память человечества: структуры и формы // Гефтер [Сайт]. URL: <http://gefter.ru/archive/12244>.
6. Феррарис М. Что такое новый реализм? // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 145-159.
7. Save As... Digital Memories / Ed. by J. Garde-Hansen, A. Hoskins, A. Reading. Basingstoke & New York: Palgrave Macmillan, 2009. 209 p.

Научное издание

XVIII Таврические
философские чтения «Анахарсис»

Человек во власти цифры:
мышление, знание, сознание

Материалы
Всероссийской научной конференции

*Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом РГГУ*

Оригинал-макет
В.Ю. Ефанов

Уч.-изд. л. 13,8
Заказ № 1628